

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

С БОЕВИКАМИ

ИГИЛ

ВЕРА ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗЛА

ПЕТР ЯШЕК

В СОАВТОРСТВЕ С РЕБЕККОЙ ДЖОРДЖ

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ
С БОЕВИКАМИ

ИГИЛ

ВЕРА ПЕРЕД ЛИЦОМ ЗЛА

ПЕТР ЯШЕК

В СОАВТОРСТВЕ С РЕБЕККОЙ ДЖОРДЖ

Originally published in English under the title
Imprisoned with ISIS by Petr Jašek
Copyright © 2020 by Voice of the Martyrs

© 2020 by Voice of the Martyrs for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.
ISBN-10: 1684510090
ISBN-13: 978-1684510092

Заключённый с боевиками ИГИЛ
Петр Яшек
Copyright © 2020 «Голос мучеников»

Авторское право защищено. Использование и размножение материалов публикации без письменного разрешения издателя запрещено, за исключением коротких цитат в критических и обзорных статьях.

Библейские цитаты приведены из Синодальной Библии.

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы: Светлана Фотина, Пётр Никитин
Design & Layout: OM EAST

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи.
О случаях продажи просим сообщать по указанному ниже адресу.

Подписка на бесплатный ежеквартальный бюллетень «Голос мучеников» и электронную рассылку о заключённых за христианское свидетельство христиан — info@vom-gu.org
или
а/я 6, 33024, Ровно, Украина

Больше информации о преследованиях христиан в разных странах мира — www.vom-gu.org
Информация о гонимой церкви для детей — www.deti-otvagi.org

Все материалы «Голоса мучеников» распространяются бесплатно и не подлежат продаже.

С целью защиты христиан, которым служит «Голос мучеников», и особенно тех, кому служил Петр, некоторые имена и подробности были опущены или изменены.

*...Потому что вам дано ради Христа
не только верить в Него,
но и страдать за Него...*

Послание к филиппийцам 1:29

СУДАН ВО ВРЕМЕНА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ИСЛАМИЗАЦИИ

В то время как миллионы граждан Судана борются за выживание в условиях крайней нищеты, голода и политической нестабильности, существование тех, кто следует за Иисусом Христом в стране, управляемой законами шариата и исламистским руководством, давно уже является ещё гораздо более суровым. В течение трёх десятилетий правительство Судана сосредотачивало свои усилия на истреблении христиан, а также тех, кто не являются этническими арабами.

С тех пор как в 1989 году в результате военного переворота к власти пришёл бывший президент Омар Хассан аль-Башир, который ввёл на всей территории Судана строгую форму исламского права, его жестокий режим запугивал, арестовывал, заключал в тюрьмы, пытал и убивал христиан. Стремясь ещё больше исламизировать страну, он также сносил и бомбил здания церквей.

В 1993 году Соединённые Штаты внесли Судан в список государств — спонсоров терроризма, за предоставление страной убежища членам исламских террористических группировок, включая Усаму бен Ладена. В 2005 году мирное соглашение положило конец затянувшейся гражданской войне, в результате в 2011 году независимость обрёл Южный Судан. Чтобы подавить гражданские восстания, Башир отправил арабских ополченцев терроризировать мирных жителей в западном регионе Дарфур, в результате были истреблены около трёхсот тысяч человек и ещё четыре миллиона стали переселенцами.

Ещё до раскола страны Башир был причастным к гибели почти двух миллионов христиан на юге Судана, включая реги-

он Голубого Нила и Нубийские горы. Пытаясь уничтожить все следы христианства в районе Нубийских гор, суданские военно-воздушные войска сбросили более четырёх тысяч бомб на христианские деревни, церкви, школы и больницы. Верующих считали преступниками, их арестовывали, пытали, предъявляли им ложные обвинения и приговаривали к смертной казни.

В марте 2009 года Гаагский международный уголовный суд выдал ордер на арест шестидесятипятилетнего Башира — первый ордер на арест действующего главы государства. Ему было предъявлено обвинение в совершении военных преступлений, а также преступлений против человечности, включая массовое истребление, депортацию, пытки и изнасилования в Западном Судане. В следующем году был выдан второй ордер, на этот раз за организацию геноцида в провинции Дарфур.

Несмотря на оба эти ордера, Башир продолжал руководить Суданом и терроризировать христиан до 11 апреля 2019 года, когда, после нескольких месяцев протестов, диктатор был свержен суданскими военными.

Описанные в книге события произошли в Судане, возглавляемом Баширом, за несколько лет до того, как деспот утратил власть.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воскресенье, 19 мая 2013 года

Тяжёлая стальная дверь захлопнулась, и я оказался в душной камере. Дверь была покрыта грязной бежевой краской, а сверху находилось окно размером не больше пятнадцати на двадцать сантиметров. Сидя на ледящей плитке пола, я смотрел на маленький прямоугольник света и чувствовал себя забытым.

Мои мысли были обращены к дочери Ванде или «Ваве», как мы называем её. Она красивая и умная молодая женщина, которая на следующей неделе оканчивала медицинский вуз. Однако вместо того, чтобы быть с ней, отмечать один из самых важных моментов в её жизни, я был заперт в этой камере. Меня охватило глубокое пульсирующее чувство негодования.

Внезапно стены вокруг меня начали размываться, и комната растворилась во тьме. Я ощутил, что моё сердце безжалостно вырывается из груди. Капли пота стекали со лба и собирались в глазах, щипая их до боли. Я попытался пошевелить конечностями, однако они не поддавались.

Вдруг я почувствовал под собой тёплую простынь, мягкую кровать, знакомое, уютное место. Рука начала покалывать, и я протянул её, чтобы дотронуться до жены, Ванды, спящей рядом. Я видел её длинные светлые волосы, блестящие в лучах утренней зари. Она была так же прекрасна, как в тот день, когда двадцать три года назад мы с ней поженились.

Я вздохнул с облегчением и снова опустил голову на подушку. *«Это был ужасный сон»*. Нахлынуло множество

вопросов. Они напоминали волны, накатывающиеся на мой разум. *«Был ли этот сон посланием от Бога? Предупреждением? Что я мог сделать, чтобы подвергнуться аресту и тюремному заключению?»*

Мы встали с постели и начали собираться в церковь. В то воскресенье члены нашей общины из чешского городка Кладно планировали посетить сестринское собрание в Карловых Варах — причудливом курортном городке недалеко от немецкой границы.

Мы с Вандой сели в машину и, вместе с друзьями, отправились в полуторачасовой путь на запад. Проезжая по сельской местности, я мало говорил. Мои мысли были поглощены вопросами. *«Как я мог оказаться в тюрьме? А может, я допустил ошибку при заполнении налоговых деклараций?»*

Мы рано подъехали к зданию церкви, и я вышел из машины, чтобы пожать руку старейшине общины, который приветствовал нас на стоянке. Он заметил, что я пребываю в раздумьях.

— Петр, с тобой всё в порядке?

— Всё в порядке, — всё ещё пребывая в смятении, ответил я. Что бы я ни говорил или ни делал, я не мог избавиться от какого-то странного чувства. Щелчок замка тюремной двери не выходил у меня из головы.

В течение последующих почти трёх лет этот сон, самый яркий и тревожный в моей жизни, дремал во мне, ожидая, чтобы снова пробудиться.

Два с половиной года спустя

Было почти два часа ночи 10 декабря 2015 года. Я находился в Судане уже ровно четыре дня и не мог дождаться возвращения домой, к своей семье. Я вновь переживал знакомое чувство нетерпеливого ожидания, когда думал о жене, о вкусной, приготовленной ею, еде и мягкости своей постели. Через час мой самолёт должен был вылететь из Хартума, поэтому я решил воспользоваться оставшимися несколькими минутами и, прежде чем покинуть гостиничный номер, связаться по скайпу с Вандой, которая ждала меня дома, в Праге. Услышав её голос, я улыбнулся. Звонок был коротким, и я завершил видеосвязь, желая как можно скорее увидеть свою жену воочию. Я был готов как можно быстрее отправиться в путешествие домой.

Более десяти лет я руководил служением «Голоса мучеников» в Африканском регионе. Поскольку моя работа требовала, чтобы я путешествовал по опасным местам — враждебным странам, в которых граждане-христиане подвергаются жесточайшим преследованиям, — мы с Вандой установили простой способ общения, состоящий из текстовых сообщений, телефонных звонков и видеозвонков по скайпу. Мы также договорились о ряде кодовых слов, которые могли использовать, если бы нам нужно было тайно общаться посредством писем. Моя жена и дети знали, что каждая, совершаемая мной, поездка сопряжена с определённой степенью риска и что в посещаемых мною

местах я мог столкнуться со множеством опасных ситуаций. В то же время я не хотел без необходимости пугать свою семью. Я не желал, чтобы каждый раз, когда я уезжал из дома, они испытывали страх.

В тот день, зная, что во время моего путешествия Ванда будет спать, я собирался отправить ей текстовые сообщения перед вылетом из Судана, после приземления в Найроби, когда вылечу из Найроби, когда приземлюсь в Амстердаме, и после вылета из Амстердама. Если бы всё прошло по плану, Ванда получила бы последнее сообщение после приземления моего самолёта на взлётно-посадочной полосе пражского аэропорта. Она немедленно выехала бы в аэропорт, чтобы забрать меня, синхронизируя своё прибытие с моим выходом из здания.

Поскольку во время этой поездки я путешествовал по туристической визе, поэтому я и одет был как турист, в повседневную одежду: футболку и джинсы; в потайном поясе, сшитом женой, хранились деньги и второй паспорт. Так как мой рейс отправлялся очень рано, всю ночь я не мог уснуть. Я принял душ и выбрил голову.

Я сложил одежду в небольшой чемоданчик, служивший мне ручнóй кладью, и открыл сумку для ноутбука. Там находились мой заграничный паспорт, водительские права, фотоаппарат, солнцезащитные очки, сотовый телефон, USB-накопитель, внешние жёсткие диски и ноутбук. Карта памяти Micro SD с зашифрованными учётными данными аккуратно лежала во внутреннем кармане моего кошелька на случай кражи ноутбука.

Ноутбук представлял собой машину новейшего поколения, которая сошла с конвейера всего лишь месяц назад. Моя жизнь и жизнь преследуемых христиан, чьи истории были задокументированы на устройстве, зависели от моей способности защитить их. Между сеансами интернета я очищал кеш браузера и деактивировал WiFi, чтобы минимизировать свой цифровой отпечаток. Ноутбук никогда не покидал поля моего зрения. Но

если даже кому-то и удалось бы заполучить его, он увидел бы только туристические фотографии, сделанные во время моей последней поездки в Нигерию.

Эти фото Нигерии были предназначены для того, чтобы ввести человека, добравшегося до содержимого моего компьютера, в заблуждение. Вся важнейшая информация — фотографии, которые я сделал прошлой ночью, — была зашифрована на разделённом жёстком диске ноутбука, к которому было почти невозможно получить доступ.

В течение последних четырёх дней я проводил секретные встречи в «Озоне», шумном кафе под открытым небом, расположенном прямо напротив отеля «Парадиз», в котором я остановился. «Озон», с его огромными коричневыми зонтами, защищающими столы и кушетки, был идеальным местом для проведения моих встреч — одна за завтраком, другая — за обедом и последняя — за ужином. В окружении эмигрантов, в том числе иностранных студентов и преподавателей, учившихся и преподававших в различных международных школах Судана, в моём присутствии, присутствии белого человека, не было ничего необычного.

Прежде чем покинуть гостиничный номер, я зашифровал оставшиеся фотографии и, стерев их с камеры, перенёс изображения на тайный раздел жёсткого диска. Я бросил последний быстрый взгляд на комнату. С небольшим чемоданчиком и ноутбуком через плечо я прошёл по коридору и пересёк холл. Был всего лишь очередной обычный ночной выезд из очередного отеля на очередной рейс; который закончится тем, что я, наконец-то, окажусь дома.

К счастью, в этот поздний ночной час дороги были относительно свободны. Поездка от отеля до аэропорта займёт не более трёх минут. Я запланировал, что водитель встретит меня ровно в 2 часа ночи, чтобы у меня был час для регистрации и прохождения паспортного контроля перед отправлением моего рейса.

Однако было уже 02:05, а я всё ещё стоял в темноте на улице. Я не находил никаких признаков присутствия водителя. Через несколько минут я решил вернуться в вестибюль, чтобы поинтересоваться о задержке у администратора.

— С вами едет ещё один пассажир, — сообщила она. Я вышел на улицу и стал ждать. Каждая проходящая минута казалась маленькой вечностью. Не появился и никто из гостей, чтобы ехать со мной. *«Не отговорка ли это, которую портье использует, чтобы задержать меня?»*

Я вернулся на ресепшен, и портье, наконец-то, вызвала водителя. Он предложил взять мой багаж, но я передал ему только чемоданчик с одеждой. Мы сели в шаттл, и водитель захлопнул за мной дверь. Шаттл тронулся с места.

Как и ожидалось, в аэропорт мы прибыли за считанные минуты. Я вошёл в малолюдный терминал и направился к стойке «Авиалинии Кении». Служащий вручил мне три посадочных талона — по одному на каждый отрезок моего пути. Я сунул два посадочных талона в сумку для ноутбука и взглянул на очередь пассажиров, ожидающих паспортный контроль. К этому времени на следующий день я уже вернусь из Африки домой и буду спать в собственной постели.

Как только я сделал шаг по направлению к будке паспортного контроля, я почувствовал, как кто-то похлопал меня по плечу.

— Служба безопасности Судана, — строго представился на ломаном английском языке один из подошедших мужчин. — Просим пройти с нами.

2

Меня не особенно беспокоил тот факт, что я был остановлен офицерами. В некоторых странах, в которых я бывал, службы безопасности аэропорта часто проводят выборочный обыск, чтобы убедиться, что путешествующие не вывозят контрабандой из страны деньги.

«Это рутинная проверка, — сказал я себе. — После нескольких незначительных вопросов и быстрого осмотра багажа я отправлюсь в Кению».

Сопровождающие меня были одеты в чёрные брюки и светлые рубашки с воротниками и короткими рукавами. Я заметил на боках у них пистолеты, когда меня вели в маленькую импровизированную комнату для допросов, в которой стоял стол и несколько стульев. Временные перегородки, которые служили стенами, были серыми. Из-за отсутствия потолка комнату наполнял шум терминала аэропорта.

Я посмотрел на часы. Если я хотел успеть на свой рейс, который должен был отправляться через сорок пять минут, мне нужно было найти способ ускорить этот опрос. Сотрудники службы безопасности не говорили по-английски, поэтому я попытался поговорить с ними по-французски. Они лишь безучастно посмотрели на меня. Судан и Россия поддерживают тесные отношения, поэтому я сказал им несколько слов по-русски. Никакой реакции. Затем я попробовал немецкий и в конечном итоге чешский, мой родной язык. Но, что бы я ни говорил, все мои слова были встречены молчанием.

— Ноутбук! — приказал один из офицеров на ломаном английском.

Я открыл сумку, вынул ноутбук и положил его на стол. Его сразу же включили и начали ждать загрузки системы. Потом повернули компьютер экраном ко мне и потребовали пароль.

— Ни за что! — протестовал я. — Это невозможно.

Я не имел ни малейшего намерения сообщить им пароль, хотя жёсткий диск был зашифрован.

Пока офицеры возились с моим компьютером, я тихо снял с пояса телефон. Мой айфон был запрограммирован на переформатирование после десяти неудачных попыток ввода PIN-кода. Я начал, один за другим, вводить ложные коды, надеясь, что телефон сотрёт всю, находящуюся в нём, информацию. Однако на пятой попытке телефон завис, и мне пришлось ждать минут пять, прежде чем я смог продолжить. Я быстро выключил телефон, чтобы для его открытия потребовался мой код-пароль и мой отпечаток пальца не сработал — на случай, если меня заставят нажать на кнопку.

Один из офицеров заметил, что я набираю что-то на телефоне; мне казалось, он подумал, что я пытаюсь позвонить. Он протянул руку и потребовал мой телефон. Я медлил, чтобы убедиться, что телефон полностью отключился. Потом протянул его ему. Он не пытался включить его, по крайней мере, тогда.

— Камера! — потребовал офицер.

Я передал ему устройство, и он засуетился. В этот момент я услышал, как по громкоговорителю на весь терминал стюардесса объявляет моё имя: «...*Петр Яшек*...». Из-за раннего вылета я не спал почти два дня, и всё, чего мне хотелось, — это сесть в самолёт и расслабиться. Уровень стресса начал расти.

— Вы задерживаете мой рейс! — раздражённо пожаловался я офицеру.

— Нет проблем, нет проблем, — ответил он по-арабски.

Сотрудник службы безопасности перебирал бумаги в небольшой стопке, лежащей перед ним.

— Цель? — потребовал он.

— Я — турист, — ответил я. Офицер тщательно изучил мой паспорт, туристическую визу и регистрацию в полиции.

— Ноу турист, — пробормотал он. — Ноу турист!

Я снова взглянул на часы. Было 3 часа ночи, и посадка на мой рейс наверняка уже закончена. Мой самолёт улетал без меня, и мне придётся лететь следующим.

Я подумал о жене, которая будет волноваться, если она проснется и не обнаружит от меня текстового сообщения. Я знал, что позже в тот же день моя дочь будет сдавать выпускной экзамен по курсу «Внутренние болезни». Я помолился за Ваву, а в это время офицер, который почему-то совершенно не интересовался моим чемоданом, жестом указал на сумку для ноутбука и спросил рваными фразами, есть ли у меня какие-либо другие цифровые устройства хранения данных, как, например, жесткие диски или USB-накопители.

Он порылся в моей сумке для ноутбука и вынул внешние жёсткие диски и другие цифровые устройства. Когда же он обнаружил мой второй паспорт, его глаза засияли.

Поскольку я часто путешествовал по миру, чешское правительство выдало мне три паспорта. Если бы мне пришлось отослать один, чтобы получить визу для предстоящей поездки, я всё равно мог путешествовать с двумя — один для предъявления службе безопасности аэропорта, а другой в качестве резервного.

Сотрудники службы безопасности посмотрели на мой второй паспорт и обменялись многозначными взглядами. *«Они думают, что я — шпион»*. Они забрали мои паспорта, вышли из комнаты и вернулись с большим белым мобильным телефоном.

— Смотри, смотри, — приказал один из них, постукивая по экрану телефона. — Фото.

Я не мог верить своим глазам. На фотографии была изображена одна из моих первых встреч с суданским пастором в «Озоне». Я приложил неимоверные усилия, чтобы не выдать своё удивление мимикой.

— Это, может, я, — спокойно произнёс я, — а может, и нет».

— Имя! — приказал охранник, указывая на моего собеседника, изображённого на экране. Я не ответил.

Офицер провёл пальцем по экрану и показал следующую фотографию.

— Имя? — продолжал настаивать он.

— А в чём проблема? — пожал я плечами. — Да, я встретился здесь с некоторыми людьми.

— С какими людьми?

— Я встретился с некоторыми друзьями, с которыми был знаком раньше.

Он снова провёл пальцем по экрану и повторил вопрос. Я промолчал.

Сотрудники службы безопасности обменялись несколькими фразами по-арабски и, явно разочарованные, вышли из импровизированной комнаты для допроса. Через несколько минут в дверь вошёл хорошо одетый офицер в коричневых брюках и жёлтой клетчатой куртке. Он явно превосходил остальных в чине, однако ничего не сказал, а лишь молча стал в углу, наблюдая за тем, как его сотрудники бомбардируют меня своими отрывистыми вопросами. Мой отказ от сотрудничества заставил офицеров вызвать в аэропорт самого высокопоставленного чиновника. А мои попытки обойти их вопросы превратили их разочарование в гнев.

К 03:45 начальник службы безопасности понял, что допрос не удался. Он выпустил поток арабских слов, и через несколько секунд офицеры собрали свои документы, конфисковали мою ручную кладь, сумку для ноутбука и мой кошелек.

— Вы не пожелали сотрудничать с ними, — пригрозил мне офицер, — поэтому теперь вы поедете с нами.

3

События, приведшие к ситуации, в которой я оказался, произошли двумя месяцами ранее, когда я посетил Эфиопию для участия в небольшой конференции в городе Аддис-Абеба. Недельная конференция в Эфиопии давала возможность христианским руководителям из соседнего Судана собраться вместе для консультаций, обучения и ободрения. На конференции я познакомился примерно с пятнадцатью гражданами Судана и с более десятка экспатриантов, миссионеров и представителей организаций, которые несколькими годами ранее были высланы из Судана. Целью моей поездки было наладить сотрудничество с новыми партнёрами, оценить масштабы преследований христиан и представить пасторам и лидерам десятиминутную презентацию об этом.

Во время конференции пастор по имени Хасан рассказал мне о молодом христианине из Дарфура, который был ужасно изуродован в Хартуме, столице Судана, за свою новообретённую христианскую веру. Он получил ожог почти трети поверхности тела, включая лицо, грудь и руки.

Информация об этом молодом человеке, который так сильно пострадал за веру, коснулась глубин моего сердца и очень опечалила меня. В разных странах мира я встречал такое множество мужчин, женщин и детей, перенёсших огромные трудности из-за своей преданности Иисусу Христу! И каждый раз, знакомясь с очередным героем веры, носившем на своём теле следы Христовы, я благодарил Господа за то, что Он позволил

мне работать в организации, служение которой направлено на удовлетворение духовных и физических потребностей наших преследуемых братьев и сестёр из разных стран мира.

— Нуждается ли он в медицинской помощи? — спросил я.

— Нуждается, — ответил Хасан. — Есть ли у вас возможность приехать в Судан и встретиться с ним?

Несколько дней спустя я вылетел обратно в Прагу в надежде запланировать поездку в Африку, чтобы посетить этого раненого христианина. В период с 2002 по 2011 год я ездил в Судан более десятка раз, главным образом в южную часть страны, однако в последнее время там не бывал. После отделения Южного Судана в 2011 году в Судане усилилась враждебность по отношению к христианам.

В январе 2005 года «Народно-освободительное движение Судана» и правительство страны подписали Всеобъемлющее мирное соглашение, призванное положить конец продолжающейся гражданской войне, развить демократию на всей территории страны и справедливо разделить прибыль от продажи нефти. Соглашение также установило шестилетний график по разработке плана отделения Южного Судана от Северного. С наступлением 2011 года две области Судана стали двумя независимыми странами — Суданом и Южным Суданом — географически разделёнными между собой Нубийскими горами. Почти весь Судан является мусульманской страной, в то время как Южный Судан и Нубийские горы населены большим количеством христиан.

Сегодня в мире проживает около пяти миллионов нубийцев, и примерно полтора миллиона из них живут в Нубийских горах. Остальные были изгнаны, преимущественно в другие части Судана. Поскольку чуть менее половины нубийцев считают себя христианами, они рассматриваются как серьёзная угроза президенту Баширу и его тоталитарному режиму. Целью Башира является полная исламизация и арабизация Судана, поэтому исламское правительство в Хартуме, надеясь уничто-

жить народ нуба как угрозу исламскому праву, начало совершать нападения на мирное население и запретило оказание гуманитарной помощи в районе Нубийских гор, на территории шириной в сто пятьдесят километров. Даже посещение этого района является противозаконным.

Башир усматривает угрозу в жителях Нубийских гор, потому что он видит угрозу в христианах. Самим своим существованием, по мнению правительства Башира, нубийцы уже совершают государственную измену, а любой, кто пытается пролить свет на зверства, совершаемые против жителей Нубы, занимается шпионажем.

* * *

Получение визы для этой поездки оказалось проще, чем я ожидал. Всё, что мне было нужно для подачи анкеты, — это бронь в суданском отеле, поэтому я забронировал номер в отеле «Парадиз» в Хартуме и договорился о том, чтобы в случае необходимости отель зарегистрировал мой визит в местной полиции.

Забронировав номер, я поехал в Вену, ближайший город, в котором находилось посольство Судана, чтобы подать заявление на получение туристической визы, зная, что в ней мне могут отказать. У меня не было другого выбора: подавая заявку на визу, я понятия не имел, смогу ли встретиться с кем-либо из руководителей церкви в такой короткий срок. К сожалению, у меня не было достаточно времени, чтобы попросить одну из церковных конфессий предоставить мне приглашение для подачи заявления на получение религиозной визы. Помимо того что я был столь ограничен во времени, крайне маловероятным казалось и то, что исламистское правительство Судана выдаст мне визу, разрешающую христианскую религиозную деятельность. Каждый раз, впервые приезжая в страну, кроме рабочих встреч, я стараюсь посетить и некоторые из наиболее популярных её достопримечательностей. Поэтому у меня не

было сомнений относительно целесообразности просьбы о предоставлении мне туристической визы — я бы хотел, отчасти, быть и туристом. Когда служители, такие как я, попадают в страну, где преследуют христиан, они не имеют совершенно никаких гарантий. Иногда все запланированные встречи могут пройти без происшествий; а иногда может не быть возможности встретиться даже с одним христианином из-за соображений безопасности или непредвиденных обстоятельств.

В суданском посольстве я предъявил бронь отеля и авиабилетов, заполнил необходимые документы и через два часа получил туристическую визу.

Запланировав поездку, я начал связываться с подпольной сетью пасторов и христианских служителей, с которыми познакомился на конференции в октябре. Некоторые не ответили. Другие сообщили, что их не будет в городе. Используя защищённые каналы электронной почты, а также избегая слов, которые могли бы вызвать подозрение, если наши сообщения всё же были бы перехвачены правительственными чиновниками, я начал разрабатывать подробный план своего визита в Хартум. В этом мне помогали несколько пасторов, а особенно пастор Хасан из Нубийских гор.

Прибыв в Хартум, я смог посетить руины недавно уничтоженных церквей. Видеть разрушенные, сожжённые дотла или снесённые бульдозером церкви всегда трудно. В такие минуты меня охватывает грусть за людей из этой общины и сердце наполняется благодарностью за свою собственную церковь.

Однако такое зрелище больше не повергает меня в шок. В течение многих лет я курировал проекты по реагированию на преследования во многих странах мира, где христианские церкви превращены в руины. В Хартуме большинство этих осквернённых церквей были заполнены общинами верующих из Нубийских гор, которые стали объектом жестоких преследований со стороны их собственного правительства. Согласно заявле-

ниям суданских властей, причиной сноса зданий этих церквей является нарушение ими закона о зонировании, однако на самом деле — это всего лишь предлог для преследований христиан. Все эти здания стояли здесь на протяжении десятилетий.

Народ нуба стал официальным врагом суданского режима, поэтому его преследовали политически, культурно и духовно. Для меня истинная причина этих жестоких гонений была очевидна: христиане исполняли Великое Поручение Христа идти и научить все народы, в том числе и те, которые находятся под главенством ислама. Именно в этом и состоит их тяжкое «преступление».

Когда я наблюдал за страданиями за веру этих храбрых христиан, это укрепляло мою собственную веру и решимость прийти им на помощь. Меня расстраивало и огорчало жестокое обращение с ними со стороны правительства, и я чувствовал себя хорошо оснащённым своим многолетним опытом и сетью связей «Голоса мучеников», чтобы найти способы помочь им.

Однако впечатления от вида разрушенных зданий бледнели по сравнению с тем, какие травмы получали сами христиане. В последний день моей поездки я наконец смог встретиться с молодым человеком, о котором мне рассказал пастор Хасан в Аддис-Абебе и который нуждался в медицинской помощи. Я знал, что сама встреча может поставить под угрозу его безопасность, как и мою собственную, поэтому я не рискнул пригласить его в «Озон». Вместо этого мы договорились встретиться поздно вечером в частном доме недалеко от того места, где он жил.

Моим переводчиком должен был быть новообращённый из ислама по имени Моним, человек, который сам хорошо знаком с преследованиями: после того как он уверовал во Христа, его арестовали и пытали электрическим током. Он был преднамеренно арестован службой безопасности именно в тот момент, когда должен был получить степень магистра, что не дало ему возможности получить диплом. Я восхищался его мужеством и был благодарен за его языковые навыки.

Мы с Монимом встретились с молодым человеком по имени Али Умар Муса, получившим сильные ожоги во время правительственного нападения. Я расспросил его о том, какая медицинская помощь ему уже была оказана, а также какую ещё помощь ему планируют оказать, чтобы вылечить ожоги. С помощью Монима я попросил его снять рубашку, чтобы сделать фотографии его травм. Эти фото помогут врачам, которые сотрудничают с «Голосом мучеников», найти лучшие возможности оказания помощи Али.

Я также спросил Али о его вере, но он, казалось, не понимал вопроса или не хотел отвечать. Моним наклонился и тихо объяснил мне, что друзья и сокурсники Али, сидевшие с нами в комнате, понятия не имели о его новообретённой вере. Не удивительно, что он не хотел открыто говорить о том, что оставил ислам ради следования за Иисусом!

Выйдя из дома, где проходила встреча с Али, мы с Монимом договорились ещё об одной встрече, во время которой я смог услышать его свидетельство о том, как он уверовал, что Иисус — Сын Божий, а также взять интервью у Монима и услышать полную историю его веры.

Размышления о преследованиях христиан в Судане вернули меня к воспоминаниям о преследованиях христиан в Чехословакии, которые страдали от коммунизма во времена моей молодости.

После этих встреч (а я планировал, что эта деликатная беседа будет моей последней встречей в Судане) я перенёс фотографии травм Али на зашифрованный раздел в моём ноутбуке — том самом ноутбуке, который теперь лежал на столе и в котором копались два сотрудника службы безопасности суданского аэропорта.

Двое охранников вывели меня из комнаты для допросов и отвели из аэропорта в белый Land Cruiser, ожидающий снаружи. Это был один из многих представителей этой марки, наводнивших пыльные улицы Хартума. Я сидел на заднем сиденье в течение пятиминутной поездки к управлению НСРБ — Национальной службы разведки и безопасности Судана. Меня отвели в комнату ожидания, расположенную рядом с кабинетом генерала, и я сел на коричневый кожаный диван. В помещении не было ни кондиционера, ни отопления, но даже в 04:30 утра температура в здании всё ещё была приятной для меня, одетого в джинсы и футболку.

...Я прождал несколько часов. Вооружённый АК-47 охранник сидел на стуле у двери в комнату ожидания и охранял выход. Его подбородок упал на грудь, и я подумал о том, не удастся ли мне бежать, хотя и осознавал, что он может проснуться в любой момент.

Почти три часа спустя пришли два сотрудника НСРБ и забрали меня из комнаты ожидания.

— Я хочу связаться с посольством, — сказал я им. — Я хочу связаться со своей семьёй.

Они проигнорировали мою просьбу и отвели меня в комнату для допросов.

— Вы работаете в «Голосе мучеников», верно? — спросил следователь.

Я не мог подвергнуть угрозе работу, которую выполняю, поэтому нашёл способы ответить, не выдавая им информацию, которая может причинить кому-либо вред. Ведь теперь много христиан во многих странах зависят от моей способности мудро отвечать на вопросы. По документам я не был сотрудником «Голоса мучеников» — я сотрудничал с этой организацией в качестве независимого подрядчика, — поэтому для меня не составило труда с уверенностью отрицать:

— Нет.

Он повторил вопрос.

— Я — консультант, который помогает тем, кто оказывает помощь страдающим, — настаивал я, подчёркивая свой опыт работы в администрации больницы. Следователь вынул из папки лист бумаги и начал зачитывать список имён, делая после каждого паузу.

Имена, конечно же, принадлежали пасторам, с которыми я познакомился в октябре предыдущего года в Эфиопии. В моей памяти возникли подозрительные суданские мужчины, которых я заметил, прогуливаясь по холлу во время конференции. Даже тогда я думал, что они выглядят подозрительно. Наконец-то я понял. Эти люди были агентами правительства — информаторами, задание которых заключалось в сборе информации о христианах, присутствующих на конференции.

Я, честно говоря, не помнил имена всех людей, с которыми встречался в Аддисе, однако отказался назвать даже те, которые помнил.

Через несколько минут следователь захлопнул папку.

— Если не будете сотрудничать, — пригрозил он, — вы знаете, что нам придётся задержать вас здесь намного дольше.

Он проводил меня обратно в комнату ожидания, и в течение ещё нескольких часов я ждал на диване.

Когда офицер НСРБ наконец-то отвёл меня обратно в кабинет на допрос, я увидел, что на столе лежит мой открытый

ноутбук, а рядом с ним — внешние жёсткие диски и камера. Перед поездкой в Судан я перенёс фотографии со своего старого ноутбука на новый. Я был на сто процентов уверен, что удалил все фотографии со внешнего жёсткого диска, поэтому во время допроса не беспокоился о безопасности содержимого, зашифрованного в компьютере. Я был уверен, что устройства были чистыми.

Однако от того, что я услышал через мгновение, у меня по коже забегали мурашки.

Следователь нажал кнопку на моём ноутбуке, и я услышал в динамиках знакомый голос: *«Сейчас мы находимся в Нубийских горах...»* Голос принадлежал моему коллеге по служению. *«Почему на моём внешнем жёстком диске видео 2011 года?»*

...В начале Второй гражданской войны в 2012 году, в горячо оспариваемых Нубийских горах, я вместе с другими христианскими лидерами отправился в Нубас, чтобы задокументировать военные действия и предложить помощь преследуемым христианам, которые годами вели христианскую миссионерскую работу в горном регионе, отделяющем Судан от Южного Судана — работу, которую правительство Судана считает противозаконной.

Один из наших рейсов, доставлявших помощь в Нубийские горы, стал последним, которому было разрешено приземлиться. Вскоре воздушное пространство было закрыто, а взлётно-посадочные полосы — разбомблены. Начиная с 2011 года, правительство Судана ограничивало этот вид помощи, и мне было известно, как жестоко оно преследовало нарушителей. В течение более пятнадцати лет по приказу президента Башира Нубийские горы постоянно подвергались бомбардировкам. Однако лишь недавно Организация Объединённых Наций начала прислушиваться к людям, которые сообщали об этих бомбардировках, — таким людям, как мой друг, чей голос сейчас звучал на видео, которое мне демонстрировали. *«Но как же это видео попало на мой ноутбук?»*

Затем прокурор положил на стол фотографию двух мужчин, сидящих внутри фюзеляжа самолёта. Я сразу узнал фото и, присмотревшись, заметил надпись внизу: «Направляемся в зону военных действий».

Внезапно всё стало ужасающе ясно. Национальной разведывательной службе удалось восстановить удалённые видео и фотографии с моих внешних жёстких дисков — тех, которые я использовал для перенесения видео и фотографий с моего предыдущего ноутбука в зашифрованный раздел жёсткого диска нового ноутбука. Они также нашли способ восстановить удалённые цифровые изображения тела Али, которые я сделал в последний вечер своей текущей поездки, незадолго до ареста.

— Как зовут этого человека? — спросил следователь, указывая на фотографию молодого студента-христианина.

Я отказался отвечать, задаваясь вопросом, как они могли получить доступ к удалённым фотографиям. Затем мной овладело леденящее ощущение, быстро распространяющееся по шее и позвоночнику, и ужасно заныло в животе. *«Я уверен, что удалил фотографии, однако не очистил карту памяти SD-камеры при помощи специальной программы, которая сделала бы невозможным восстановление файлов».* Мужчина вытащил лист бумаги и начал читать список имён. Я сразу понял, что имена были взяты из контактов в моей учётной записи в скайпе. Разведывательная служба получила доступ к ней и использовала мои контакты, чтобы отследить мои связи с сотрудниками «Голоса мучеников» и других христианских организаций.

Теперь я осознал, что у меня определённо большие проблемы. Мне было известно, что правительство Судана вполне может заполучить веские аргументы против меня, потому что в глазах его жестокого закона те, кто занимаются таким христианским служением, считаются не только шпионами, но и врагами государства.

Несколько часов спустя меня вернули в комнату для допросов, и я увидел разбросанные по столу фотографии. Там были десятки снимков, на которых я входил в отель «Парадиз», выходил из него, пересекал вестибюль, ел в «Озоне», посещал разрушенную церковь. В течение последних четырёх дней власти Судана, как оказалось, наблюдали за мной, вели слежку и документировали всю мою деятельность в Хартуме. Следователь показал мне ряд фотографий с зеленоватым оттенком, сделанных камерой ночного видения. *«За мной следили днём и даже ночью»*. Я был встревожен и очень разволновался, однако упорно пытался сохранять спокойный вид.

Наконец следователь вытащил SD-карту и триумфально бросил её на стол. Карта памяти была защищена паролем и содержала копии моих финансовых отчётов. Я носил её в кошельке, когда путешествовал, чтобы иметь возможность своевременно обновлять финансовую информацию. Однако для следователя разведывательной службы эта карточка была ещё одним доказательством моей принадлежности к шпионской организации.

— Пожалуйста, позвольте мне связаться с посольством, — снова попросил я. — Позвольте мне связаться с моей семьёй.

Не отвечая, следователь провёл меня обратно в комнату ожидания, а через несколько часов опять забрал, чтобы провести очередной быстрый допрос. Так продолжалось до конца дня, а потом — до поздней ночи. В печали и молчании я ожидал, зная, как будет волноваться Ванда, и удивлялся, насколько

плоха была моя ситуация. Чтобы нарушить однообразие и позволить мне размять ноги, следователь позволил мне перейти на лестничную площадку. Было около полуночи, но здание Национальной службы разведки Судана всё ещё кипело активностью, и я то и дело наблюдал, как сотрудники поднимались и спускались по лестнице.

Пока я ждал, я думал о своих родителях, которые годами подвергались гонениям в коммунистической Чехословакии за то, что были христианами. Я родился в христианской семье в 1960-е годы во времена коммунизма, когда моя страна была частью так называемого Восточного блока и была в сфере влияния Советского Союза. За десятилетие до моего рождения христиане подвергались ужасным пыткам, тюремному заключению и часто смерти во всей оккупированной коммунистами Европе. Это было время, когда правительство сильно преследовало нас и запрещало исповедовать нашу веру за пределами утверждённых и контролируемых государством церквей.

Поскольку мой отец был пастором, наша семья часто переезжала. Когда я был в четвёртом классе, мы в очередной раз поменяли место жительства и переехали в другой город. Мне, самому младшему в семье ребёнку, переезжать в новый район в разгар учебного года всегда было очень трудно, потому что каждый раз одноклассники спрашивали меня: «Чем занимается твой отец?»

Это очень естественный вопрос, но я боялся сказать правду. Я боялся, что мои одноклассники будут смеяться надо мной, если узнают, что мой папа — пастор, поэтому я говорил, что он — пчеловод. Мой ответ не был полностью ложью, потому что хобби папы были пчелиные ульи. Но в глубине души я знал, что лгал, и мой разум всегда возвращался к истории в Библии, когда другой Петр, Симон Петр, ученик Христа, отрекался от Иисуса, говоря, что не знает этого человека (Евангелие от Луки 22:54–62).

В детстве меня преследовало осознание того, что я отрёкся от Христа. Мне было стыдно. Когда в пятнадцать лет я стал христианином и начал следовать за Христом, я принял сознательное решение никогда больше не отречься от своего Спасителя.

В годы моего обучения в средней школе церковь отца часто посещали сотрудники службы безопасности. Они следили за его служением, за ним лично и затем сообщали о его христианской деятельности правительству. В дополнение к своему служению в церкви, мои родители также вели тайную, подпольную программу обучения ученичеству для молодёжи по всей стране. Однажды я вернулся из школы и узнал, что мои родители арестованы. И прежде, чем их отпустили, им пришлось пройти массу дотошных допросов службой безопасности.

Именно мой отец научил меня, как вести себя во время допросов. Он научил меня важности отвечать на вопросы последовательно и внимательно, потому что следователи часто задавали одни и те же вопросы многократно, чтобы обнаружить разницу в ответах. Он также научил меня тщательно разделять информацию, уже *известную* следователю, и ту, которую он *хочет узнать*.

Я не знал, что будет на следующий день, и чувствовал себя плохо подготовленным к тому, что мне предстояло, но я успокоился, полагаясь на Божье обещание Давиду, данное в Книге Псалмов: «Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне» (Псалом 114:6).

Размышляя об этом псалме, я заметил человека, спускающегося по лестнице. У него были седые волосы и длинная седая борода, а его кожа была светлой, более как у араба, чем как у суданца. Я видел его раньше: он сидел в холле гостиницы «Черчилль» в Аддис-Абебе два месяца назад. Меня осенила отрезвляющая мысль: *«Суданской службе безопасности было известно обо мне всё ещё до того, как я въехал в страну»*.

Двадцать два часа тому назад в четырёх тысячах километрах на северо-запад в нашем доме в Праге моя жена Ванда с нетерпением ждала от меня весточки, в то время как меня допрашивали в аэропорту Хартума.

Когда наступило 07:30 утра, Ванда начала волноваться. Она должна была получить от меня сообщение до того, как мой рейс вылетел из Судана в 2 часа по её времени. Самое позднее, я должен был выйти на связь, либо прислав смс, либо по скайпу, к 07:30 утра, когда мой рейс вылетел из Найроби в Амстердам. «Возможно, Петр пропустил свой рейс?» — задавалась она вопросом. Ванда знала, что я должен был вернуться в Прагу в 17:30, но к вечеру от меня всё ещё не было никаких вестей. Она проверила расписание рейсов авиакомпании и узнала, что в ту ночь было ещё два входящих рейса из Амстердама, причём последний должен был прибыть в 22:30.

Ванда выросла номинальной католичкой. Она была внучкой фермера, заключённого в тюрьму за сопротивление попыткам коммунистов отобрать у него землю. На протяжении всей своей ранней жизни она не интересовалась Богом. В двадцать лет Ванда начала работать в больнице — в том же отделении, где работал и я.

Однажды я сознательно оставил Библию в комнате дежурного персонала, чтобы читать её во время своей смены. В течение нескольких недель я подозревал, что её читает кто-то ещё. Когда заведующий отделением потребовал, чтобы я убрал Библию, Ванда подошла ко мне и попросила дать ей Писание.

В ноябре 1989 года, когда в Чехословакии во время Бархатной революции начали рушиться стены коммунизма, стены вокруг сердца Ванды также начали рушиться. Со временем Ванда стала христианкой. Когда в возрасте пятнадцати лет я посвятил жизнь Христу в летнем лагере в Восточной Германии, я пообещал себе, что никогда не женюсь и не буду воспитывать детей при коммунизме. Однако всё поменялось, и я оказался очарован этой смелой, красивой женщиной и её расцветающей христианской верой.

Со временем между мной и Вандой установилась тесная связь, и мы часами обсуждали Евангелие и свою общую приверженность Иисусу Христу. Наша дружба вскоре переросла в любовные отношения, и 6 апреля 1990 года мы обменялись брачными обетами. Как принято в нашей стране, после свадьбы Ванда стала Вандой «Яшковой» — эта фамилия на чешском языке означает, что она «принадлежит» Яшеку.

Ванда доверилась мне, и мы вместе доверили наше будущее Христу, независимо от того, что ожидало нас впереди.

* * *

В то утро Вава сдала свой последний экзамен по внутренним болезням и провела вечер, празднуя с друзьями. Около 22:30 она получила от матери обеспокоенное текстовое сообщение: «Пропал отец». Вава поспешила домой.

Они с братом пытались успокоить Ванду. «Может быть, у него не было возможности позвонить, — предполагали они. — А может, времени на пересадки было слишком мало».

Ваве, которая свободно владела английским языком, было поручено делать телефонные звонки, однако у неё не было определённых инструкций, которым необходимо следовать в случае, если бы я пропал. Всякий раз, когда я путешествовал, я оставлял Ванде информацию об отеле и рейсах. Первый звонок моей жены был нашему пастору. Сразу же наша церковь начала

молитвенную цепочку, и разные члены общины подвизались молиться за меня, чтобы к Богу непрерывно возносились за меня молитвы. После Вава предупредила сотрудников «Голоса мучеников», что её отец не вернулся с поездки, а затем позвонила в чешскую полицию. «Мой отец должен был вернуться из Судана, — сказала она, — но он не прибыл в аэропорт. Мы не знаем, что с ним произошло».

Вава и Ванда подали заявление в местное отделение полиции. Офицер попросил подробную информацию о финансах нашей семьи, мою контактную информацию, историю нашей семьи и список родственников, а также о любых связях, которые могли бы помочь найти меня. Наконец, полиция внесла моё имя в список граждан, пропавших без вести, составляемый Интерполом.

Всю ночь члены моей семьи провели в поисках в интернете информации о том, что делать дальше. На следующее утро Вава позвонила в посольство Судана в Вене, однако это не помогло продвинуться вперёд ни на шаг. Она повесила трубку и позвонила в посольство Чехии в Каире, которое также лоббирует интересы Чехии в Судане. Но поскольку была пятница, еженедельный выходной день в правительственных учреждениях Египта, на звонок никто не ответил, поэтому она оставила голосовое сообщение и позвонила в Министерство иностранных дел в Праге. «Наш отец пропал, — сказала она. — Мне нужна помощь».

К удивлению Вавы, в пятницу днём на её звонок ответил посол Чехии в Каире. Он начал расспрашивать подробности, касающиеся моей поездки.

— Что он делал в Судане? — спросил посол. Вава ответила, что я — турист. — Есть ли какие-либо известные вам конфликты, которые могли бы привести к его аресту?

— Мы — христианская семья, — сказала Вава и назвала церковь в Праге, которую мы посещаем. Посол повесил трубку с обещанием раздобыть обо мне какую-либо информацию.

Однако вскоре Ваве пришлось отказаться от прикрытия, что я — турист, потому что Судан не та страна, куда обычно приезжают для осмотра достопримечательностей. Кроме того, было бы странно, что отец уехал в отпуск один, без жены и детей.

В течение дня в перерывах между бесчисленными телефонными звонками Вава и её брат Петр молились вместе с матерью. Мой заместитель из «Голоса мучеников» прибыл к нам домой и сразу же вместе с Вавой принялся звонить.

Они позвонили в отель «Парадис» в Хартуме и узнали, что я отправился в аэропорт на шаттле. Затем вызвонили водителя шаттла, но, поскольку он говорил только по-арабски, они не смогли добыть у него какую-либо информацию. Представитель «Кенийских авиалиний» сообщил, что я зарегистрировался на рейс, но не сел в самолёт.

Моим последним известным местом нахождения был аэропорт Хартума, поэтому моя семья пришла к выводу, что меня, вероятно, не похитили. Теперь Ванда боялась тревожной реальности: я находился под арестом правительства Судана.

Сразу после полуночи меня снова пробудили от лёгкого дрёма на диване (в комнате ожидания рядом с кабинетом генерала) и снова повели в комнату для допросов. Я изо всех сил пытался как можно быстрее привести свой разум и тело в режим бдительности. В комнату вошёл офицер с папкой в руках. Он вызвал трёх конвоиров, показал им содержимое папки и подписал документы. Когда я увидел, как он закрыл папку и передал одному из конвоиров, я сразу же понял, что происходит.

«*Меня отправляют в тюрьму*». Папка, заполненная личными делами и фотографиями тех, с кем я встречался в Хартуме, свидетельствовала о том, что меня не собираются допрашивать только до следующего вылета. Они проделали слишком много работы, чтобы просто задержать меня на несколько часов. Теперь я арестован. И моё пребывание в тюрьме, вероятно, не будет коротким. Мне возвратили чемодан и одежду, однако следователи оставили у себя мои два паспорта, удостоверение личности, водительские права, сумку для ноутбука и её содержимое.

Два до зубов вооружённых конвоира затолкали меня на заднее сиденье маленькой белой Kia. Один из них сел на пассажирское сиденье рядом с водителем, другой — рядом со мной, с автоматом наготове.

Через двадцать минут езды машина остановилась рядом с относительно небольшим невзрачным четырёхэтажным зданием — тюрьмой Национальной разведывательной службы Судана для политических заключённых. Меня препроводили

внутри и передали моё дело начальнику тюрьмы. Так начался медленный процесс поступления в тюрьму.

— Когда вы учились в начальной школе? — спросил чиновник.

Это был странный вопрос, но он меня не удивил. Я знал, что суданский офицер безопасности, скорее всего, попытается собрать как можно больше информации обо мне, моей семье и круге моего общения. Я был знаком с таким видом допроса — он напоминал вопросы, которые обычно задавали арестованным во времена коммунизма в Чехословакии. Я глубоко вздохнул, чтобы успокоить нервы.

Я не собирался выдавать чиновнику какую-либо информацию, которую он мог бы использовать против меня, поэтому молчал. Поняв, что я отказываюсь отвечать, он молча смотрел на меня. В этот момент я не спал уже в течение сорока восьми часов и просто изнемогал. Я догадывался, что чиновник намеревается дожидаться ответа, поэтому назвал несколько случайных дат, которые он записал.

— Как зовут вашу мать? — продолжил он.

— Мама умерла восемнадцать лет назад, — ответил я, однако он всё равно настоял на том, чтобы я назвал её девичью фамилию. Я решил, что вероятность того, что эта информация будет компрометирующей, невелика, поэтому ответил.

Чиновник посмотрел в документы, разложенные перед ним на столе, в поисках следующего вопроса.

— Кто является родителями троих ваших родственников?

Эти вопросы продолжались в течение некоторого времени, и я равнодушно давал на них часто неточные ответы, чтобы ускорить процесс. Мои часы были конфискованы, и я не был уверен в точном времени. Был, вероятно, первый час ночи.

Чиновник закончил допрос и передал меня тюремному фотографу. Когда он делал огромные снимки спереди и сбоку, у меня снова возникло ощущение, что моё пребывание здесь затянется намного дольше, чем на одну ночь.

Прежде чем я сдал свой чемодан, тюремщик позволил мне взять из него несколько предметов одежды: одну пару брюк, две рубашки, несколько пар нижнего белья и пару носков. Я взял также мыло, зубную щётку и пасту. Ремень же и лёгкую летнюю куртку мне запретили взять. Обычно, путешествуя в Африку, я брал с собой запасное полотенце, но, поскольку в этот раз я забронировал номер в отеле «Парадис», я не видел необходимости брать его в эту поездку — это было решение, о котором теперь очень сожалел.

Меня и ещё одного вновь прибывшего заключённого привели к лифту, который доставил нас на третий этаж. Тихий коридор был почти не освещён; подняв глаза, я заметил, что большинство лампочек не горело. Проходя по коридору, я видел прямоугольники света, падающего из маленьких окошек в дверях некоторых камер. Темнота в коридоре и яркое освещение камер позволяли сотрудникам видеть, что происходит в каждой камере, а заключённые таким образом не могли видеть охранников в коридоре.

У одной камеры сопровождающие меня остановились. Один из них открыл дверь и провёл заключённого, стоящего рядом со мной, в переполненную комнату. Я начал следовать за ним, однако получил указание подождать.

Чуть дальше по коридору мы остановились у другой камеры. Надзиратель отпер дверь и жестом приказал мне войти внутрь. Камеру наполнял резкий свет флуоресцентной лампы, который освещал лежащих на полу пятерых мужчин. Шестой растянулся на единственных металлических нарах. Когда я вошёл, заключённые зашевелились. Эти камеры были рассчитаны на одного заключённого; те, кто их планировали, и не догадывались, что столь маленькое пространство придётся делить семи заключённым.

Когда я наблюдал за тем, как сопровождавшие меня разворачиваются, чтобы уйти, мой взгляд упал на грязную бежевую

краску, покрывавшую тяжёлую металлическую дверь. Я тут же услышал щелчок автоматически закрывающегося замка. Я сразу же узнал этот звук. Я узнал эту камеру. Я был здесь раньше.

Только на этот раз это был не сон...

Я осмотрел своё новое окружение и подумал о том, как мы все семеро собираемся жить в этой камере шириной не более двух с половиной метров и длиной примерно четыре метра. Стены моего нового пристанища были грязными, кругом ползали и летали насекомые — муравьи, мухи и комары. Я заметил низкую, незакрывающуюся деревянную дверь, отделяющую зону туалета и душа, и почувствовал запах плесени, растущей рядом с этой примитивной ванной комнатой. Душ не работал, а металлический унитаз западного типа был покрыт ржавчиной. Из стены выходил шланг, по которому подавалась вода, и вскоре я узнал, что она бывает только раз или два в день, а иногда её не было целую неделю. Я научился собирать бутылки и наполнять их каждый раз, когда появлялась вода.

Ржавая металлическая рама единственных в комнате нар глубоко въелась в пространство, как и стол со стулом. Комнату наполнял невыносимый смрад, исходивший от тел. Осознав реальность новой ситуации, я почувствовал, как будто мой желудок вывернуло наизнанку. *«Как долго мне придётся это терпеть?»*

У лежащих на полу мужчин были матрасы и одеяла. Они сдвинулись поближе друг к другу, чтобы освободить для меня немного места у входа в туалет. Мне не выдали матраца, и грязный плиточный пол охлаждал мне спину через тонкую футболку. Я попытался заменить одеяло своими запасными рубашками. Одной я накрыл верхнюю часть тела, а другую обернул вокруг ног. Однако они мало чем помогли мне в борьбе с декабрьски-

ми сквозняками. Я задался вопросом, как скоро я заболею. Комнату освещал яркий свет. Я думал о своих жене и детях. «*Как они, должно быть, обеспокоены*». Тревога, которую я испытывал, давила меня, как камень.

Так, свернувшись калачиком на холодном полу в переполненной грязной камере, я попытался поспать хотя бы несколько часов.

* * *

Примерно в 04:30 меня разбудил *азан*, громкое пение утреннего призыва к молитве. Он зазвучал в тюрьме с первыми лучами рассвета и распространялся из камеры в камеру, пробуждая каждого мусульманина для молитвы. Я был в состоянии повышенного внимания.

Мужчины вокруг меня поднялись и начали совершать утреннее омовения. У них всех были длинные бороды, и только короткая щетина на месте усов. Таких людей я видел и раньше среди экстремистов в других мусульманских странах. Я заметил, что большинство из них были одеты в длинные, балахонистые *халабии*, обычную для арабских мужчин одежду. Я отошёл, чтобы они могли добраться до высокого *ибрига* с водой, стоявшего в ванной. Пластиковый сосуд с длинным носом не выглядел чистым, но я знал, что без этого ритуального омовения мои сокамерники-мусульмане не смогут совершить свои утренние молитвы.

— Когда мы молимся, — сказал мне по-английски один из сокамерников, — ты должен проснуться и стоять здесь. — Он указал на дальний угол комнаты. — Ты не можешь находиться у нас перед глазами.

Из угла комнаты я наблюдал, как каждый мужчина кланяется наполовину наполненному водой сосуду. Каждый раз они наклонялись к полу и ударяли что-то, что именно — я не видел.

Они повторяли это движение более десятка раз в то время, как комнату заполняло скандирование ими молитвы.

Закончив, мужчины вернулись на свои матрасы, поскольку пространство в комнате было крайне ограничено. Те, кто говорили по-английски, начали задавать мне вопросы.

— Из какой ты страны и почему здесь?

— Из Чехии, — ответил я. — Я собирался уже покинуть Судан после четырёхдневного визита, когда был задержан в аэропорту суданской службой безопасности, которая также конфисковала мой ноутбук, камеру и телефон.

— Чем ты занимаешься?

Поскольку было очевидно, что я белый европеец, я знал, что они, вероятно, подозревали, что я — христианин, однако я решил не рассказывать о том, что на самом деле делал в Судане — что я приехал в эту страну, чтобы встретиться с суданскими пасторами. Вместо этого я рассказал им о своей частной консалтинговой компании, работающей в сфере здравоохранения, и объяснил, что приехал в Судан в качестве туриста.

— Здесь нет газет, — сказал кто-то из заключённых.

Первое, что пришло мне в голову из недавних новостей, это теракт 13 ноября в Париже, произошедший менее месяца назад. «Из-за скоординированных терактов в нескольких местах по всему городу, — сообщил я, — погибло 129 человек». Я добавил, что ответственность за подрыв террористов-смертников и массовые расстрелы взяло на себя ИГИЛ.

Присутствующие внезапно замерли, а затем разразились неистовыми криками «Аллаху Акбар!». Я был поражён и не мог сдерживать глубокий вздох. Мои глаза расширились. Мужчины вскочили с пола и начали хватать друг друга в ликующие объятия. Они торжествующе поднимали руки и танцевали по нашей переполненной камере, похлопывая друг друга по спине и улыбаясь. Я медленно отполз к ближайшей стене, мои руки

внезапно стали липкими от пота. Его капли стекали по верхней губе и лбу. Я старался сделать над собой усилие и не дрожать.

В течение нескольких минут мои сокамерники праздновали успех террористической операции во Франции. Я видел такие мусульманские торжества по телевизору, но испытать такое на собственном опыте было шокирующе.

В те страшные моменты я осознал, что был заключён в камеру с исламскими экстремистами. В ближайшие дни я узнаю ещё больше — что мои сокамерники являются членами ИГИЛ.

Один из моих сокамерников учился на фармацевта. Он прекрасно говорил по-английски и объяснил мне, что его арестовали в Турции, когда он пытался перебраться в Сирию, где планировал предложить свои медицинские знания к услугам Халифата. Очень скоро я обнаружил, что он — не единственный из моих сокамерников с такой приверженностью. Для обозначения «Исламского государства» они использовали арабскую аббревиатуру *ДАИШ*.

Невзирая на то, что правительство Судана является исламистским правительством суннитов, даже оно не желало видеть рост влияния ИГИЛ (также мусульман-суннитов) в пределах своих территорий. Правительство Башира опасалось, что, если позволить группировке беспрепятственно расти и укрепляться, со временем она может составить ему конкуренцию в борьбе за власть над народом Судана. Правительство также работало над улучшением дипломатических отношений с некоторыми из западных правительств, и ключевой составляющей этих усилий было желание, чтобы Судан рассматривали как «союзника» в «войне с терроризмом».

Пять раз в день мне приходилось стоять в углу камеры и наблюдать за тем, как мои сокамерники-мусульмане — все члены ИГИЛ или крайне рьяно сочувствующие — склоняли головы в молитве. На пол посреди камеры помещали наполовину заполненную водой бутылку, которая указывала направление к Мекке, чтобы они могли правильно «нацеливать» свои молитвы.

Первыми каждое утро вставали экстремисты и стягивали одеяла с более номинальных мусульман, пробуждая их оглушительными криками «*Салах! Салах!*». Во время молитвы они стояли позади других, чтобы исправлять их положение и показывать, куда направлять ноги и как правильно кланяться. Когда я наблюдал за их наставлениями о том, как правильно интерпретировать Коран, для меня стало очевидным, что мои преданные исламу сокамерники заняты радикализацией и вербовкой для своего дела других. Я колебался между чувством жалости к их душам и беспокойством из-за ненависти, которую они воспитывали в нашей крошечной запертой камере. В камере было три или четыре копии Корана, поэтому я снова и снова просил предоставить мне Библию.

Обычно надзиратели просто смеялись надо мной.

Ислам запрещает произведения искусства с изображением лиц людей или животных, поэтому мои сокамерники замазывали розовой зубной пастой рисунки, оставленные предыдущими заключёнными на стенах нашей камеры.

Нам никогда не давали достаточно еды, чтобы утолить голод. Мы ели вместе, хватая еду из одной миски голыми руками. Поскольку многие суданцы не пользуются туалетной бумагой, а мои сокамерники редко мыли руки с мылом после посещения туалета — частично из-за того, что воду подавали только раз или два в день, я почти полностью потерял аппетит. Я старался не обидеть их и выбирал себе кое-что из еды, но каждый день чувствовал, что становлюсь все хуже и слабее. Чтобы предотвратить заражение, я вымылся в двух литрах воды с красным карболовым мылом, которое выдавали в тюрьме, и мыл руки так часто, как только мог. Запах этого мыла напоминал дезинфицирующее средство, используемое в больницах нашей страны в 1960-х годах.

Фармацевт был не единственным из моих сокамерников верным ИГИЛ; несколько из них ездили в Сирию, чтобы сра-

жаться в рядах радикальных джихадистов. Другие же хотели поехать, но пока им это не удалось. Они были заключены здесь, в тюрьме Национальной разведывательной службы Судана, за радикализм и совершение множества других преступлений: неофициальный обмен денег, незаконную торговлю оружием, золотом и продажу бензина на чёрном рынке.

В солнечные дни я чувствовал себя обнадёженным и утешенным лучами света, просачивающимися сквозь замазанное стеклянное окно под потолком одной из стен. Несмотря на то, что из камеры я не мог видеть двор, из окна открывался прекрасный вид наружу. В ясные дни утром я мог видеть солнце около пятнадцати минут, и это ободряло мой дух. Однако, когда солнце меняло своё положение, камеру снова окутывала тень. Мне всё время было холодно.

Однажды я выглянул в маленькое окошко в двери и увидел проходящего мимо надзирателя.

— Можно мне одеяло? — спросил я, постучав в дверь, чтобы привлечь его внимание.

Он остановился и ухмыльнулся.

— Ты ведь из Чехии, — сказал он. — Ты привык к холодной погоде. Для тебя — никакого одеяла.

Мне оставалось только надеяться, что, когда один из заключённых будет освобождён, я унаследую его грязное, вонючее одеяло.

Через неделю моего заключения ко мне подошёл мужчина, который спал на единственных нарах в нашей камере. Его семья только что привезла ему второе, совершенно новое, одеяло — мягкое, фланелевое, с жёлтыми и оранжевыми цветами — и он решил отдать его мне.

— Это — тебе, — сказал он со слезами на глазах. Я был тронут его даром и почувствовал, как эмоции отразились в моих глазах. Впервые с тех пор, как я попал в тюрьму, мне наконец-то станет тепло. Этот жест доброй воли ошеломил меня.

Даже в такой ужасной ситуации Бог напомнил мне о Своей заботе и помощи. Он ответил на мою молитву.

— Мне нечем тебе отплатить, — сказал я ему. — Что я могу для тебя сделать? — То, что он сказал дальше, застало меня врасплох.

— Помолись за меня, — попросил он.

— Могу ли я помолиться, чтобы ты нашёл правильный путь к Богу?

— Да, — сказал он, — пожалуйста, молись, чтобы я мог найти правильный путь к Богу.

Четыре дня спустя мой сокамерник был освобождён, и я больше никогда не видел его.

* * *

В 2012 году Салах Абдалла Гош, директор Национальной разведывательной службы Судана, курировал строительство четырёхэтажной тюрьмы, которая теперь стала моим домом. На верхних двух этажах было около сорока камер, под ними — этаж офисов, а первый этаж был предназначен для допросов и пыток. Квадратное здание было относительно современным, однако к тому времени, когда я туда попал, оно уже было в ужасном состоянии. В ноябре 2012 года здание было завершено, Гоша обвинили в заговоре с целью переворота и свержения президента Омара аль-Башира. В течение шести месяцев он отбывал заключение в учреждении, которое построил сам.

Эта тюрьма разведывательной службы была сооружена по британской модели, и мне сказали, что металлические элементы, такие как нары, столы и туалеты, а также некоторые материалы, использованные во время строительства тюрьмы, были на самом деле импортированы из Великобритании. Однако качество постройки было на низком уровне. Изоляция оказалась

неэффективной для защиты от влаги, и время от времени по стенам текла вода. В тюрьме был кондиционер, но мне сказали, что в летние месяцы он не способен поддерживать постоянную температуру. Воды хватало только для ритуальных омовений мусульман, но почти никогда не было достаточно для душа.

Несмотря на то, что британцы разработали эти камеры как одиночные, суданские тюремные власти «приспособили» их для большего количества заключённых, обычно семи. Только когда поступали заключённые из Дарфура и Нубийских гор — предполагаемые враги режима Башира — их помещали по пятнадцать в одну камеру. После того, как другие заключённые сообщили мне, что в последнее время начался большой приток заключённых, я был благодарен, что нас в камере было «всего» семь человек.

Всякий раз, когда я путешествовал, я брал с собой пузырёк средства от головной боли — комбинацию аспирина, ацетаминофена и кофеина. Сотрудники тюрьмы, очевидно, нашли его в моём чемодане и решили, что я должен получать регулярные дозы этого лекарства. Забота надзирателей о том, чтобы я ежедневно принимал свою дозу, казалась мне довольно смешной — во всяком случае, регулярный приём этого лекарства скорее принесёт больше вреда, чем пользы. Однако, поскольку я страдал от утренних головных болей, вызванных обезвоживанием, каждый день, когда мне приносили таблетку от головной боли, я покорно глотал её. Я спрятал «Имодиум» и «Маларон» (противомалярийное средство), которые они нашли в моём чемодане, на будущее, на случай если мне действительно понадобятся эти лекарства.

Законодательство Судана даёт Национальной разведывательной службе право удерживать граждан на разные сроки без судебного разбирательства и вынесения приговора. Так, например, обменщики валют и контрабандисты золота могут быть задержаны на четыре месяца. Сочувствующие ИГИЛ, как, например, мои сокамерники, могут удерживаться до года.

День за днём я выслушивал их истории и искал возможность рассказать им о любви Иисуса. Однажды несколько человек завели разговор о пасторах из США, которых мусульманам удалось убедить принять ислам. В некоторых странах Европы и Ближнего Востока распространился странный синкретический гибрид христианства и ислама, иногда называемый «*хрислам*».

— Вот это — истинная религия, — заявил мой сокамерник, член ИГИЛ.

Конечно, некоторые христиане, чаще номинальные христиане, а не возрождённые верующие в Иисуса Христа, принимают решение следовать принципам ислама. Однако мне известно о том, что гораздо больше мусульман — сотни тысяч в разных странах по всему миру — оставили Мухаммеда и теперь следуют за Иисусом Христом. Я не хотел начинать спор, но надеялся, по крайней мере, посеять семя, которое заставило бы моих сокамерников задуматься.

— Я знаю других людей, — ответил я, вспомнив о молодой женщине по имени Моника, — мужественных христиан из Нигерии.

В июле 2009 года Моника и её муж ехали на мотоцикле по городу Майдугури в Северной Нигерии. Был четверг, и они направлялись в церковь на изучение Библии. Однако пока они ехали, исламские боевики в камуфляжной военной форме и масках заполнили дорогу и преградили им путь. Мужчины были вооружены длинными острыми мачете и автоматами. Моника и её муж знали, что эти люди были членами «Боко Харам», террористической джихадистской группировки, неистовствующей в Северной Нигерии.

— Какова ваша религия? — спросил один из боевиков, угрожающе шагнув вперёд с мачете в руке.

— Мы — христиане, — смело ответили Моника и её муж.

— Вы можете спасти свои жизни, став мусульманами, — предложил боевик. — Повторите *шахаду*, — настаивал он,

имея в виду мусульманский символ веры. Однако двое христиан наотрез отказались.

— Мы — христиане, — заявили они, — христианами и останемся.

Боевик «Боко Харам» поднял мачете и тремя быстрыми движениями обезглавил мужа Моники. Осознав, что её муж умер и она больше ничем не может помочь ему, женщина бросилась бежать. Мужчины преследовали её, рассекая спину острым мачете. Вскоре она ощутила на плече тяжёлую руку. Её поймали.

Рассвирепевший боевик схватил женщину и перерезал её горло мачете. Моника упала на землю. У неё из шеи хлынула кровь, и через несколько секунд она потеряла сознание. Мужчины, предполагая, что женщина тоже мертва, бросили её тело в ров для сточных вод, где она пролежала в течение последующих двух с половиной часов. Пока Моника находилась во рву без сознания, она видела окружавших её небесных существ, облечённых в белые одежды.

Наконец прибыли сотрудники сельской полиции, чтобы опознать жертв недавнего нападения «Боко Харам» и похоронить тела. Они подошли к телу Моники, вынули её из канавы и, к своему величайшему удивлению, обнаружили, что она шевелилась. Используя язык жестов, Моника попросила воды. Один из полицейских дал ей сделать глоток, однако вода начала вытекать через надрез в горле.

Полиция доставила Монику в местную больницу, где ей провели ряд операций. Сделав трахеотомию, врачи имплантировали ей в горло устройство, при помощи которого она могла дышать. Закрывая отверстие в устройстве пальцем, женщина могла даже шёпотом говорить.

Я хорошо помню, когда впервые познакомился с Моникой. Я получил от «Голоса мучеников» задание встретиться с ней и определить, какую наиболее эффективную медицинскую помощь мы можем ей оказать. Я был чрезвычайно тронут исто-

рией убийства мужа Моники и жестоким нападением на неё саму, а также смелостью, с которой они оба заявили о своей вере во Христа. Мой коллега из клиники «Майо» в США изучал историю болезни Моники, а я готовил вопросы для интервью с ней и документировал её травмы, снимая на камеру. Я ощущал на сердце тяжёлое бремя и изо всех сил пытался найти подходящий вопрос, с которого начать интервью.

В конце концов, я осмелился задать ей простой вопрос: «Моника, — спросил я, — как твои отношения с Господом? Как они изменились после этих ужасных событий?»

Я никогда не забуду её ответ. Прежде чем ответить, Моника сделала глубокий вдох, затем указательным пальцем закрыла отверстие в устройстве, имплантированном в её горло, чтобы воздух мог пройти через повреждённые голосовые связки. Наконец, хриплым голосом, смоделированным устройством, она прошептала: «Я сосредотачиваю свой взгляд на вечности». Она убрала палец, сделала ещё один глубокий вдох и продолжила: «Я сосредотачиваю свой взгляд на Иисусе».

Задыхаясь и хрипя, Моника рассказала мне, что до нападения она считала себя и своего мужа достаточно «хорошими» христианами. Но, по её словам, она уделяла слишком много внимания покупке новой одежды. Она также много работала, чтобы накопить деньги на покупку хорошей машины или дома. Теперь, после смерти мужа и её собственного чудесного освобождения, она хотела посвятить всю жизнь служению Иисусу. И вскоре после последней операции Моника начала вместе с «Голосом мучеников» нести опасное и смелое служение по оказанию помощи другим вдовам, которые потеряли мужей от рук боевиков «Боко Харам». Уже дважды «Голосу мучеников» приходилось передислоцировать женщину, когда её жизни грозила опасность.

Я хотел, чтобы мои сокамерники слышали историю Моники, потому что это — сильное свидетельство веры в Иисуса Христа. Именно поэтому я начал рассказывать им её. Как толь-

ко я описал, как был обезглавлен муж Моники, члены ИГИЛ, находящиеся в моей камере, прервали меня. Фармацевт, образованный молодой человек, у которого росла маленькая дочь, рассмеялся ужасающим, злым, ликующим смехом, который я никогда не смогу и не захочу повторить. С тех пор я решил больше не рассказывать своим сокамерникам, боевикам ИГИЛ, о преследованиях христиан. В ситуации, в которой я ожидал хотя бы минимального человеческого сочувствия к женщине, которая таким ужасным образом потеряла мужа и получила серьёзные увечья, эти молодые, образованные люди смеялись и восклицали: «Аллаху Акбар!»

* * *

Поздно вечером я слышал, как мои сокамерники молились за партизан-моджахедов в Ливии, Ираке и Сирии. Они говорили по-арабски, но я мог разобрать достаточно слов и фраз, чтобы понять их молитвы. Они просили об успехе и благосклонности Аллаха, однако эти их молитвы были не похожими на те заученные, которыми они молились обычно. Это были их личные молитвы, выраженные собственными словами.

В другой раз меня разбудило громкое чихание фармацевта, который не мог спать из-за заложенного носа и решил скоротать время в молитве. Я видел его на коленях с поднятыми к небу руками, из глаз текли слезы. Он тихо молился об освобождении и воссоединении со своей семьёй. В последующие ночи и другие члены ИГИЛ просыпались и молились подобными молитвами, горячо вознося просьбы к Аллаху своими словами.

Я был поражён этими признаками мягкости в моих сокамерниках, и моё сердце жаждало, чтобы они познали Бога. В других странах, таких как Египет, я встречал бывших мусульман-экстремистов, которые уверовали. Видение уязвимости и человечности этих боевиков ИГИЛ дало мне надежду, и я ре-

шил сосредоточить свои молитвы на том, чтобы просить Иисуса Христа явить им Себя как Господа, Спасителя и Бога.

Шли дни, один мучительный день за другим. Я не переставал задаваться вопросом, изменит ли Господь сердца моих сокамерников или здесь, в камере суданской тюрьмы, я пострадаю от их рук.

10

Через полторы недели после моего ареста мне всё ещё не разрешали позвонить в посольство Чехии в Каире или моей семье домой, в Чехию. Всё, что я мог сделать, — это ждать и молиться. Ожидание было ключевым компонентом стратегии получения информации в Национальной разведывательной службе. Они предполагают, что чем дольше вам придётся ждать, тем больше шансов, что вы начнёте отвечать на их вопросы. Для нового заключённого, как я, ожидание было мучительной пыткой. Десять дней казались нескончаемой вечностью. Мысли о Ванде наполняли каждую клетку моего разума. Я знал, что она беспокоится обо мне. *«Знает ли она вообще, где я?»* Я пытался справиться со своими мыслями, обращая их к Богу, молясь и предвкушая возвращение домой.

Мой следующий допрос был назначен на 20 декабря. Меня привели из камеры на первый этаж тюрьмы, где уже ждал человек, которого я узнал — это был высокопоставленный чиновник Национальной разведывательной службы Судана, который приезжал в аэропорт после моего задержания. Он говорил по-английски и был вызван, чтобы принять окончательное решение относительно меня. Я ожидал, что он будет задавать мне вопросы о пасторе Хасане, брате Мониме и новообращённом в христианство мусульманине, у которого я брал интервью. Однако, владея доказательствами, полученными разведывательной службой во время наблюдения за мной, вместе с фотографиями и видео с SD-карты моей камеры, он, видимо, не видел необходимости задавать вопросы.

Вместо того чтобы допрашивать меня, следователь протянул мне лист бумаги. Я был удивлён, увидев короткий текст, написанный на английском языке. Я быстро провёл по тексту взглядом и не поверил своим глазам — я наконец мог позвонить своей семье! С того момента, как меня задержали в аэропорту Хартума, я умолял о возможности связаться со своей семьёй. Моя жена и дети вообще не имели какого-либо понятия, где я нахожусь, а тем более связи со мной. Наконец-то я смогу сообщить им, что у меня всё в порядке! Когда чувства радости и полного облегчения наполнили моё сердце, оно бешено забилося, и бумага в руке задрожала.

Следователь протянул мне телефон, и я набрал единственный номер, который помнил, номер сотового телефона жены. У меня было лишь тридцать секунд, чтобы прочитать слова из предоставленной мне записки. Ничего более говорить мне не разрешалось.

— Только по-английски, — настаивал офицер. — Только по-английски!

Номер был набран, и я услышал гудок вызова.

— Это номер моей жены, — сказал я ему, — она не говорит по-английски. Она может передать трубку нашей дочери.

Когда звонок был принят, я услышал голос Ванды.

— Это я, — быстро произнёс я по-чешски, — но мне можно говорить только по-английски.

— Это ты, Петр? — воскликнула она и немедленно передала трубку Ваве. Я прочитал текст с листа.

— Я — в порядке, — сказал я. Я знал, что мой голос дрожит, и пытался успокоить его. — Произошло небольшое недопонимание, и меня арестовали, но я постараюсь в ближайшее время перезвонить.

— Мы связались с посольством в Каире, — сказала моя дочь, — все молятся за тебя.

— У меня всё хорошо, — повторил я. — Я постараюсь перезвонить в ближайшее время.

В конце тридцать второй секунды звонка я перестал читать с листа.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Я услышал плач Вавы, и моё сердце защемило. Мне подали знак, и я неохотно завершил звонок. Звонка было недостаточно, чтобы утолить глубокую тоску по моей семье, но, по крайней мере, теперь они знали, что я жив. Когда меня вели обратно в камеру, я чувствовал, как сжимается моя грудь, а глаза наполняются слезами.

* * *

На следующий день, 21 декабря, в моей камере появился надзиратель и сообщил, что ко мне пришёл посетитель. Эта неожиданная новость повергла меня в шок. Посетителю не разрешили встретиться со мной в здании тюрьмы, поэтому меня начали готовить к перевозке. Когда на мои запястья и лодыжки надевали наручники с тяжёлыми цепями, меня охватило чувство оптимизма и надежды. Меня вывели на улицу к микроавтобусу, и я неуклюже забрался в машину, а за мной — шесть человек: двое вооружённых АК-47 и четверо с другим оружием. Мы отправились в 45-минутную поездку к зданию под названием «Национальный клуб», специальный центр Национальной разведывательной службы Судана в Хартуме, окружённый живописными садами. Наручники немилосердно врезались мне глубоко в запястья. Казалось, что меня считают высокопоставленным заключённым.

Сотрудникам разведывательной службы, должно быть, было известно о предстоящем визите представителя консульского отдела посольства Чешской Республики, что объясняло данное мне разрешение сделать телефонный звонок днём ранее. Они обязаны были сообщить консулу, что мне разрешено было связаться с моей семьёй. Когда автомобиль, наконец, остановился,

конвоир, сидящий рядом со мной, проводил меня в здание. Он снял с меня наручники, которые оставили болезненные следы на моих запястьях.

Представителем посольства был белокожий мужчина в костюме и галстукe по имени Штепан Слама, чиновник, назначенный вести моё дело чешским правительством. В его обязанности входило проживание в Каире и защита интересов граждан страны, находящихся в этом регионе. Он прибыл из Египта специально, чтобы встретиться со мной. Когда я узнал, кто он, я так обрадовался, что заплакал, и был взволнован ещё более, когда понял, что мы сможем вести весь разговор на чешском языке.

— Ваша семья знает о вашем задержании, — уверенно сообщил г-н Слама, — с ними всё в порядке.

Я глубоко вздохнул и рассказал ему о фотографиях и видео, которые суданская служба безопасности смогла восстановить с моего внешнего жёсткого диска, особенно о видео, снятом в Нубийских горах. Меня интересовало, как это усложнит ситуацию, поэтому я тщательно прописал ему слово «*Нуба*», используя чешский алфавит. Он рассказал, что Национальная разведывательная служба Судана передаст моё дело в суд в течение месяца и что, по предварительным данным, меня обвиняют в контрабанде шкур тигра.

Я посмеялся над абсурдным и сомнительным обвинением. *«А есть ли вообще в Судане тигры?»*

Недавно правительство Судана выдвинуло обвинения против швейцарского миссионера, нескольких американцев и корейского пастора, в последнее время также арестованных в стране за различные виды христианской деятельности. Эти обвинения, объяснил мне г-н Слама, были сняты в течение трёх-четырёх месяцев. Как рад я был услышать это! Однако это означало, что я, скорее всего, не попаду домой до Рождества и не буду праздновать его вместе со своей семьёй.

С тех пор, как десять дней назад я попал в тюрьму разведывательной службы, моя система пищеварения начала давать сбои. С тех пор, как я был заключён в тюрьму с боевиками ИГИЛ, я даже не мог полностью сходить в туалет и у меня болел живот. По завершении встречи я покинул «Национальный клуб», испытывая воодушевление от визита представителя посольства. Он был приветливым и дружелюбным, пытался успокоить меня, в то же время излагал реалистичные ожидания в отношении моего дела, и я чувствовал огромное облегчение. Было очень приятно осознавать, что теперь я не одинок. *«Чешскому правительству известно о моём аресте, и оно борется за меня».*

Я вернулся в камеру, и впервые за одиннадцать дней мой разум и тело наконец смогли расслабиться.

* * *

Г-н Слама предупредил, что моё освобождение, вероятно, займёт месяца три, однако по мере приближения кануна Нового года по всей тюрьме стали распространяться слухи о том, что в ближайшее время Национальная разведывательная служба Судана начнёт готовить списки заключённых, которые получат амнистию в честь предстоящей шестидесятой годовщины независимости страны. По слухам, сначала освободят иностранцев, а затем тех, кого обвиняют в мелких преступлениях.

Вечером 23 декабря я услышал, как дверь моей камеры открывается. На меня нахлынул прилив адреналина, и в сердце затеплилась надежда. *«Неужели меня освободят? Неужели скоро я буду дома?»*

Я с нетерпением ждал, пока откроется дверь, однако к своему большому разочарованию увидел нового заключённого, стоящего в коридоре. Я был встревожен и обескуражен мыслью, что меня вот-вот освободят. Вновь прибывший осмотрел

присутствующих, и его взгляд остановился на мне. Я быстро понял, что жизнь в нашей камере вот-вот изменится.

Абд аль-Бари был ростом не более метра пятидесяти, но, казалось, весил не менее ста двадцати килограмм. У него были холодные глаза, тёмные волосы и борода. Он очень хорошо говорил по-английски с приятным британским акцентом. Скоро я узнал о его прошлом. Он был контрабандистом и торговцем оружием, который вырос в Саудовской Аравии и закончил университет в Объединённом Королевстве. Его арестовали в Хартуме по подозрению в том, что он был главой банды контрабандистов оружия. Он гордился тем, что поставлял оружие боевикам ИГИЛ в Европе. Он покупал пулемёты за двести долларов в Южном Судане и перепродавал их в Великобритании за пять тысяч фунтов. Этот прибыльный бизнес привёл его к решению оставить свой успешный IT-бизнес в Великобритании и посвятить жизнь снабжению оружием боевиков ИГИЛ в Европе.

Сначала он был дружелюбен ко мне, спросил моё имя и поинтересовался обстоятельствами моего ареста. Однако его выражение лица, чрезмерное дружелюбие и манера вести разговор дали мне повод подозревать, что у него было что-то на уме.

Вскоре я узнал от другого сокамерника, что Абд аль-Бари специально попросил перевести его в мою камеру.

* * *

Утром 24 декабря я проснулся в 3 часа ночи от того, что моя рука лежит в луже воды, а одеяло и одежда полностью мокрые. Я знал, что в моей камере нет проточной воды, поэтому в какой-то момент ночью, должно быть, лопнула труба. Я огляделся и увидел, что пол половины камеры залит водой.

Я был настолько разочарован несбывшейся надеждой на скорое освобождение из тюрьмы, что теперь, когда мои ожида-

ния были разбиты, а моя семья так далеко, я начал плакать и молча роптать на Господа.

Именно тогда, в миг, который я никогда не забуду, я ясно увидел лицо мальчика по имени Даньюма.

28 января 2015 года исламские радикалы совершили налёт на небольшую христианскую деревню Нанкво в раздираемой войной Северной Нигерии. Во время нападения в деревне был 13-летний Даньюма Шакара, обычный нигерийский мальчик. Он жил со своей матерью, вдовой, любил ловить рыбу и играть с друзьями.

Однако в 6 часов утра в среду жизнь Даньюмы изменилась навсегда. Он проснулся от звуков выстрелов, когда более тысячи вооружённых экстремистов, замаскированных под пастухов, при поддержке боевиков «Боко Харам» проникли в его деревню и начали поджигать дома и убивать христиан. Даньюма побежал изо всех ног, спасая свою жизнь, однако ему было не под силу скрыться от вооружённых мачете боевиков, которые, поймав мальчика, изрезали ему лицо, выкололи правый глаз, отрезали левую руку и гениталии.

В результате ужасающей жестокости двадцать три человека погибли и тридцать восемь получили ранения. Раны Даньюмы были настолько тяжелы, что жители деревни прошли мимо его изуродованного тела, предположив, что он мёртв. Они вырыли ему могилу. Однако благодаря Божьей милости и Его великому чуду, Даньюма выжил. Он пришёл в сознание и начал плакать и звать на помощь. Односельчане поспешили доставить его в ближайший город, находившийся примерно в двадцати пяти километрах от деревни, где ему оказали медицинскую помощь.

А три месяца спустя, искалеченный и ослепший, Даньюма не мог скрыть своей сияющей улыбки. Молодой христианин не питал ненависти к своим нападавшим. «Я прощаю их, — сказал он, — потому что они не знают, что делают».

Пережив несколько операций, проведённых при содействии «Голоса мучеников», Даньюма вернулся к матери. Однако те-

перь его жизнь совершенно иная, чем раньше. Из нижней части его живота выведен постоянный катетер, чтобы сливать мочу в пакет, который он носит с собой. Вместо того, чтобы умереть во время антихристианского нападения, Даныюма выжил, чтобы рассказывать другим об Иисусе. Его могила, как и могила его Спасителя, до сих пор пуста.

Стоя в своей затопленной камере, я видел Даныюму, а он улыбался. Таким был его дух. Я размышлял о том, какие зверства ему довелось испытать, и мне вдруг стало стыдно за жалобы, которые я скрывал глубоко в душе. Рано или поздно я вернусь домой и снова буду жить комфортной жизнью, а Даныюма, возможно, уже не сможет видеть до смерти и воскресения. С этого момента я начал каждый день молиться за Даныюму.

* * *

Мои сокамерники и я провели канун Рождества, убирая камеру и пытаясь высушить свои вещи. Я был рад тому, что эти занятия отвлекали меня и давали возможность думать о чём-то другом, кроме моей семьи, находящейся в Чехии и вместе встречающей Рождество — наиболее ожидаемый христианами день празднования и поклонения в году. Размышления о том, как моя семья празднует рождение Христа без меня, повергли меня в чувства беспомощности и одиночества. Это было первое Рождество в моей жизни, которое я встречал в разлуке с женой и детьми. Когда я убирал в камере, мне на ум приходили мелодии рождественских песен, которым отец научил меня, когда я был ещё маленьким мальчиком.

Эти мелодии воодушевляли меня на некоторое время, но, когда они начали наводнять мой разум воспоминаниями о семье и доводить меня до слёз, я сметал их с ума, словно воду, наполняющую мою камеру.

11

Дома, в Чешской Республике, моя жена и дети столкнулись с тем фактом, что в моё отсутствие им придётся научиться управлять финансами нашей семьи. Однако теперь что-то более важное привлекло внимание Вавы. Сидя за обеденным столом и помогая матери заполнять квитанции, Вава открыла скайп-аккаунт на своём ноутбуке и увидела, что я в сети.

«Это ты?» — быстро написала она. Никто не ответил, но Вава знала, что кто-то просмотрел её сообщение.

«Могу я поговорить с отцом?» — спросила она. Тем не менее ответа не последовало.

«Это мой отец. Могу я поговорить с ним?» — повторила она.

Вава заподозрила, что кто-то взломал мою учётную запись в скайпе и читал её сообщения; вдруг у неё по спине поползли мурашки. Если мои похитители смогли получить доступ к моей учётной записи, какую *ещё* информацию они смогут иметь? Она выпрыгнула из-за стола и схватила мой айпад, который, как она знала, даст ей автоматический доступ как к моему аккаунту в скайпе, так и к личному ящику электронной почты, и попыталась изменить мой пароль. Ванда, нахмурив брови, с тревогой наблюдала за Вавой. Вава перешла к ссылке, дающей возможность изменить забытый пароль, и через несколько секунд на мой электронный почтовый ящик пришло сообщение об изменении регистрационной информации.

Теперь моя семья следила за моей учётной записью онлайн. Вскоре в моём почтовом ящике появилось автоматическое уве-

домление о том, что кто-то пытался изменить мой пароль в скайпе во второй раз. На этот раз сообщение было *на арабском!*

* * *

Большинство надзирателей в тюрьме Национальной разведывательной службы боялись заключённых, связанных с ИГИЛ, и предоставляли им особые привилегии, такие как посещение камер друг друга. В канун Нового года, поскольку заключённые с нетерпением ожидали, что президент Башир предоставит амнистию некоторым из тех, кто проходили по неполитическим делам, в нашей камере воцарилась дружеская атмосфера, так как мы все вместе начали размышлять о радости освобождения на Новый год. Абд аль-Бари уверял меня, что причина его перевода в нашу камеру была связана с праздниками, но я продолжал подозревать, что у него были скрытые мотивы.

С каждым днём отношение ко мне со стороны Абд аль-Бари ухудшалось. Каждый день, когда нам приносили утренний чай, он отказывался наливать в мою грязную пластиковую чашку больше двух сантиметров тёплой жидкости. Он не только физически ограничивал моё движение по камере, загоняя меня в угол и занимая остальное моё пространство, но заставлял всё время оставаться в углу и запугивал своей агрессией и объёмом, а также начал командовать мной.

— Когда мы молимся, — говорил он, — тебе не разрешается стоять здесь. Ты должен быть там!

Когда же его перестало удовлетворять то, что я стою в углу, он повелел мне во время их молитв стоять ещё и совершенно неподвижно и не смотреть в маленькое окошко в двери камеры.

— Теперь ты не можешь стоять и здесь, — сказал он. — Иди в туалет.

Мои сокамерники считали Абд аль-Бари главным и заботились о том, чтобы я повиновался его указаниям. Я чувствовал

себя совершенно одиноким и всё больше начинал беспокоиться о своей безопасности.

Даже поначалу, когда Абд аль-Бари был со мной дружелюбен, я не сказал ему, почему на самом деле приехал в его страну. Я лишь упомянул, что недавно посещал друзей в Эфиопии и что служба безопасности аэропорта конфисковала мой телефон, ноутбук и камеру.

Вскоре, однако, я понял, что Абд аль-Бари донёс о сказанном мною следователю, и тем самым выявил истинную причину желания быть переведённым в мою камеру: собирать информацию и видеть, как я страдаю.

* * *

Месяцем ранее, незадолго до отъезда в Хартум, мы с Вандой навестили моего отца, который восстанавливался после операции на сломанном бедре в больнице города Йиндржихув-Градец, расположенного на границе Чешской Республики с Австрией. Его тело было слабым, однако разум был острым, как бритва, несмотря на его восьмидесятидевятилетний возраст. Я сказал ему, что уезжаю в Судан.

— На этот раз — в Хартум, — заверил я, — а не в зону гражданской войны, на юг.

— Я буду молиться за тебя, — сказал он, дыша с трудом.

Была первая неделя января. Я уснул в своей камере. Мне приснился сон о доме, где жил мой отец. Во сне я видел, как моя сестра усердно трудится на кухне, готовя еду для собравшихся там членов нашей большой семьи. *«Неужели Господь посылает мне ещё одно сообщение?»*

Пробудившись ото сна, я был уверен в двух вещах: среди присутствующих я не видел отца, и в последний раз наша большая семья собиралась на похороны.

12

К первой неделе января 2016 года я думал, что Национальная разведывательная служба Судана передала моё дело в суд. Я ожидал этой даты с момента встречи с г-ном Сламой. 10 января исполнился бы месяц со дня моего ареста. Если бы к тому времени моё дело не было передано в суд, вероятно, это означало бы, что меня освободят.

Однако, когда первая неделя января наступила, а потом прошла, я понял, что следователь службы безопасности намеренно ввёл меня в заблуждение ложной информацией — это была знакомая мне тактика, которую когда-то использовали и коммунисты. Я был расстроен и чувствовал, как меня покидают последние силы. Когда к 9 января чешский консул так и не появился с хорошими новостями, я разволновался ещё больше. «Я хочу связаться с посольством, — потребовал я. — Я хочу позвонить своей семье». Когда мне отказали, я решил взять всё в свои руки. Я объявил голодовку.

Я был вдохновлён воспоминаниями об одном из моих коллег, гражданине Австралии, который, когда его арестовали в Северной Корее, начал голодовку. Поскольку он был пожилым человеком, из-за отсутствия питания его состояние быстро ухудшалось, что заставило северокорейцев освободить его. *«Если голодовка сработала в его случае, возможно, она сработает и в моём. Если у меня хватит сил выстоять, возможно, суданцы освободят меня».*

В Судане голодовка считается преступным деянием, и я полностью осознавал всю серьёзность своего решения. Согласно суданскому законодательству, заключённый, объявивший голодовку, может быть привязан к шесту во дворе с миской еды и чашкой воды, поставленными рядом с ним. Если он по-прежнему будет отказываться прекратить голодовку, его могут привлечь к суду за причинение ущерба своему телу. Однако я был полон решимости. Я помнил о том, как много лет назад мой отец держал сорокадневный духовный пост. И если он мог жить на воде, то и я тоже смогу.

К счастью, против меня не выдвинули никаких дополнительных обвинений, и в течение восьми дней я не ел. Я полностью отказался от хлеба и чая, которые приносили утром, и от *фула*, то есть варёных бобов, которые приносили в одиннадцатом часу. Даже кушанье под названием *гара*, состоящее из варёной картошки и тыквы, приносимое во второй половине дня, не могло соблазнить меня. Отказаться от ужина — миски лапши, называемой *шерийей*, было легче, потому что это сладкое блюдо часто было покрыто плесенью. Вместо еды я только пил воду и глотал средство от головной боли на основе аспирина, которое надзиратели доставили мне в камеру; я задавался вопросом, не спровоцирует ли приём медикаментов натошак язву. Мои сокамерники, казалось, были поражены моим отказом от пищи. Они приравнивали моё голодание к своему религиозному посту во время Рамадана, хотя их пост длился только от рассвета до заката и сопровождался всенощным объеданием.

К 13 января, через четыре дня после объявления мной голодовки, я был в ужасной форме. Мои брюки стали уже такими свободными, что держались на бёдрах только с помощью пояса, который я связал из полиэтиленовых пакетов для хлеба. Казалось, что у меня не оставалось никаких сил, — ни сил разума, ни тела, — и я неподвижно лежал на полу. Песни, которые я когда-то хорошо знал, начали исчезать из памяти. Я

мог вспомнить только смутные фрагменты. Однако я всё равно возносил их к Господу — жалкое жертвоприношение человека, находящегося на грани краха.

Я был доставлен в больницу НСРБ, где медперсонал сделал множество анализов. За месяц тюремного заключения я потерял пятнадцать килограммов веса. Доктор проявил любезность и показал мне результаты анализов крови. Я был шокирован тем, насколько низким был уровень гемоглобина. У меня была анемия, однако я не был уверен, вызван ли дефицит железа недоеданием или внутренним кровотечением. Тем не менее, благодаря двадцатилетнему опыту работы именно в этой области — аналитической химии, гематологии и переливания крови, я осознавал опасность результатов своих лабораторных исследований. Невзирая на мои протесты, доктор назначил настой декстрозы, чтобы повысить уровень глюкозы в крови, что привело к непреднамеренному результату: она дала мне достаточно энергии, чтобы продолжить голодовку ещё на четыре дня.

Я вернулся в тюрьму, но меня всё время продолжал беспокоить низкий уровень гемоглобина. Я знал, что кислородное насыщение моей крови было таким низким, что повлияло на мой мозг и привело к огромным трудностям с концентрацией.

Я чувствовал себя в ловушке, находясь в крошечной камере, постоянно окружённый нескончаемыми мусульманскими молитвами и чтением Корана на арабском. К этому времени я запомнил столько арабского, что мог легко стать муэдзином или имамом. Несмотря на то, что у меня постоянно кружилась голова и я не мог сосредоточиться, в моих мыслях постоянно кружился вихрь арабских слов. Я беспокоился о своей семье, о том, как они смогут сводить концы с концами. И изо всех сил пытался сформулировать свои собственные молитвы. Я знал, что если не буду осторожен, то могу сойти с ума.

17 января состояние моего здоровья ухудшилось настолько, что я вынужден был прекратить голодовку. Я перестал контро-

лизовать ситуацию и, вместо этого, отдал всё в своей жизни — включая продолжительность моего пребывания в тюрьме — Господу. Прошло восемь дней с тех пор, как я ел в последний раз. На следующее утро, чтобы помочь мне набрать вес и оправиться от истощения, мой завтрак начали дополнять двумя маленькими простыми йогуртами и двумя варёными яйцами.

* * *

«*Аллаху Акбар!*» почти постоянно звучало в нашей тюремной камере. Эти слова — часть призыва к мусульманской молитве, и каждый мусульманин непрерывно повторял их в течение дня, по сто раз на день, ежедневно. Заключённый в крошечной камере, я наблюдал, как мои сокамерники кланяются и слушают чтение Корана. Постоянно пребывая в окружении бормочущих голосов и повторяющихся молитв, я начал беспокоиться о своём психическом здоровье и почувствовал сильную потребность в том, чтобы что-то иное, кроме их голосов, занимало мой разум.

В последние дни января, во время молитв моих сокамерников-мусульман, Господь начал посылать мне на ум христианские песни. Наблюдая за тем, как мусульмане склоняют к земле лица, я вспомнил гимн, которому меня научил отец, когда я был совсем маленьким: «Каждое колено преклонится». В Чехословакии во время подпольных собраний по обучению ученичеству мы спонтанно начинали петь этот гимн. Теперь и в моей тюремной камере в мой разум начали врываться эти же слова. Когда мусульмане молились, я снова и снова пел в уме эту песню, и это помогало мне превозносить имя *моего* Господа. Пять раз в день, когда мне приходилось стоять в камере возле туалета, лицом к унитазу, я повторял припев: «Каждое колено преклонится, всякий язык исповедует, что Ты — Господь». Напоминая себе, что когда-то каждый человек склонит колени, преклоняясь

перед *моим* Господом, я начал осознавать вечную реальность моей победы во Христе, и моё здравомыслие не пошатнулось.

В момент, когда я больше всего беспокоился о своём психическом здоровье, Святой Дух напомнил мне стих из Послания к филиппийцам 4:7: «...и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдёт сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе». Он охранял не только моё сердце, но и мой разум.

Во время каждого азана, когда мои сокамерники омывали себя водой из *ибрига*, я восхвалял Бога словами из Книги Откровение 4:8: «И каждое из четырёх животных... ни днём, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядёт». Если эти четыре живых существа могли произносить слова «свят, свят, свят» на протяжении всей вечности, то я знал, что смогу произносить их одну минуту, пять минут или час. Я начал повторять этот стих в уме снова и снова: «Свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель!» Он заставил меня задуматься о таких конкретных атрибутах Бога, как Его святость, Его чистота, Его способность исцелять. «Свят, свят, свят Господь, Бог Целитель». И я начинал молиться за исцеление преследуемых христиан в Нигерии, которые недавно получили ранения во время серии антихристианских нападений. «Свят, свят, свят Господь, Бог Освободитель пленных». Я молился за христиан в Эритрее, заключённых в тюрьмы уже более десяти лет. «Свят, свят, свят Господь», — повторял я снова и снова. Я знал, что не могу петь гимны и произносить слова Писания вслух, однако мог свободно петь и произносить их в своём сердце.

Когда я начал больше концентрироваться на святости и силе Бога, а не на ужасах моей ежедневной реальности, динамика в моей тюремной камере начала меняться в худшую для меня сторону. Мои сокамерники из ИГИЛ не знали, что я начал в уме повторять эти молитвенные слова, но в течение той первой недели февраля чем больше я пел Богу и возносил Его имя, тем жёстче они обращались со мной. Поскольку я был един-

ственным белым человеком во всей тюрьме, моя кожа стала особенно плодотворным и постоянным источником насмешек. «Посмотри, как грязны твои ноги, — хохотали они, указывая на мои бледные подошвы, — и посмотри, как чисты наши ноги».

Мои сокамерники стали настолько агрессивными, что ограничение моего передвижения по и без того крошечной камере больше не доставляло им удовольствия. Всякий раз, когда я шёл, они требовали, чтобы я уступал дорогу им. Меня заставляли часами сидеть на полу, скрестив ноги, — крайне болезненное для меня положение, поскольку я не привык к такой мусульманской практике.

Чтобы ещё больше оскорбить и унижить меня, сокамерники заставляли меня стирать своё нижнее бельё и голыми руками чистить унитаз. Они не позволили мне есть вместе с ними. «Ты — неверный и нечистый», — говорили сокамерники и заставляли меня есть из отдельного блюда, которое они хранили возле туалета. Каждый раз, когда один из них облегчал мочевой пузырь, моё блюдо забрызгивало каплями мочи.

Меня обзывали всевозможными уничижительными именами, и когда я не сразу отзывался на кличку «грязная свинья» или «грязная крыса», сокамерники откручивали деревянную палку от метлы и били меня по голове. Каждое утро я просыпался с новыми синяками на теле и пульсирующей головной болью.

До сих пор Господь давал мне силы не отвечать на избиения. Когда меня ударяли по правой щеке, я подставлял левую. Конечно, даже если бы я и решил дать отпор и попытался защитить себя от их нападков, мои усилия были бы бесплодными против шести человек. Я никак не мог защититься от них, поэтому осознавал, что, если хочу остаться в живых, мне нужно отзываться на любые клички, которыми они называют меня.

Господь дал мне особую милость не только проповедовать им Евангелие, но и жить по Евангелию среди них. Я знал, что поступать так позволяло мне не моё «я», а Христос, живущий

во мне. Когда мои сокамерники увидели, что я последовательно отказываюсь мстить им, их ненависть и агрессия стали ещё сильнее. Однако я знал, что мы, христиане, призваны любить своих врагов, делать добро тем, кто нас ненавидит, благословлять тех, кто нас проклинает, и молиться за тех, кто нас оскорбляет (Евангелие от Луки 6:27). На самом деле христианство является единственной религией, которая учит своих последователей любить своих врагов.

В процессе поступления в тюрьму мне удалось сохранить своё обручальное кольцо при себе, потому что с годами я набирал вес, и оно уже не снималось с пальца. Но когда я похудел в тюрьме, похудел и мой палец. Я начал замечать, как члены ИГИЛ посматривают на него.

— Отдай нам кольцо, — сказали они. — Если не отдашь, мы убьём тебя.

Я стал замечать, что они точат край одной из металлических тарелок и шлифуют ламель вентиляционной жалюзи, чтобы использовать их в качестве ножей.

Одним из моих сокамерников был ливиец, который служил личным телохранителем Усамы бен Ладена. Однажды он продемонстрировал нам свою ногу, усеянную шрамами от пуль. Он также показал нам, как убить человека сзади, используя леску, которую он тайно пронёс в тюрьму. Если всё сделано правильно, пояснил он, доставая леску из кармана, смерть наступит через несколько секунд. Боевик ИГИЛ похвастался и тем, что был в числе тех, кто в феврале 2015 года обезглавил на ливийском берегу двадцать египетских христиан. Видеозапись этой казни видели во всём мире.

— Я могу убить любого за считанные секунды, — сказал он мне, наматывая леску на палец. — Если бы ты был русским или американцем, я пришёл бы тебя немедленно.

Мои сокамерники из ИГИЛ считали его своим героем, а его зависть к моему обручальному кольцу заставляла меня

нервничать и чувствовать себя уязвимым. Я знал, что если бы этот человек захотел, он мог вырвать моё кольцо вместе с пальцем за секунду. Я непроизвольно сжимал пальцы вокруг толстой полосы золота, единственной ощутимой связи с моей дорогой супругой.

Меня вынуждали сидеть на полу со скрещёнными ногами, в то время как мои сокамерники делали вид, что они — следователи, допрашивающие меня о моей христианской деятельности в Судане. Всякий раз, когда я давал ответ, который не устраивал их, меня избивали кулаками.

— Скажи нам, кто ты! — кричали они. — Скажи нам, что ты грязная свинья!

Внезапно их допрос принял ещё более пугающий характер. Абд аль-Бари заставил меня встать на колени и начал избивать меня палкой от метлы — единственного орудия труда, которое охранники позволяли нам иметь в камере. Каждый удар по туловищу вызывал приступы мучительной боли, но я стискивал зубы и терпел.

— Кто те другие христиане, которые были арестованы вместе с тобой? — потребовал ответа Абд аль-Бари, остановившись.

Моя голова всё ещё была прижата к груди, и я почувствовал, как сердце моё замерло. *«О чём он говорит? Какие ещё христиане?»* Я задумался. Последовал ещё один молниеносный удар по спине, а затем он перефразировал свой вопрос.

— Откуда ты знаешь Хасана и Монима?

Я был ошеломлён. *«Неужели их тоже арестовали?!»* Моё тело болело, а разум мучился в агонии, когда я пытался разобраться в этой информации. Я испытывал пульсирующую боль в открытых ранах на спине, однако эти физические раны были не такими болезненными, как внезапно посетившая меня мысль: *«Хасана и Монима арестовали из-за меня?»*

Когда я отказался отвечать на вопросы о пасторе Хасане, сокамерники начали деревянной палкой разбивать мне пальцы. Ког-

да я не назвал им имена других пасторов, присутствовавших на конференции в Аддис-Абебе, они стали бить тяжёлой крышкой унитаза по локтю. Пронзительный, нечеловеческий крик вырывался из моих губ, когда мой мозг пытался справиться с болью.

Иногда меня избивали так беспощадно, что я думал, что не выживу. Во время следующего «допроса» Абд аль-Бари так сильно ударил меня по спине туфлей, что я думал, не сломаны ли мои рёбра. Не проходило и дня, чтобы мои сокамерники из ИГИЛ не нападали на меня и не мучили.

Удивительно, однако, по мере того как усиливались мои пытки, мой разум становился всё более и более спокойным. Я больше так не беспокоился о своей семье и о том, что мои суданские братья оказались в тюрьме вместе со мной. На самом деле в этот период физических страданий я вообще не мог думать о семье. Я возложил их на алтарь и мог только призывать над ними имя Иисуса.

Благодаря этим переживаниям, какими бы ужасными они не были, я начал видеть всё более чётко образ Иисуса Христа, также избиваемого и мучимого. Каждый раз, когда меня избивали, пинали или высмеивали, я думал о Христе и о том, что Он терпеливо переносил от рук римских солдат.

«Если мой Господь желал претерпеть муки за меня, то, будучи Его последователем, я также должен быть готов идти по Его стопам и разделить Его страдания ради Его имени» (Послание к филиппийцам 3:10).

* * *

Каждый вечер сокамерники продолжали допрос. В частности, Абд аль-Бари хотел узнать больше о христианской работе в Судане. Большинство моих ответов им не нравилось, поэтому меня продолжали избивать деревянной палкой от метлы. Они били по голове и по пальцам, вонзали её конец в живот. Моё тело

корчилося от боли, однако, к моему огромному удивлению, я осознавал, что испытываю глубочайший покой в сердце и в разуме. Когда меня избивали, я мог даже молиться за свою семью.

Внезапно, на долю секунды, у меня перед глазами возник образ Христа, избиваемого деревянной тростью по голове после Его ареста, о чём мы читаем в Евангелии от Матфея 27:30. «Господи! — взмолился я. — Ты пошёл впереди меня и был избит, распят и даже умер за мои грехи». И тут я сделал поражающее открытие: я был безжалостно избиваем своими сокамерниками, однако совсем не чувствовал боли!

Я знал, что в тот миг Господь был со мной в камере. Позже я узнаю, что именно в этот самый момент Бог призвал армию молитвенных воинов сражаться за меня в молитве. Однако тогда мне это не было известно...

* * *

Однажды я сидел в камере и слушал, как боевики ИГИЛ разговаривали о том, как моя страна, Чешская Республика, разрешила ЦРУ США применять пытки водой по отношению к террористам «Аль-Каиды». Я знал, что мои сокамерники перепутали её с Польшей, поэтому исправил их.

Однако они настаивали на том, что именно моя страна, а не Польша позволила США пытать террористов таким образом.

— Тебе известно, что такое пытка водой? — спросили они меня.

— Да, — ответил я, — я знаю, что это такое.

— Хорошо, но ты ещё не знаешь, каково это, поэтому мы поможем тебе испытать это на себе.

Поначалу меня это мало волновало. В нашей камере было мало воды, поэтому я думал, что это — всего лишь пустые угрозы.

Однако уже вскоре я понял, насколько эти угрозы серьёзны. Абд аль-Бари убедил охранников перевести всех нас в большую камеру на нашем этаже, которую заключённые называли «водной камерой», потому что это была единственная камера в тюрьме с постоянным напором воды.

Утром 6 февраля мы все семеро были переведены в другую камеру, и мои сокамерники сразу же приказали мне постирать их нижнее бельё в углу грязного туалета. Повернувшись спиной, я слышал, как шесть человек говорили обо мне по-арабски, и начал волноваться. Усама Рамадан, мужчина, молитву которого я услышал как-то ночью несколькими неделями ранее, очевидно, должен был возглавить мои пытки. Я видел, как он складывал полоски ткани, вырезанные из *джилабии*, длинного балахонистого одеяния мусульман.

— Ты должен рассказать следователю, что мы делаем с тобой, — издевались мужчины. Даже в тюрьме ничто не могло помешать им бороться с неверными.

Я знал, что в моём физическом состоянии пытки водой, скорее всего, положат конец моей жизни. Я не только был слаб от регулярных избиений, но и подозревал, что всё ещё страдаю от анемии и гипоксии. Когда сокамерники начали приближаться ко мне, мне понадобилось несколько секунд, чтобы успокоить своё сердце и подготовить разум к тому, что должно произойти.

13

В полдень 6 февраля, когда мои сокамерники из ИГИЛ заканчивали приготовления к пыткам, надзиратель, которого они называли «Подлым стражем» за его отказ выполнять их требования, проходил возле камеры со связкой ключей в руке. Он подошёл к двери и прислушался. «Подлый страж» быстро сообразил, что происходит внутри, и, несмотря на то, что он никогда раньше не проявлял ко мне ни малейшего сочувствия, быстро открыл дверь и влетел в камеру.

Потоком гневного набора слов на арабском языке он приказал мне собрать вещи и идти на выход. Я оставил грудку невыстиранной одежды на полу и, следуя за «Подлым стражем» к выходу из камеры, повернулся, чтобы взглянуть на удивлённые и разочарованные лица своих сокамерников. Должно быть, именно так чувствовал себя Даниил, когда его освободили из львиного логова.

Ночь я провёл в другой камере с двумя мусульманами, светскими бизнесменами. Эта камера была немного меньше, но ещё грязнее, чем предыдущая. В первый день я помог им убрать нашу грязную камеру, поэтому они сочувственно поделились со мной своей едой. Увидев мои раны — чёрные и синие синяки на голове, локтях и спине, они были в шоке. Я рассказал им, что случилось со мной, когда я находился в камере с членами ИГИЛ.

На следующий вечер меня вызвали вниз для очередного допроса. Кондиционер дул прямо на меня, и я сразу озяб. В центре маленькой комнаты стоял стол, за которым сидели двое мужчин. Я знал, что будет происходить дальше. Один из мужчин

будет изображать «доброго» полицейского, а другой — «злого». Я рассматривал офицера, который должен был вести допрос. Он был одет в красивый пиджак и галстук и пах одеколоном — ароматом, к которому я уже привык за время, проведённое в Судане, где одеколон наносят гораздо сильнее, чем в Европе или в Америке. Я сел на предназначенное мне кресло и взглянул на полку на столе, в которой лежали папки с документами. Мне было любопытно, почему меня вызвали в этот раз.

От следователя суданской службы безопасности я, наконец, узнал, что скончался мой отец. После его смерти прошло больше месяца, и, хотя Бог уже подготовил меня к получению этого известия через мой сон, оно всё же оказалось ударом в живот. Я задавался вопросом, как моя семья справляется с этой потерей. Мои мысли вернулись в Чехию, обратно к моим родным. Больше всего на свете я хотел быть там, чтобы поддержать их в этот трудный час невосполнимой утраты. Мне на память пришло воспоминание, которое исполнило меня решимостью выдержать и этот допрос, и всё заключение, как бы долго оно ни длилось.

...Воспоминания унесли меня в первый год посещения средней школы. Родители организовали в нашем доме молодёжное ученическое общение, продолжавшееся несколько дней. Собралось не менее пятидесяти человек, которые ночевали в нашем доме, где было всего четыре спальни. Мальчики спали в одной комнате, девочки — в другой.

Когда общение закончилось и все благополучно вернулись домой, мы вздохнули с облегчением. Нас не обнаружила милиция, в доме не было произведено обыска. Мы благодарили Бога, что всё прошло без проблем.

Моя школа находилась всего в 500 метрах от нашего дома, поэтому я каждый день ходил туда пешком. Однажды, через две недели после молодёжного общения, я вернулся домой и обнаружил, что там никого нет. Это было совсем необычно; мои братья и сёстры были старше меня, и все трое уехали из

родительского дома на работу или учёбу в университете. Мама была воспитательницей в детском саду, единственном учреждении, где ей не отказали в работе после того, как узнали, что она — христианка, находилось в тридцати минутах езды на поезде от нашего дома. Она могла работать и ближе к дому, однако она отказывалась подписать «обещание» обучать своих воспитанников следованию великим идеалам атеистической коммунистической партии. Почти каждый день я встречал её с работы на вокзале, и мы вместе шли домой пешком.

Когда я пробыл дома час, а потом два и никто не пришёл, я начал волноваться. *«С родителями что-то случилось? А может, милиции стало известно о молодёжном общении, которое мы провели в нашем доме? Неужели они арестованы? А может, нужно позвонить кому-то из руководства церкви, чтобы предупредить об их отсутствии?»*

Меня всё более и более одолевал страх. Отец вернулся домой поздно вечером, а мама приехала ещё немного позже. Я бросился обнимать их обоих, чувствуя, как напряжение, накопившееся в моём разуме и сердце, рассеивается.

В тот вечер, сидя за обеденным столом, родители обменялись переживаниями прошедшего дня. Отец рассказал, как к нему подошли двое милиционеров в форме и «пригласили» пройти в местное отделение.

Отношение к матери было более унижительным. Два милиционера в форме и два сотрудника госбезопасности вошли прямо в группу детсада и вывели её на глазах у работников и воспитанников. Она была рада, что ей разрешили позвонить мужу.

— Меня забрали, — прошептала она.

— Меня тоже забирают, — ответил папа, прежде чем звонок был прерван.

Мои родители всегда знали, что это может произойти. В коммунистической стране ожидание ареста всегда было со-

ставной частью следования за Христом, и они были готовы заплатить эту цену на своём пути веры. Я никогда не забуду тот разговор за обеденным столом, когда родители рассказывали о своих допросах, сравнивая вопросы, которые им задавали, и то, что они отвечали. Особенно родители подробно вспоминали, как следователи пытались запутать их, и обсуждали, как лучше отвечать на вопросы в будущем. В то время их разговор шокировал меня. Какая ещё семья за обедом обсуждает, как правильно вести себя во время допроса в отделении милиции? Тогда я и не подозревал, что тот разговор за обеденным столом готовил меня к тому, что когда-то я сам буду сидеть в кабинете для допросов, как это происходило сейчас.

Позже той ночью отец вручил мне книгу, ставшую второй по важности книгой в моей жизни после Библии. Один из коллег отца получил эту книгу на немецком языке от братьев-христиан из Германии. Это была книга Ричарда Вурмбранда *«В подполье с Богом»*. До сего дня я отчётливо помню, как отец вручил мне её со словами: «Ты должен прочитать эту книгу». Свободно владея немецким, я прочитал её от корки до корки, забросив все другие занятия. Свидетельство Ричарда глубоко коснулось моего сердца.

И теперь, много лет спустя, когда следователь сообщил мне о смерти моего отца, я снова вспомнил об ужасных пытках, которые пришлось перенести Ричарду, и понял, что мои испытания — ничто по сравнению с теми испытаниями, которым подвергался он. Затем следователь поинтересовался, как моё пребывание в тюрьме.

— Сейчас я чувствую себя лучше, — ответил я, — потому что меня перевели в другую камеру.

— А почему вас перевели?

Голосом, дрожащим от едва сдерживаемых эмоций, я рассказал об избиениях, мучениях, пытках водой. Рассерженный услышанным, он вытащил мобильный телефон и начал звонить.

Я мог понять большую часть долгого разговора на арабском языке. Он говорил с начальником тюрьмы и требовал узнать, как они могли такое допустить.

Закончив разговор, следователь начал уточнять мои личные данные — полное имя и другие подробности, что могло означать только одно: Национальная разведывательная служба Судана закрыла расследование, и меня вот-вот освободят!

Когда следователь закончил допрос, было уже очень поздно. Меня отвели обратно в мою новую камеру на четвёртом этаже. Оба сокамерника уже спали. С одеялом в руках я нашёл свободное место на полу, лёг и также попытался уснуть.

Однако я был так поглощён мыслями об отце, что сон бежал от меня. Я даже не мог спокойно лежать. *«Может, мне лучше встать и походить по камере».*

Когда на меня нахлынули воспоминания из детства, сердце моё наполнилось благодарностью Господу за жизнь моего отца. На глаза навернулись слёзы, однако это были не слёзы печали, а слёзы радости и признательности за жизнь, которую я прожил в христианской семье, и за пример верности, который подал мне отец, даже невзирая на преследования.

Я знал, что когда-нибудь я снова увижу отца, и в тот миг был абсолютно уверен в Божьем присутствии в моей камере.

Внезапно открылась дверь и вошёл надзиратель.

— Бетер, — обратился он ко мне, как и другие надзиратели-арабы, изо всех сил пытаясь произнести звук «р» в моём имени, и указал на мой небольшой полиэтиленовый пакет с одеждой, — с вещами — на выход!

Я был взволнован, надеясь, что час освобождения наконец-то наступил.

— Одеяло тоже? — спросил я.

— Нет, нет, одеяло оставь здесь.

Теперь я был совершенно уверен, что меня освобождают! Иначе почему мне больше не понадобится одеяло? Через несколько

дней я буду уже в Чехии с семьёй и смогу поделиться свидетельством о Божьей верности в течение двух месяцев, проведённых мною в тюрьме. А ночью буду спать в тёплой постели с женой.

Я подхватил пакет с одеждой, и мы покинули камеру. Я последовал за надзирателем по коридору к лифту, однако по непонятной мне причине мы остановились у двери в другую камеру. Внезапно я понял, что серьёзно ошибся. За этой дверью была камера, о которой ходили ужасающие слухи, камера, которой боялись все без исключения заключённые. Я проходил мимо неё много раз по пути на допрос, а теперь, когда стоял у её двери, я чувствовал, как у меня в жилах стынет кровь.

Меня перевели в «холодильник».

Я сделал шаг в пустую камеру и сразу же ощутил на себе сильный поток холодного воздуха. В камере стояли металлические нары без матраса, покрытые засохшей человеческой кровью. В туалете было грязно, водопровод отсутствовал. Я вспомнил о своём одеяле и подумал, что температура в моей новой камере — градусов десять. «*Ночь будет холодной!*» Я понимал, что перевод в «холодильник», вероятно, был актом мести со стороны надзирателей, которым начальник тюрьмы из-за меня сделал выговор. Я напрягся, осознав, что теперь они точно покажут мне, на что способны.

После длительного пребывания в тюрьме мою голову начали покрывать короткие седые волосы. Я обернул свою запасную рубашку вокруг головы, чтобы согреть её. Снова порывшись в пакете, я достал запасную пару брюк. У меня не было куртки, поэтому я использовал их, чтобы прикрыть голые руки.

Всю ночь я ходил из угла в угол и если переставал двигаться, то моментально замерзал. Один раз я попробовал сесть на единственный, стоящий в комнате стул, но леденящий металл, прикасаясь к моим ногам, ещё больше морозил меня.

Однако в разгар моих мук я получил и благословение: впервые с тех пор, как я прибыл в тюрьму, я мог побыть один. «*Я могу говорить вслух!*» Я прославлял Господа за моего отца и задавался вопросом, окружит ли меня Бог ангелами, как Он делал это во время заключения Ричарда Вурмбранда. Когда я размышлял о Ричарде и его четырнадцатилетнем тюремном заключении, начало происходить нечто странное.

Необычное ощущение, как будто кто-то закутывает меня сади в тёплое пальто, распространилось по телу, и восклицание «Мой Господь, мой Бог!» спонтанно вырвалось из моих уст. Это был Господь. Он согревал меня. Несмотря на то, что это одиночное заключение должно было быть наказанием, я чувствовал, что это было моё первое освобождение в стенах тюрьмы! Впервые за два месяца я мог молиться вслух!

Всю ночь я пытался петь христианские песни. Когда мне было пятнадцать лет, я выучил замечательный гимн «Тебе да будет слава», гимн, мелодию к которому написал Георг Фридрих Гендель. Я пытался вспомнить мелодию и петь слова, когда был ещё со своими сокамерниками из ИГИЛ, однако раньше мне на память никак не приходило больше первых трёх-четырёх слов. И тут вдруг, в одиночном заключении, с моей памятью произошло чудо. Святой Дух мгновенно напомнил мне две первых строфы этого величественного гимна. Я почувствовал себя поэтом, получившим вдохновение, и пишушим, пишушим, за несколько минут заканчивающим своё прекрасное произведение. Я продолжал в вере громко петь строфу, пока Бог не давал мне следующую. Я был уверен, что надзиратели и другие заключённые думали, что я сошёл с ума уже в первую ночь одиночного заключения.

На следующее утро поток холодного воздуха, наконец, остановили и мне принесли моё одеяло. Я понюхал его и ощутил запах пота другого заключённого. Я знал, что ночью им пользовался кто-то ещё. Тем не менее я был рад вернуть своё одеяло.

К тому времени, спустя три недели после окончания голодовки, я почувствовал сильную жажду, однако из крана мне капнула только капля воды. Я обнаружил в своём полиэтиленовом пакете стаканчик йогурта, оставшийся от добавки к завтракам, назначенной мне после голодовки. Я съел йогурт и использовал стаканчик, чтобы собирать в него капли воды. Это занятие заняло не менее пятнадцати минут, и вот он, наконец, наполнился.

Шаг за шагом Господь показывал мне, что делать дальше. Сначала я начал поиски причины блокировки потока воды.

Господь повёл меня в тёмный угол туалета, где у основания унитаза я обнаружил запорный клапан. Он был закрыт, а у меня не было ничего, что я мог бы использовать, чтобы открыть это. Я начал искать в мусоре на полу что-то, что позволило бы открыть клапан. Наконец я нашёл кусок металла и направился обратно в туалет. Когда я повернул клапан с помощью этого куска металла, вода свободно потекла в туалет и наполнила унитаз. Затем я нашёл небольшую полоску ткани и погрузил её в воду, которая теперь свободно текла из крана. Используя влажную ткань и своё тюремное мыло, я продезинфицировал всё тело.

Как только моё тело стало чистым, я переключил внимание на камеру. Я работал целый день, и, наконец, мне удалось удалить с нар пятна крови. В конце концов, я посчитал их достаточно чистыми, чтобы застелить одеялом.

Перевод в одиночную камеру стал для меня частичной свободой. Члены ИГИЛ всегда боялись оказаться в одиночном заключении и знали, что если заключённый проведёт там дольше недели, то потеряет рассудок. По этой причине надзиратели, которые из-за страха исполняли желания заключённых боевиков, никогда не держали их в одиночестве более двух-трёх дней.

Для меня, однако, одиночное заключение было временем, когда ко мне вернулась память. Я вспомнил песни, которые мы пели во времена коммунистических гонений. Я начал вспоминать стихи из Писания, которые выучил наизусть, когда был ещё совсем молодым. Все эти воспоминания вернулись ко мне как раз в нужное время, именно тогда, когда мне это было больше всего необходимо. На третий день Святой Дух напомнил мне последний куплет из гимна «Тебе да будет слава». Обычно на каждую песню уходило не менее недели-двух, но в итоге я смог вспомнить слова многих гимнов.

К счастью, холодные потоки воздуха в «холодильнике» прекратились и больше не повторялись. Чтобы восстановить силы,

я проводил дни, ходя по камере, начиная с 6 часов утра и не останавливаясь, по крайней мере, до 9 вечера. Я подсчитал, что преодолевал примерно двадцать пять километров в день. Пока я ходил, я молился.

Такое единение с Богом поражало меня. Как и Ричард Вурмбранд, я также чувствовал ощущал реальность Его присутствия и близость Его целительной силы. В течение полутора месяцев, с 7 февраля по 29 марта, я делил камеру только с Господом.

Конечно, не каждое утро было ярким и радостным. Нередко мои сердце и разум окутывала невыносимая печаль. Я пытался днём уснуть, однако, когда ложился, тоска становилась ещё тяжелее, поэтому я сразу вскакивал и продолжал молитвенную ходьбу. Были дни, когда мне приходилось провозглашать: «Господь Иисус — мой мир! Господь Иисус — моя радость!» В разгар всепоглощающей грусти я повторял эти слова в течение нескольких минут, обходя камеру, пока эти истины не становились моей реальностью.

* * *

Утром в понедельник, 22 февраля 2016 года, в моей одиночной камере появились надзиратели. Они повели меня вниз по лестнице. Там я узнал, что меня неожиданно посетил офицер службы безопасности, ранее проводивший допросы.

— Тебе нужно побриться, — сказал он, нахмурившись глядя на мою длинную бороду.

— Здесь это сделать не так просто, — объяснил я.

Он посмотрел вниз на мои босые ноги и протянул мне туфли из камеры хранения.

— Надень лучшую одежду, — сказал он.

Я отказался, поскольку вся моя одежда была в одном стиле, и кроме того, я знал, что моя одежда была чистой, потому что я регулярно стирал её.

«Какая разница, во что я одет?» Такое внезапное внимание к моей внешности сбilo меня с толку. *«Неужели в Судан приезжает кто-то из правительства Чехии? Иначе почему ещё им важно, как я выгляжу?»* Затем у меня возникла мысль, слишком хорошая, чтобы быть правдой: *«А может, меня собираются освободить?»*

Мне на руки надели тяжёлые, причиняющие сильную боль, цепи и вывели на улицу к фургону. Шесть до зубов вооружённых конвоиров затолкали меня в фургон и забрались следом за мной. Всё происходило точно так же, как в тот день, когда я встречался с г-ном Сламой в «Национальном клубе». Однако на этот раз последовали неудобные для меня изменения в процедуре. Чтобы я не мог видеть названия улиц, по которым проходил наш маршрут, мне на голову надели толстый чёрный капюшон. Когда я понял, что капюшон мешает мне дышать, я запаниковал.

Когда фургон притормозил и начал останавливаться, с меня, наконец, сняли капюшон, и я, с облегчением, увидел, что мы снова в «Национальном клубе». Пока мы ждали в фургоне, я заметил чёрный «Мерседес», въезжающий на парковку. Машина остановилась, и из неё вышли четверо мужчин — двое суданских телохранителей и двое белых, которые явно не были суданцами, а, возможно, даже были чехами.

— Ты знаешь их? — спросил один из моих конвоиров.

— Нет.

Как только мужчины вошли в «Национальный клуб», меня также ввели в здание и привели в комнату, в которой они сидели. Присутствующие не представились, а только объявили, что они из чешской разведывательной службы. За этим последовал ряд странных вопросов.

— Вы связаны с какой-либо внешней разведкой? — спросили они.

— Нет, нет, — возразил я.

— Связаны ли вы с какой-либо военной разведкой?

— Я отслужил в армии год обязательной срочной службы во времена коммунизма, и ничего больше.

Вскоре наша встреча закончилась, и я получил ужасную новость: правительство Судана отказывается освободить меня. Вместо этого моё дело передано в суданский суд. Меня охватило чувство разочарования. Я покинул «Национальный клуб» в подавленном состоянии и депрессии, постепенно понимая всю суету вокруг моей одежды и обуви.

Офицер Национальной службы разведки и безопасности Судана хотел, чтобы я чётко усвоил: единственным серьёзным партнёром, с которым они будут вести переговоры, является разведывательная служба, а не дипломаты, не консульское учреждение и даже не сам посол.

* * *

В середине февраля о моём аресте стало известно международным СМИ. Моё фото появилось на сайте Интерпола, которым я был объявлен пропавшим без вести в Хартуме.

Затем в субботу, 27 февраля 2016 года, когда я ходил по одиночной камере в тюрьме Национальной службы разведки и безопасности, моя жена вошла в здание местной заправочной станции в окрестностях Праги. В то время она не имела никакого контакта со мной. Её взгляд упал на пачку газет, лежащую возле двери — выпуск «Днэс», ежедневной чешской газеты.

Её сердце замерло, когда она прочитала заголовок: «Гражданину Чехии, находящемуся в Судане, грозит смертная казнь». Не в силах сдержать слёзы, накотившиеся на глаза, Ванда купила газету и бросилась к машине, изо всех сил спеша домой, чтобы сообщить эту ужасную новость нашим детям.

15

Через полторы недели после того, как меня перевели в одиночную камеру, и примерно в то же время, когда моё фото появилось на сайте Интерпола, г-н Слама, сотрудник консульского отдела чешского посольства, смог приехать из Египта, чтобы повторно встретиться со мной. Дрожащим голосом и со слезами на глазах я рассказал ему о пытках, которым подвергался, сначала от рук сокамерников из ИГИЛ, а затем в «холодильнике». «Пожалуйста, только не рассказывайте об этом моей семье, — умолял я, — потому что они будут беспокоиться обо мне ещё больше». Г-н Слама, похоже, понял мои чувства и кивнул в знак согласия. Вернувшись в камеру после этой встречи, я снова слышал тихий шипящий поток воздуха, и ледяной холод снова наполнил помещение. Мгновенно я понял, что возвращение холодного воздуха стало актом мести: сотрудники НСРБ наказали меня за то, что я рассказал г-ну Сламе о пытках.

Во время следующего визита, 10 марта 2016 года, г-н Слама преподнёс мне приятный сюрприз — передал два письма от моей семьи из Чехии вместе с пищевыми добавками, которые они прислали, чтобы помочь мне бороться с анемией. У меня поднялся уровень адреналина, и я почувствовал, как сильно забилося в груди сердце. Не медля ни минуты, я открыл письма. Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз переписывался со своей семьёй! Никогда раньше так отчаянно я не жаждал узнать, как у них дела.

В соответствии с требованиями руководства НСРБ, письма должны были быть написаны на английском языке, поэтому Вава служила семейным писарем. Когда я начал читать первое письмо, датированное 1 февраля, мне на глаза накатились слёзы. «Мы надеемся, что это письмо найдёт тебя в добром здравии, — писала дочь, — и что о тебе хорошо заботятся. Ты знаешь, что мы очень по тебе скучаем и терпеливо ждём твоего скорого возвращения домой». Вава была здорова, а моя жена возвращалась на работу после выздоровления от недавнего заболевания гриппом. По всему телу разлилось ощущение тепла, когда я прочитал: «Она очень скучает и много думает о тебе».

Моя дочь только что сдала последний экзамен по внутренней медицине. На следующей неделе, если она сдаст ещё и последний экзамен по гинекологии и акушерству, то надеется устроиться на работу в больницу. Моё лицо расплылось в улыбке, когда я узнал, что мой сын Петр также усердно подготовился к очередному экзамену, который состоялся 3 февраля. После его сдачи он начал трудиться над дипломной работой на степень бакалавра. Как я гордился своими детьми! Если бы только сейчас я мог быть с ними... Однако, когда я заглянул вниз страницы, то прочитал то, что заставило моё сердце вздрогнуть.

«Нам очень жаль сообщать тебе, — писала дочь, — что в начале января скончался твой отец. Он отпраздновал Рождество дома с семьёй, однако сразу после праздников его здоровье ухудшилось. Его пришлось снова отвезти в больницу, где он тихо скончался через несколько дней, 4 января». При упоминании о смерти отца меня пронзила сильная душевная боль, и я ощутил раздражение из-за того, что он умер за несколько недель до того, как следователь потрудился сообщить мне об этом.

Я продолжил читать письмо и обнаружил, что все домашние дела потихоньку решаются. В течение всего этого времени моя тёща жила с моей семьёй, и, хотя она была разбита горем

из-за моего заключения, её здоровье продолжало улучшаться. Мой брат, казалось, также справился с горем утраты отца, но я знал, что он, должно быть, очень страдает, поскольку на протяжении всей его болезни именно он возлагал всю заботу об отце на себя.

Мои глаза задержались на несколько секунд, а затем прыгнули вниз страницы. Моя семья поддерживала контакты с Министерством иностранных дел Чехии, а также с г-ном Сламой. Конец письма наступил слишком быстро и заставил защемить моё сердце. «Мы все очень скучаем по тебе, и все родственники и друзья думают о тебе. С любовью, Ванда, Вава и Петр».

Я отложил первое письмо и сразу же прочитал следующее, датированное 16 февраля, двумя неделями спустя. «Дорогой Петр, — начиналось оно. Мои руки дрожали, когда я поднёс лист ближе к глазам. — Мы очень рады, что нам удалось написать тебе предыдущее письмо и что ты мог его прочесть. Мы надеемся, что ты здоров и у тебя нет никаких физических или психологических недомоганий. Мы очень скучаем и всё время только и думаем о тебе. Маме грустно, что тебя нет дома, но мы все верим, что скоро узнаем больше о тебе».

Через Ваву Ванда сообщала, что дети сильно страдали из-за смерти деда, а мой брат переживал глубочайшее горе. Я узнал, что семья поддерживает тесный контакт с моими сёстрами, что стремительно улучшается не только здоровье свекрови, но и моя жена также полностью выздоровела от гриппа и планирует поездку к своей двоюродной сестре Яне, а также что дочь сдала выпускной экзамен по гинекологии и акушерству и даже получила высшую оценку — «А». После нескольких дней отдыха, которые она посвятила заботе о семье и помощи по дому, она вернулась к усердному труду по подготовке к последнему экзамену — по педиатрии. Я был уверен, что она сдаст и его. Мой сын, также без проблем сдавший последний экзамен, успешно закончил семестр. Я был рад узнать, что моя семья

всё ещё поддерживает связь с Министерством иностранных дел и посольством Чехии в Каире, и смаковал последние несколько строк письма так долго, как только мог: «Все, кто тебя знает, непрестанно думают о тебе».

Во время этого визита мне, наконец, разрешили написать первое письмо семье из тюрьмы. Я так долго мечтал об этом моменте, сочиняя письмо в уме и постоянно думая о том, что напишу родным. Я с трудом мог поверить, что такая возможность, в конце концов, представилась. Я так много хотел им рассказать — месяцы мыслей и молитв, переживаний и ободрений, утешения и объяснений. Однако в окружении сотрудника консульства с одной стороны и следователя — с другой, мне было дано на это всего несколько секунд, и писать разрешалось только на английском языке. Мой разум судорожно заработал, и я напомнил себе, что нужно быть предельно осторожным со словами. Поспешно печатными буквами я написал Ванде записку:

«Моя дорогая!

Это всего лишь краткое приветствие из Судана. Хочу, чтобы вы знали, что со мной всё в порядке. Спасибо за ваши два письма, которые я прочитал в присутствии представителя Чешской Республики. У меня всё хорошо, я молюсь за всех вас. Я знаю, что моё дело — в руках Господа. У меня всё хорошо, и я рад, что у вас — также. С нетерпением жду возвращения домой в ближайшее время.

Да благословит вас всех Бог!

Петр».

Следователь сфотографировал для себя корреспонденцию и передал её г-ну Сламе. Сотрудник консульства сложил моё письмо и сунул в портфель.

— Увидимся 8 апреля, — сказал он и ушёл.

* * *

Даже дня-двух в «холодильнике» достаточно, чтобы свести заключённого с ума. Но, к великому удивлению надзирателей, я всё ещё пребывал в здравом уме, даже после нескольких недель одиночного заключения и двух долгих периодов невыносимой простуды. Однажды неожиданно в «холодильнике» появился «Подлый страж». Увидев его, я был глубоко тронут. Ведь это Он вывел меня из львиного логова, как раз в тот момент, когда меня собирались пытать водой. Со слезами на глазах я поблагодарил его за спасение моей жизни. Я тихо продиктовал ему свой адрес электронной почты и пригласил остановиться в моём доме, если он когда-нибудь доберётся до Европы. Он тоже был тронут, и на его глазах появились слёзы.

За последующие недели мы стали близкими друзьями. Всякий раз, когда он дежурил, то приходил ко мне в одиночную камеру и давал мне дополнительную порцию утреннего чая или еды, оставшейся с вечера. Получить, наконец, полную чашку чая было для меня эмоционально очень важно, потому что моя память всё ещё хранила воспоминания о том, как игиловцы давали мне количество чая, едва покрывающее дно моей грязной чашки. Господь напомнил мне стих из Библии, из Евангелия от Марка 9:41: «И кто напоит вас чашею воды во имя Моё, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Потягивая тёплый напиток, я поблагодарил Господа за его доброту ко мне. Даже в одиночном заключении Он подарил мне дружбу «Подлого стража».

* * *

29 марта, через две с половиной недели после того, как я написал письмо жене, в мою камеру одиночного заключения вошёл один из надзирателей тюрьмы НСРБ.

— О, ты всё здесь вымыл! — произнёс он дружелюбным и благодарным тоном. Я действительно убрал камеру и туалет, чтобы можно было ходить по полу босиком.

— Петр, бери все свои вещи и следуй за мной, — сказал он. *«Меня освобождают!»*

Я быстро сунул грязную тюремную одежду в полиэтиленовый пакет. *«Брать ли с собой одеяло?»* Несмотря на то, что мне оно больше не нужно, я решил оставить его на память. В конце концов, это был подарок моего доброго сокамерника и первое напоминание мне о Божьей верности здесь, в тюрьме.

Проходя по коридору, я увидел пастора Хасана и своего переводчика Монима, которые наблюдали за мной через окно в двери соседней камеры. Я впервые узнал об их аресте от своих жестоких соседей по первой камере. Они «допрашивали» меня о моей работе и о цели приезда в Судан и сообщили, что «мои коллеги» также арестованы. Позже я узнал, кто эти «коллеги». Однажды через окно своей камеры я увидел, как пастора Хасана вели по коридору на допрос, и сразу же начал молиться за него.

Теперь, увидев через окно в двери лица Хасана и Монима, я подумал о том, *увиджу ли* я их снова, и молча попросил Бога ободрить, укрепить и защитить моих суданских братьев, надеясь, что и они тоже скоро будут освобождены.

Меня отвели вниз по лестнице в кладовую, где мне вернули мой багаж. Я открыл его и, к своему удивлению, обнаружил там все лекарства, присланные моей семьёй. Персонал тюрьмы всё это время прятал их там, даже лекарство от анемии, в котором я так отчаянно нуждался. Я также нашёл в чемодане туалетную

бумагу, дезодорант и одеколон, которые при каждом посещении приносил г-н Слама. Я впервые увидел всё это, и содержимое чемодана было желанным зрелищем.

Четыре месяца я провёл без полотенца, шампуня и даже бритвы. Только карболовое мыло и несколько маленьких бутылочек воды сохраняли мою кожу в чистоте. Когда надзиратель вышел, я снял грязные штаны и футболку, положил их в чемодан и надел чистую одежду — одежду, которую я не видел и не ощущал на своём теле почти четыре месяца. Я воспользовался дезодорантом и одеколоном, улыбаясь при мысли о том, что снова увижу Ванду.

— Следуй за мной, — приказал надзиратель, разрешив мне взять с собой чемодан. Я вздохнул с облегчением при мысли о своём скором освобождении. *«Наконец-то!»* Даже не надев на меня наручники, он вывел меня на улицу к микроавтобусу, который, как я надеялся, отвезёт меня в аэропорт. Был 9 час вечера, и я знал, что самолёт «Турецких авиалиний» вылетает из Хартума около первого часа ночи. Через несколько часов я снова стану свободным человеком. *«Наконец я возвращаюсь домой!»*

Я выглянул в окно и увидел, как в аэропорту взлетают и приземляются самолёты. Когда наш микроавтобус приблизился к повороту налево, ведущему к терминалу, водитель почему-то не притормозил. В смущении я уставился на него, но его глаза были устремлены вперёд, на дорогу. *«Что происходит?!»* Я снова посмотрел в сторону аэропорта. Мы продолжали ехать прямо, даже не замедляя движения. Я наблюдал, как аэропорт исчезает с поля моего зрения, оставаясь где-то позади, и вдруг почувствовал себя совершенно удручённым. Удар в живот был бы гораздо менее болезненным, чем это сокрушительное разочарование. Моя надежда на скорое воссоединение с семьёй испарялась с каждой секундой, пока не исчезла полностью.

Несколько минут спустя мы прибыли в здание с надписью «Нияба-Мендола», местный полицейский участок Хартума. Зда-

ние находилось в ужасающем состоянии — настолько ужасном, что по сравнению с ним тюрьма Национальной службы разведки и безопасности выглядела как дворец. Меня привели в шумный офис с постоянным потоком полицейских и сотрудников НСРБ. В тесном кабинете я увидел сумку для ноутбука, лежащую на столе. Во мне снова вспыхнула искра надежды. *«Возможно, меня привезли в это здание, чтобы вернуть вещи!»* Один из сотрудников подошёл к столу и открыл мою сумку для ноутбука.

— Это ваш компьютер? — спросил он, выкладывая его на стол.

— Да! — нетерпеливо воскликнул я.

Человек черкнул что-то на листе бумаги, а затем взял мою камеру и другие электронные устройства. Один за другим он задавал мне один и тот же вопрос о каждой единице оборудования, а затем проверял их в списке. *«Это, должно быть, является частью процесса возврата принадлежащего мне имущества».*

Однако следующий его шаг снова сокрушил мой дух. Вместо того чтобы положить оборудование обратно в сумку, он передал его полицейским, присутствовавшим в кабинете.

— Теперь у вас будет возможность сравнить, какая тюрьма самая лучшая, — сказал он, ухмыляясь.

В этот момент я понял, что меня не собираются везти в аэропорт. Я был помещён в изолятор, а через несколько минут пришёл человек и объявил:

— Теперь вас переводят к нам, и мы тщательно подготовим ваше дело, прежде чем оно будет передано в суд.

После этого последовала встреча с генералом службы безопасности. Я узнал его клетчатый пиджак и вспомнил, как он допрашивал меня в аэропорту Хартума. Когда он увидел меня в чистой одежде, то рассмеялся, и, увидев моё растерянное выражение лица, стал смеяться ещё громче. Я беспомощно наблю-

дал, как он наслаждается моментом, не в силах ничего сделать, кроме как ждать. Следовало признать, что попытка заставить меня думать, что меня освободят, оказалась весьма успешной.

16

Я неохотно снял чистую одежду, не уверенный, когда увижу её снова, и переоделся в грязную тюремную робу, которую упаковывал в чемодан. Я вытащил одеяло, несколько дополнительных предметов одежды, шампунь, туалетную бумагу и кошелёк, в котором, как я с удивлением обнаружил, всё ещё хранились мои суданские фунты. Полицейские разрешили мне взять и лекарства — железосодержащие добавки и некоторые антибиотики — и сдать их на хранение в приёмной полиции.

Я последовал за сопровождающими в примитивную камеру. Помещение было размером четыре с половиной метра в ширину и пять с половиной в длину. На полу, покрытом грязным красным ковром, сидели пятнадцать мужчин. Трое курили, и в затхлом помещении клубился дым. Для прохода совсем не было места, поэтому я положил одеяло на пол и сел, скрестив ноги. Однако я знал, что в этом положении в крови мог легко образоваться тромб, и, если это произойдёт, я скорее всего умру.

Заключённые прибывали всю ночь, пока нас не стало больше двадцати человек, толпившихся на площади менее тридцати квадратных метров. Вентилятор нагнетал горячий воздух из-за единственного в камере окна. Дверь в помещение была заперта. Я чувствовал прижатые ко мне спины сокамерников. Мне было страшно находиться в таком ограниченном закрытом пространстве, и я ощущал себя грязным.

На следующее утро меня вытащили из камеры и провели через полицейский участок в кабинет «главного прокурора». Он

улыбнулся, а когда я сел на кожаный диван в его оснащённом мощным кондиционером кабинете, приказал помощнику принеси мне сэндвич с курицей и колу. Он также позволил мне воспользоваться его кусачками для ногтей (мои ногти крайне нуждались в обрезке), и когда он предложил мне оставить их себе, я запротестовал и настаивал на том, чтобы вернуть их.

— На самом деле, — сказал он, — бери, потому что в следующий раз, когда они тебе понадобятся, ты будешь уже не здесь.

Вскоре я узнал, что этот полицейский участок принимал дела только из тюрьмы НСРБ и содействовал службе безопасности Судана, однако формально не находился под её юрисдикцией.

— Я уверен, что здесь ты ненадолго, — сказал прокурор. — Вскоре дело будет решено дипломатическим путём, и тебя освободят.

«Может быть, эта тюрьма окажется и не такой уж ужасной», — с надеждой подумал я, веря словам прокурора.

Я объяснил, что страдаю от анемии и мне необходимо повторно пройти медицинское обследование. На следующее утро он договорился, чтобы меня отвезли в больницу.

Учреждение находилось в ведении Министерства внутренних дел. Похоже, в нём было больше оборудования, чем в больнице НСРБ, и, казалось, даже было немного чище. Ступив на весы, я был потрясён, обнаружив, что с декабря похудел на двадцать два килограмма.

Доктор сделал анализы крови и обнаружил, что уровень гемоглобина у меня в крови был гораздо ниже, чем раньше. Теперь его была лишь половина от необходимого количества. Я подозревал, что у меня могло быть внутреннее кровотечение. Избиения в сочетании с ежедневной дозой лекарства от головной боли на основе аспирина делали это вероятной возможностью. Если бы я был дома, в Чехии, врачи начали бы уже готовить меня к переливанию крови. Здесь же, в Судане, доктор договорился с полицией о том, чтобы я продолжал по-

лучать пищевые добавки, содержащие железо, за которые мне пришлось заплатить самостоятельно, и меня вернули в камеру.

* * *

В течение последующих нескольких дней в мою душную камеру натолкали ещё больше мужчин. Теперь нас здесь находилось около двух десятков человек. Однажды утром я чувствовал себя особенно подавленным и молился: «Как долго, Господи, ещё до моего освобождения?» Когда я молился, меня заметил один эритреец. Он подошёл, представился и рассказал мне, что его сестра посещает эритрейскую церковь в Хартуме, но я чувствовал, что сам он не является возрождённым последователем Иисуса Христа. Мои подозрения подтвердились, когда он сказал мне, что его арестовали за торговлю людьми через Судан.

Свидетельствуя о Христе ему и другим заключённым, которые временно находились в нашей переполненной камере, я начал понимать, почему Бог поместил меня в эту тюрьму. Он послал меня сюда, чтобы проповедовать о любви Христа людям, которых я бы не встретил ни при каких других возможных обстоятельствах.

Однажды утром в тюрьму была доставлена группа из двенадцати молодых эритрейских мужчин, двух женщин и двух детей. Они были задержаны на ливийско-суданской границе. Женщин и детей поместили в меньшую камеру напротив нашей; а двенадцать мужчин — в нашу камеру, в которой уже содержались сорок три заключённых. Условия продолжали ухудшаться. В такой непосредственной близости к другим сокамерникам спать было крайне сложно. Ночью, когда было невыносимо холодно, камера превращалась в поле битвы, где мужчины пинали и били друг друга, чтобы отобрать друг у друга одеяла.

Возрастом эритрейцы были от четырнадцати до двадцати четырёх лет. В течение дня они сбивались в одном углу камеры,

курили и жевали табак. Мусульмане держались на расстоянии, занимая другую сторону.

Однажды, когда я сидел в углу и молился, то почувствовал, что со мной говорит Бог. Его голос не был слышен физически, но Святой Дух обращался к моему сердцу: *«Иди, сядь рядом с этими людьми и расскажи им об Иисусе»*.

Я решил повиноваться и пересёк камеру. Как только я сел, два эритрейца, которые говорили по-английски, сразу же стали задавать мне вопросы о том, откуда я и как оказался в тюрьме. Невзирая на присутствие мусульман, я начал, не боясь, открыто говорить им об Иисусе Христе. Я рассказал им своё свидетельство, описав мой путь к вере, а затем призвал их принять Иисуса Христа как своего личного Спасителя. Эти люди, как я узнал, принадлежали к православной церкви, однако, кроме разговоров о необходимости целовать иконы на стене и молиться им, я не увидел настоящих признаков их религиозности.

По мере того, как наш разговор продолжался, Бог послал в моё сердце всеобъемлющий мир. *«Теперь я понимаю, что Ты хочешь, чтобы я делал здесь, в тюрьме»*, — молился я. И Бог сотворил немыслимое, то, чего я не мог себе даже представить! Эритрейцы, которые говорили по-английски, начали переводить наш разговор для остальной части группы, и в течение дня и вечера к нам присоединялось всё больше и больше заключённых, и в результате *все двенадцать мужчин* приняли Христа как своего личного Спасителя.

На следующее утро группу молодых эритрейцев забрали из камеры и перевели в другую тюрьму. С тех пор я больше никогда их не видел. Тем не менее моё сердце было исполнено мира, поскольку я знал, какую огромную и важную работу Бог проделал в жизнях этих мужчин, и был счастлив, что Он позволил мне стать её частью. *«Вот в чём состояла цель моего заключения!»* — наконец понял я. — *Вот ответ на мою молитву!»* В тот момент моё мышление изменилось кардиналь-

ным образом. Я больше не переживал о своём благополучии и безопасности. Бог привёл меня сюда, чтобы я был Его светом, чтобы я проповедовал послание Евангелия. С этого момента я принял решение больше не беспокоиться о том, что со мной будет. Ведь моё будущее находится в руках Бога, а сегодня и каждый день моя миссия состоит в том, чтобы быть светом Христа, независимо от того, насколько темна моя камера.

Я начал проповедовать Евангелие всем, кого Бог посылал мне на пути. Мне приходилось остерегаться мусульман. Некоторые из них были доверенными лицами НСРБ, тайной полиции, которые сообщали Суданской службе безопасности всю полученную от меня информацию, которая могла бы помочь им в расследовании моего дела.

— О, ты — американец, — говорили они, услышав, что я говорю по-английски.

Я знал, что они попытаются собрать как можно больше информации обо мне, чтобы поймать меня в ловушку, поэтому я отвечал:

— Я не американец; я — чех.

Вокруг нас повсюду были шпионы, однако мы научились определять их по тем подозрительным вопросам, которые они задавали, и обычно наши подозрения подтверждались, когда через несколько дней их неожиданно забирали из нашей переполненной камеры.

Когда число мужчин достигло сорока, я был благодарен за относительно высокий потолок в камере. Если бы он был ниже, я не уверен, что кто-нибудь из нас выжил бы. Нехватка места стала острой проблемой, особенно в течение дня, когда температура поднималась и в камере становилось невыносимо душно. Я знал, что снаружи стояла сорокаградусная жара. За пределами камеры был вентилятор, который не давал воздуху полностью застояться, однако он работал с перебоями и не мог понизить температуру. Когда мог, я пробирался сквозь потные тела, чтобы

подышать свежим воздухом у окна. Я также обнаружил, что у зарешённой двери также присутствовал лёгкий ветерок. У меня больше не было возможности лежать на полу. Вместо этого мне постоянно приходилось то сидеть со скрещёнными ногами, то стоять. Стоять было менее болезненно, поэтому я проводил большую часть дня, стоя на ногах, плечом к плечу со своими сокамерниками, такими же несчастными, как и я.

Голод был неутолимым, и я чувствовал, как он постоянно точит мой желудок. Дважды в день мы получали варёные бобы. В отличие от *фула*, который давали в тюрьме НСРБ, эти бобы были безвкусными. Фасоль накладывали в одну большую миску, вместе с пластиковым пакетом круглого, заплесневелого суданского хлеба. Нам нужен был хлеб, чтобы черпать бобы, однако его никогда не хватало на всех. Поскольку суданцы используют левую руку вместо туалетной бумаги, едят они только правой рукой. Я старался вести себя осторожно и следил за тем, чтобы есть из общей миски только правой рукой и не обидеть своих сокамерников, которые сочтут, что я загрязняю еду.

Иногда первый приём пищи начинался в 11 часов утра, но чаще еду приносили несколько часов спустя. Вторую порцию бобов и хлеба мы получали где-то после наступления темноты. Мне нужно было немного еды, с которой я мог бы принимать железосодержащие пищевые добавки, поэтому, когда это было возможно, я старался сохранить кусок хлеба на утро, на случай, если завтрак задержат. Я помнил, насколько ужасной была еда, которую мне и моим сокамерникам из ИГИЛ давали в тюрьме НСРБ, однако теперь я желал её так отчаянно!

По нашей камере распространялся «ковёр» из красной грязной гниlostной жидкости. На улице было два туалета, и два раза в день нам позволяли воспользоваться ими. Двое надзирателей жалели меня из-за жестокого обращения со мной и иногда позволяли мне идти первым, в то время как другие умышленно заставляли ждать, пока туалеты посетят все

остальные заключённые. Казалось, что в полицейском участке исправлять свою нужду без канализации было обычным делом, и мне часто приходилось добавлять свою порцию в огромную кучу экскрементов, уже накопленных в переполненном туалете. У нас был крошечный кусочек мыла, но, если я слишком быстро мыл руки, он выскальзывал и падал на грязный пол.

В течение первых трёх дней моего пребывания в этой тюрьме мне сообщили: «Если тебе не нравятся условия — подай письменную жалобу, и мы отправим тебя обратно в тюрьму службы безопасности».

Мысль о возвращении в тюрьму НСРБ была очень привлекательной для меня, и я решил посоветоваться со своими новыми сокамерниками, стоит ли подать официальную жалобу. «Что бы ни случилось, не возвращайся, — предупредили они меня. — Ты привыкнешь здесь».

В полицейском участке я пробыл только неделю, когда приехали представители посольства Швейцарии. Они были назначены наблюдать за ходом моего дела. Пробеседовав с прокурором в течение длительного времени, они сообщили мне, что г-н Слама не сможет приехать на встречу со мной, которая должна была состояться 8 апреля, как это было запланировано, и что теперь наблюдать за моим делом будут они.

* * *

Прибыв в полицейский участок «Нияба-Мендола», я понимал, что расследование суданской прокуратурой, скорее всего, будет длиться ещё некоторое время, однако ждать мне пришлось почти месяц. «Возможно завтра», — снова и снова повторяли мне офицеры. С каждым днём меня охватывало всё большее и большее беспокойство. Борясь со зловонием переполненной камеры, я очень тревожился и думал о том, смогу ли вообще когда-нибудь выйти на свободу.

Расследование моих «преступлений» наконец возобновилось 20 апреля. Меня привели в кабинет для допросов и посадили за стол напротив прокурора. Я ожидал те же вопросы, от которых уклонялся с декабря.

Я взглянул на стол, на котором лежала открытая толстая папка, и увидел список имён, составленный в алфавитном порядке. Пробежав его глазами, через несколько секунд я понял, что это был список участников христианской конференции в Аддис-Абебе. Мгновенно я осознал, что помимо правительственных кротов, посланных для шпионажа во время конференции, один из её участников, должно быть, был информатором. *«Как же ещё правительство Судана могло заполучить такой полный список имён?»*

Прокурор начал расспрашивать меня об участниках конференции.

— Ты знаком с Джоном Мартином? — поинтересовался он.

Мои ответы были как можно более короткими, поскольку я знал, что любая предоставленная мной информация будет использована против меня и христиан, чьи имена значились в списке.

— Возможно, я и знаком с Джоном, — сказал я. — Не помню. Он из Америки? — Я делал всё возможное, чтобы меня нельзя было обвинить в отказе от содействия властям, но, одновременно, чтобы не выдать никакой подлинной информации. Кроме того, ответ был уже и так известен прокурору.

— Присутствовал ли на конференции христианин-кореец?

— Насколько я помню, — ответил я, — кажется, был один азиат. Я точно не знаю.

Вопросы продолжались один за другим. Наконец, видя, что допрос совершенно безрезультатен, прокурор закрыл папку и встал. Когда он вышел, меня отвели обратно в камеру.

После первого визита ко мне сотрудника чешского консульства я понял, что, скорее всего, на рассмотрение моего дела уйдёт месяца три. Однако к середине апреля я отбывал заключение в Судане уже в течение четырёх с половиной месяцев.

Вскоре меня вызвали в суд. Впервые я, наконец, узнал, в чём же меня обвиняют. Как оказалось, против меня было выдвинуто несколько обвинений, но только два врезались в память — те два, которые влекли за собой смертный приговор. Я знал, что приводить в исполнение смертный приговор относительно иностранца правительство страны, вероятно, не будет, однако, услышав вынесенный мне приговор, я, неосознанно, нахмурил брови. Я подумал о своей семье, о том, как они примут известие о нависшей надо мной угрозе казни. Я представлял слёзы жены, горе детей, печаль моей церковной общины.

Угроза того, что мне придётся отбывать пожизненное заключение, в тот момент являющаяся вполне реальной возможностью, ошарашила меня. Взглянув на меня, адвокат увидел в моих глазах горе и страх. Я пытался представить, каково будет прожить остаток жизни в суданской тюрьме, никогда больше не увидеться с женой, дочерью, сыном и другими близкими людьми. Даже провести ещё двадцать лет в тюрьме казалось мне невозможным. Лучше всего было бы, на что я надеялся больше всего, если бы суданское правительство приговорило меня к сроку заключения, равному уже отбытому, что было частым

явлением в подобных случаях в этой стране, и если бы это случилось, совсем скоро я снова стал бы свободным человеком.

В те моменты я думал об апостоле Петре, и не только потому, что носил его имя. После воскресения, встречаясь с учениками, Иисус трижды спрашивал Петра: «Любишь ли ты Меня?» Я думал о словах, произнесённых Иисусом после ответа Петра: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт, куда не хочешь» (Евангелие от Иоанна 21:18). Тюрьма была тем местом, куда я не хотел идти, но в одном я был твёрдо уверен: Господь поместил меня сюда, и у Него были на это Свои причины, независимо от того, что будет со мной дальше.

* * *

Вернувшись из заседания суда, я узнал, что переведён из переполненной общей камеры в меньшую одиночную, шириной два и длиной четыре метра. В отличие от моего первого опыта пребывания в одиночном заключении в «холодильнике» тюрьмы НСРБ, в этот раз в камере было жарко. Потолок был намного ниже, чем в большой общей камере, из которой меня только что перевели (настолько низкий, что я дотянулся до него рукой), и большая серая плитка, которой были облицованы стены, служила изоляцией, удерживая жаркий знойный воздух внутри небольшого пространства.

Кроме этого, в отличие от моей первой одиночной камеры, эта не была по-настоящему одиночной. Через коридор находилась большая камера, наполненная огромным количеством заключённых, с которыми, если бы я повысил голос, думаю, смог бы поговорить. Некоторые из них напомнили мне о Хасане и Куве, и я ещё раз помолился за своих суданских братьев.

В этой маленькой камере было так жарко, что пот мгновенно испарялся с кожи, оставляя кристаллы соли. Снаружи постоянно налетала пыль, и каждое утро мне приходилось выметать её маленькой метлой, лежащей в углу.

Ночью я старался уснуть на одеяле, однако каждое утро просыпался с лицом, прижатым к красной ковровой дорожке, испачканной грязью, мочой и испражнениями, которые покрывали пол. Так или иначе, даже в этих трудных обстоятельствах я мог быстро погрузиться в глубокий спокойный сон. Необъяснимо, как всё время, проведённое в тюрьме НСРБ, а также в полицейском участке «Нияба-Мендола», я мог спать так спокойно!

Иногда я знал, что сон был результатом изнеможения моего мозга и истощения воображения. Но иногда я чувствовал, что посредством снов Бог напрямую общается со мной. В одном сне я видел, как мне вернули мой паспорт. Он был так изношен, что почти распадался. *«Что бы это значило? Боже, неужели Ты говоришь мне, что моё заключение продлится намного дольше, чем я ожидаю?»*

* * *

В конце апреля в полицейском участке меня снова навестил г-н Слама. Он сообщил, что через несколько месяцев чешское правительство переводит его на новое место работы и он больше не будет находиться в Каире. Я испытывал благодарность за его доброту и за то, что, общаясь с моей семьёй, он утешал их. Я молился, чтобы мой следующий защитник был так же добр и внимателен ко мне, как г-н Слама.

Во время этого визита г-н Слама преподнёс мне лучший из подарков — третье письмо от моей семьи и чешскую Библию! Я не мог поверить своим глазам. Он сообщил, что моя Библия — это подарок от нового сотрудника консульства и предоставлена

по просьбе моей семьи. Наконец-то я смогу держать в руках драгоценное Слово Бога и размышлять над Его прекрасными обетованиями! Тот миг был самым счастливым с момента моего ареста в декабре, и этот простой жест поднял мою дружбу с г-ном Сламой на новый, более глубокий уровень.

Впервые мне также разрешили оставить себе письмо от моей семьи. После моей последней встречи с г-ном Сламой я спрятал его в Библию, вернулся в камеру и сразу же уселся на пол читать. Однако без очков я не мог ничего видеть, даже когда прищуривался. Шрифт был слишком мелкий.

Через два дня мне наконец удалось заполнить свои очки и ручку, хранившиеся в багаже. Теперь, когда я мог видеть, то использовал свободное место в письме от семьи, чтобы записывать свои размышления при чтении Библии. Вскоре весь лист был исписан ссылками на Священное Писание, молитвами и мыслями, которые давал мне Господь. Я понятия не имел, как долго мне будет разрешено пользоваться Библией, поэтому начал жадно заучивать стихи наизусть.

Каждый день, с 8 часов утра до 16:30 или даже до 17 часов вечера, в мою камеру попадало достаточно солнечного света, чтобы я мог читать. Я прижимал Библию к решётке на двери или в окне и читал так долго, как только мог. Никогда раньше я не испытывал такого голода по Слову Божьему. Мне потребовалось всего лишь три недели, чтобы прочитать от Книги Бытие до Книги Откровение. Я запоминал каждый стих, который особенно привлекал моё внимание или, как я думал, был обращён ко мне. Особое утешение несли мне псалмы и стих из 1 Послания к коринфянам 10:13: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести».

Вскоре я разработал план чтения Библии. В понедельник я читал Евангелие от Матфея, а во вторник — от Марка. В

среду изучал Евангелие от Луки, а в четверг — от Иоанна. Когда наступала пятница, я был готов к Книге Деяния, а затем на следующий день переходил к Посланию к римлянам. Каждый день я изучал новую книгу Библии, и этот интенсивный подход к чтению Слова Божьего дал мне новое глубокое понимание всего Писания.

Я начал понимать Библию с совершенно иной точки зрения. Отрывки, которые, как думал ранее, я понимал хорошо, теперь обрели для меня новое, свежее значение, а те, которые я не понимал, стали понятными. Где бы я ни открывал Библию, будь то в Ветхом Завете или в Новом, Святой Дух показывал мне новые глубокие истины. Тайно я использовал ручку из своего багажа и письмо от семьи, чтобы записывать эти замечательные, раскрывающиеся предо мной истины. Каждый день я не переставал восхищаться тем, что могу проводить столько времени с Божиим Словом, и удивлялся, почему Бог дал мне такую привилегию — ничего не делать, кроме как читать Библию.

Незадолго до Рамадана из полицейской академии в тюрьму прибыли для прохождения практики несколько молодых англоговорящих курсантов. Когда наставников не было рядом и никто за ними не наблюдал, некоторые из курсантов относились ко мне очень дружелюбно, и у меня появилось несколько возможностей проповедовать им Евангелие.

— Что ты читаешь? — как-то поинтересовался один из курсантов.

— Я читаю Библию, — ответил я.

— А что такое Библия?

— Библия — это *Инжил*, то есть арабское название Евангелия Иисуса, — объяснил я.

К разговору присоединился другой курсант.

— А в чём разница между Библией и Кораном? — поинтересовался он. Это был именно тот вопрос, который мне нужен, чтобы завести разговор о том, как Христос умер, как Он любит

их и что Иисус — единственный путь к Богу. Оба курсанта были восприимчивы к Евангелию, и в конце разговора сказали, что хотят узнать больше. Я был рад, что Господь даже в тюрьме продолжал использовать меня таким мощным образом.

* * *

Шесть недель спустя на последнюю встречу со мной пришел г-н Слама. Он привёз ещё одно письмо из дома, личное письмо от жены, переведённое на английский нашей дочерью. Я развернул его, надел очки и начал жадно вчитываться в каждую строку.

«Дорогой Петр!

На прошлой неделе мы получили новую информацию о тебе и рады узнать, что ты мог прочитать наши письма. Теперь будем отправлять тебе письма чаще.

Я спрятала твоё письмо, часто перечитываю его и очень рада, что оно написано тобой от руки...»

Я заметил, что Ванда включила в письмо несколько важных скрытых деталей. После того, как она сообщила мне о наступлении весны в Чешской Республике, о благополучии семейной собаки и о своих родителях, Ванда написала: «*Нас регулярно посещают учительница английского языка и её муж*». Я знал, что речь идёт о заместителе регионального директора «Голоса мучеников» по Африканскому региону, которого я обучал. Пока я находился в тюрьме, он взял на себя большую часть моей работы в Африке.

Ванда также упомянула, что *«дядя, который преподаёт Ванде гематологию, снова придёт в гости»*, имея в виду моего помощника по «Голосу мучеников», Кита, дорогого друга, которого я знал с тех пор, как работал в сфере медицины, и который теперь заботится о моей семье и помогает выполнять мои обязанности во время моего отсутствия. Я с облегчением прочитал: *«Его друзья на севере рассказывают, что у них было много снега, сделавшего всё белым»*, потому что я знал, что это было кодовое выражение, которое Ванда использовала, чтобы сообщить мне, что «Голос мучеников», «друзья Кита с севера», то есть из Северной Америки, почистили все учётные записи и пароли, которые связывали меня с ними.

Ванда завершила письмо словами, которые взволновали меня и затронули глубины моего сердца. Она писала, что не-престанно молится за меня, скучает, желает мира моему сердцу и надеется, что я скоро вернусь домой. Она вспоминает те прекрасные моменты, которые мы провели вместе за эти годы. Ночью, незадолго до того, как уснуть, она повторяет, что помнит обо мне, а каждое утро, просыпаясь, передаёт мне привет с «первым солнечным лучом».

Письмо было не длинным, она писала, что вместо того, чтобы писать ручкой и чернилами, она надеется вскоре поговорить со мной лицом к лицу. А то, что Ванда писала дальше, напомнило мне, почему она привлекла моё внимание в больнице, почему я так полюбил её, почему женился на ней и почему всё это время люблю её всем сердцем. «Даже в этой сложной ситуации, — писала она, — мы не одиноки. Мы — в руках Божьих». Она закончила письмо словами: «Крепко обнимаю тебя и целую. Твоя Ванда».

В присутствии г-на Сламы и прокурора в полицейском участке «Нияба-Мендола» мне разрешили написать второе письмо семье, опять же на английском языке.

«Мои дорогие!

Большое спасибо за ваши письма; они послужили мне огромным ободрением. Я рад, что у вас всё в порядке. У меня тоже всё хорошо. Всё это время Господь пребывает здесь со мной и использует меня для служения Его Царству. Я прекрасно провожу время с Господом и непрестанно молюсь за всех вас.

Это испытание не выходит за пределы наших сил, и Господь, будучи верным и праведным, подготовил для нас выход из ситуации. Пожалуйста, будьте сильными в Господе и доверьтесь Ему, ведь Он держит всё под контролем, Он — Тот, Кто держит ключи от моей камеры.

Спасибо также за лекарства, которые вы отправили мне в феврале. У меня их ещё достаточно. Здоровье моё стабильно, я постепенно накапливаю гемоглобин. Кроме этого, я нахожусь в полной силе и ежедневно много хожу по камере.

Я очень ценю ваши молитвы и не могу выразить словами своей любви к вам всем и того, как скучаю по вам.

Я надеюсь, что по нашим молитвам меня скоро освободят.

Пожалуйста, поприветствуйте всю семью, друзей, братьев, сестёр и коллег.

*С огромной любовью в Нём,
Петр».*

* * *

5 мая пастор Хасан и Моним были переведены из тюрьмы НСРБ в камеру прямо напротив моей. Их появление в соседней камере привело меня в восторг. Они были так же удивлены, увидев меня, потому что, как я узнал позже, они предполагали, что к тому времени я был уже освобождён. 29 марта, находясь ещё в тюрьме НСРБ, к своему изумлению они увидели, как надзиратель провёл меня мимо их камеры в кладовую, чтобы забрать мой чемодан. Десять дней спустя прибыл и пастор Кува.

Прошло более месяца с тех пор, как я видел этих братьев, и жаждал общения с ними. Иногда им позволяли остановиться возле моей одиночной камеры, и мы шёпотом разговаривали. В мае я узнал, что пастор Хасан получил от своей семьи Новый Завет. Я был благодарен, что теперь у него тоже было Слово Божье, на которое можно опереться и которое можно изучать.

Много раз, невзирая на то, что мы были заперты в разных камерах, мы делились друг с другом стихами ободрения. Наши камеры находились на расстоянии всего пяти метров, однако рёв вентилятора был оглушительным. «Прочтите Римлянам 8:18! — кричал я, не заботясь о том, кто меня может услышать. — “Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас”». Это был стих, которым я ободрял свою семью, и теперь я использовал его, чтобы ободрить друзей.

Брат Моним участвовал в наших тихих беседах о Писании, однако не выкрикивал библейские стихи и не читал Библию другим заключённым. Семьи Кувы и Хасана были христианами из Нубийских гор, в то время как Моним родился в

мусульманской семье, поэтому в глазах других мусульман и исламистского правительства Судана он должен был быть мусульманином. А это означало, что, если бы стало известно, что он стал христианином, в дополнение к угрозам, которым Моним подвергался со стороны своих сокамерников-мусульман, к обвинениям, выдвинутым против него, могло бы добавиться ещё и обвинение в вероотступничестве. Поэтому, находясь в тюрьме, он держал свою веру в тайне. В предпоследней тюрьме, где мы содержались, мусульмане даже просили Монима служить имамом!

Позже Кува и Хасан объяснили мне, что они всегда советуют новообращённым верующим из мусульманских семей быть осторожными в том, как и когда они рассказывают окружающим о своей вере во Христа. Ещё более усложняло ситуацию то, что Моним находился в тюрьме и под судом.

Две недели спустя надзиратель принёс в мою камеру подарок, присланный мне швейцарским консульством. Внутри посылки находились две бутылки шампуня и чешский перевод книги Пола Джонсона *«Иисус. Жизнеописание»*. Открыв книгу, я обнаружил письмо от консула, спрятанное под обложку. «Мы очень рады, что вы находитесь в лучшем состоянии и получаете лучшую еду», — прочитал я.

Конечно же, это было неправдой. Эта информация была передана в консульство через главного прокурора и сотрудника консульства после его апрельского визита ко мне, однако в действительности я был в гораздо худшем состоянии. Моё питание было сокращено с четырёх раз в день до двух, а по камере ночью бегали крысы.

Практически во всех аспектах условия содержания в этом полицейском участке были намного хуже, чем те, в которых я находился до сих пор, но из-за возможности регулярно поддерживать связь с адвокатом и использовать мою суданскую валюту для покупки предметов первой необходимости, швейцарский

консульский работник сделал вывод и передал моей семье, что условия моего содержания улучшились. Я успокоился, узнав, что теперь моя семья не будет так сильно беспокоиться обо мне.

Я продолжил читать письмо и узнал, что каждый вечер в 20:00 моя церковная семья регулярно постится и молится за меня. Я прервал чтение и быстро рассчитал разницу во времени между Прагой и Хартумом. *«Восемь часов... Именно в это время я ложусь спать!»* Я осознал, что именно молитвы моей церкви, посвятившей себя служению заступничества за меня перед Богом, позволяли мне, невзирая ни на что, каждую ночь спокойно засыпать.

В обложке книги было спрятано и второе письмо, и когда я вытащил его, то очень обрадовался тому, что Вава также написала мне. Читая её послание, я мысленно восхищался тем, какую ответственность взяла на себя моя маленькая девочка, пока я нахожусь в тюремном заключении в Судане.

Она рассказала мне, что наш сын Петр пишет квалификационную бакалаврскую работу, что он начал исследование своевременно и не тянул до последней минуты, чтобы иметь достаточно времени и не испытывать стресс. Вава также сообщала о том, что слова, написанные мной в последнем письме, очень ободрили её. *«Вся семья вновь обрела надежду, — писала она. — Твоё письмо придало маме новых сил».* Я был взволнован, прочитав эти строки. Несмотря на то, что я нахожусь так далеко, в суданской тюрьме, я мог ободрять и поддерживать свою семью и приносить им радость.

Скоро день рождения Ванды — первый день её рождения за все годы нашего брака, на котором я не смогу присутствовать. Сама мысль об этом крайне огорчила меня, однако мне было приятно узнать, что Петр и Вава выбрали для матери идеальный подарок на день рождения. Они решили купить ей новый телефон, потому что теперь она проводит много времени, делая телефонные звонки. Я не мог не улыбнуться. Я представлял,

как моя дочь учит Ванду пользоваться новым аппаратом, этим «новым новшеством», как назвала его в своём письме Вава.

Моя жена очень по мне скучала, и я представил, как она пытается скрыть свои эмоции в присутствии детей. «Иногда она хочет спрятать волнение от нас с братом, — писала Вава, — только ей это не удаётся». Я представил себе Ванду и увидел её исполненное грусти лицо, когда её внезапно охватывало чувство одиночества и беспомощности. Я представил, как ради наших детей она пытается быть сильной, борясь с болью, которую причиняет ей моё отсутствие. При мысли, что наши дети сейчас рядом с ней, поддерживают и утешают её, разделяют её бремя, я испытал некоторое облегчение. Если бы Ванда была одна и вынуждена была пережить всё это в одиночку, не думаю, справилась ли бы она. Наша дочь видела, как мать читает Библию, а также письма Яна Гуса — чешского богослова и реформатора Церкви, который жил в Праге в начале XV века, почти за сто лет до начала протестантской Реформации в Германии. Заключённый в тюрьму в Констанце за то, что он писал и проповедовал против небиблейских излишеств Рима, Гус написал свои «Письма из Констанци», ожидая, когда в 1415 году его сожгут на костре. И теперь слова Гуса, написанные в тюремной камере более 500 лет тому назад, ободряли мою Ванду, которая ждала и волновалась за своего мужа — запертого в тюремной камере в 2016 году. Я узнал, что другие члены семьи и друзья из нашей церкви также поддерживали мою жену. Я знал, что они ежедневно разговаривали с ней и непрестанно молились за нас.

При мысли о сыне я улыбнулся. Мне так захотелось оказаться дома, чтобы ободрить его. Читая рассказ Вавы о её новой работе, я вспомнил и свою первую работу в больнице так много лет назад. По словам дочери, её взяли на работу в одну из пражских больниц, однако добираться туда нужно было около часа. Одной из возможностей была поездка автобусом, однако жених Вавы, Хонза, предложил ей одолжить его машину. «Он

также очень помогает нам дома; он стал поливать деревья в саду, и на них начали появляться маленькие абрикосы. Мы также вместе молимся о тебе и о твоём освобождении».

Вава также сообщала, что она ежедневно поддерживает контакт с сотрудниками «Голоса мучеников», которые помогают оплачивать различные расходы. Она, должно быть, знала, что я беспокоюсь, задаюсь вопросом, как моя семья сможет выплатить ипотеку, оплачивать счета и так далее. Поэтому, прочитав слова дочери о том, что «все расходы покрыты», я очень обнадёжился. Ответом на мои молитвы было и то, что, как она писала, она часто общается со своим «дядей» Китом, который «оказывает семье большую поддержку».

Вава прислала новости о состоянии здоровья одного из моих друзей, за которого Господь побуждал меня молиться, а затем завершила письмо заверением, что моя семья поддерживает тесный контакт с Министерством иностранных дел и посольством в Каире и что они готовы обеспечить меня другим адвокатом.

«...Ни о чём не беспокойся, — писала она. — Ску-чаю по тебе, отец.

Твоя дочь Ванда, а также жена Ванда и сын Петр».

Я дочитал письмо и сразу же позвал надзирателя, чтобы попросить у него бумаги. К моему удивлению, он согласился поискать, и вскоре я уже писал кодированное послание своей семье из камеры. Я не знал, ни когда смогу отправить его, ни смогу ли отправить вообще.

«Меня очень ободрили ваши письма, особенно когда я узнал о молитвенной поддержке и посте нашей церкви! Я уверен, что друзья Кита на севере делают то же самое.

Не могу описать, как я обрадовался, получив во время последнего посещения сотрудником посольства Библию на чешском! За первые две недели я прочитал более половины! За пять месяцев я так изголодался по Слову Божьему! Как оно ободряет меня, особенно псалмы.

Наш Господь учит меня быть терпеливым в этой ситуации (см. Послание к римлянам 12:12). И, как я уже писал в предыдущем письме, даёт нам силы успешно пройти это испытание (см. 1 Послание к коринфянам 10:13). Каждый день я провожу прекрасное время с Господом. С 20 апреля я снова в одиночной камере, поэтому могу читать, молиться и петь вслух. Господь напоминает мне слова многих гимнов, которые я выучил, когда был молод и жил под коммунистическим гнѐтом в нашей стране.

Когда сейчас я читаю Библию и нахожу тот стих, который Господь напомнил мне в первые пять месяцев пребывания здесь, я словно нахожу потерянную жемчужину! Я очень обрадовался, прочитав отрывок из 1 Послания Петра 4:12–14. Я уверен, что и вы тоже найдѐте в нём ободрение!

Я также очень благодарен Господу за отличную учёбу нашей дочери Ванды и сына Петра. Я очень горжусь вами, дети! Я также рад, что наша мама начала серьёзно изучать английский язык с очень хорошим учителем. Он тебе понадобится, Ванда, потому что в будущем, по-

сле моего освобождения, тебе придётся много путешествовать со мной, чтобы ты больше не беспокоилась обо мне!:-)

Со здоровьем у меня всё хорошо. Я чувствую себя нормально, меня не покидают силы, несмотря на то, что я похудел на двадцать килограммов. Моё кровяное давление кажется нормальным.

Время здесь идёт очень медленно, поэтому нам приходится быть терпеливыми и доверять Господу, поскольку Он — Тот, в чьих руках ключи от моей камеры.

Я возлагаю всю надежду на Него, а не на людей. Он — Тот, Кто всё держит под Своим контролем. Мы все — в его любящих руках и под Его царской заботой!

Я не могу выразить словами, как лелею вас всех в своём сердце! Я очень скучаю по вам и радуюсь надежде скоро увидеть вас и быть с вами дома! Каждый день, в перерывах между чтением Библии, я возношу пламенные молитвы за всех вас. Я прошу Бога за вас и благословляю вас всех (Книга Чисел 6:24–26).

*С огромной любовью,
Петр».*

Затем я взял небольшой лист бумаги и составил список наиболее необходимых мне предметов — таких, как пемза для ступней, чтобы соскрести омертвевшую кожу, различные туа-

летные принадлежности, а также крем от плесени и антибактериальные средства. Я сложил лист бумаги в маленький квадратик и стал ждать визита сотрудника швейцарского консульства.

Он прибыл через пять дней, 24 мая. Когда меня вывели из камеры и повели на встречу с ним, я осторожно держал маленький кусочек бумаги в руке. Во время рукопожатия я вложил ему в руку тщательно сложенный бумажный квадрат. После того, как сотрудник посольства вышел из кабинета, я помолился за своё письмо и список, которые только что начали своё путешествие в Европу.

В мае и июне температура днём поднималась выше 50 градусов даже внутри здания. Меня держали в крошечной камере одиночного заключения, ранее предназначенной для содержания женщин. Я был благодарен, что остался один, потому что теперь мог носить шорты, которые достал из своего багажа. Если бы я всё ещё находился в большой камере, это было бы неприемлемым для моих сокамерников-мусульман, потому что были бы видны мои колени. Жара была такой изнуряющей, что даже в шортах я чувствовал себя ужасно.

21 мая я узнал, что в полицейский участок были доставлены двенадцать членов правозащитной группы, объявленной вне закона. Одна из них, кормящая мать с ребёнком, была освобождена в тот же день. Девять человек были втиснуты в общую камеру. Поскольку одиночную камеру, предназначенную для заключённых женского пола, занимал я, двух других женщин держали в одном из кабинетов, а затем перевели в приёмную отделения полиции, где они спали в одной комнате с охранниками, которые обычно целую ночь смотрели телевизор. Эта группа была расово разнообразной и состояла из представительных разных племён. Некоторые её члены были выходцами из правящего племени аль-Башира, шайгия, хотя они не во всём соглашались с суданским президентом. В группе была женщина из Камеруна, работавшая в офисе в качестве стажёра. Почти все остальные были суданцами, высокоинтеллектуальными, образованными и имеющими огромный опыт работы на между-

народной арене. Руководитель группы, поскольку у него было заболевание сердца и в переполненной камере он задыхался, подкупил полицейского, чтобы его перевели в мою одиночную камеру. Он свободно говорил по-английски, и мне нравилось беседовать с ним. Когда его адвокаты приносили ему дополнительную еду — йогурт, бутерброды, пакетики чая — он делился всем со мной, и в течение трёх недель я жил в роскоши. Ещё один член этой группы был репортёром, который работал в Международном уголовном суде (МУС), что, само собой, было очень опасной работой. Любой, кто был связан с МУС, в Судане считался предателем государства, поскольку именно МУС выдвинул против президента Башира официальное обвинение в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Репортёр рассказал мне, что он был арестован во время визита в Халафала Афифи после того, как его офис был подвергнут обыску силами безопасности правительства Судана. А в ноутбук третьего члена группы мужского пола офицеры НСРБ загрузили материалы гомосексуального порнографического содержания. Таким образом, правительство выдвинуло обвинения против всей группы за критику президента аль-Башира, за наблюдение за выборами в Судане, а также за обучение суданского народа способам борьбы за право голоса.

В то время, когда я читал Библию, мой сокамерник читал Коран. Как и другие заключённые в «Нияба-Мендоле», он казался умеренным, не воинствующим мусульманином, как мои сокамерники из ИГИЛ в тюрьме НСРБ. Когда он находил в Коране интересные отрывки, он задавал мне вопросы о том, что говорит по этому поводу Библия. Каждый день я молился, чтобы Господь открыл сердце этого человека и явил ему Себя как личного Спасителя, Господа и Бога.

Когда один из офицеров НСРБ понял, что мы с удовольствием проводим дни, разговаривая по-английски, он пришёл в ярость и приказал перевести моего сокамерника в другую

камеру. Я ужасно переживал потерю и до конца лета находился в камере один.

* * *

12 июня в полицейском участке «Нияба-Мендола» меня снова посетил сотрудник консульства Швейцарии. Он привёз ещё одну весточку от моей семьи. Я узнал, что когда они получили моё письмо, написанное 19 мая, то были «чрезвычайно воодушевлены» и «плакали, читая написанные тобой строки!». Моя семья нашла и прочитала все стихи из Библии, на которые я ссылался, — «действительно сильные слова, которые соответствуют ситуации, в которой ты находишься». Одним из них был стих из Евангелия от Луки 18:7: «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?» Они были очень рады узнать, что у меня наконец-то появилась Библия; они называли это «чудом, которое было послано с небес», и благодарили Бога за всех людей, которые участвовали в путешествии Библии ко мне. Каждый день я благодарил Бога за то, что Он давал мне живительные слова Писания — слова, которые на протяжении веков утешали многих мужчин и женщин, как и я страдавших за имя Христа.

Из этого письма я узнал, что моя семья молилась за меня не только в церкви, но и особенно в восемь часов во время домашней молитвы. В воскресенье, 29 мая, пастор нашей церкви произнёс проповедь, которая имела особое значение для моей семьи. В то утро они «смогли почувствовать Божью близость», и им было очень радостно, что он напомнил им слова из Евангелия от Луки 18:1: «Тогда Иисус сказал также им (ученикам) притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать...». Читая эти слова, я тоже чувствовал близость Бога. Они напомнили мне о силе молитвы и о том, что независимо от того, где находятся Божьи дети — в камере или во

святилище, каждый из нас может смело приступить к престолу благодати, чтобы найти там любящего Отца, который уделяет нам всё Своё внимание.

«Мы очень по тебе скучаем, — говорилось в письме, — и не можем дождаться, когда вновь увидим тебя. Мы очень хотим, чтобы ты поскорее мог быть с нами. Все передают тебе приветствия, думают о тебе и не ослабевают в своих молитвах». Ванда писала, что она очень беспокоилась и даже боялась за меня, однако после прочтения моего письма её наполнил Божий мир, и сердце её успокоилось. Я был рад узнать, что моя семья собрала всё, что я включил в список необходимых мне вещей, и они отправят их мне как можно скорее. Я отложил письмо и потёр макушку, размышляя над последним предложением, написанным женой: «Мы так хотим снова быть все вместе дома». Она также ссылалась на своевременный библейский стих об отношении Христа к страданиям в Гефсиманском саду, записанный в Евангелии от Марка 14:36: «Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты».

Мой дорогой друг и помощник Кит добавил в конце письма собственную заметку. Мне было очень приятно читать его слова: «Посему, страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены» (1 Послание к коринфянам 12:26). Через Кита Господь очень ободрил меня, напомнив, что другие разделяют мои страдания. Я не был отрезан от вселенского тела верующих, тела Иисуса Христа. Нет, я был частью этого тела, его представителем здесь, в Судане. И даже в таких стеснённых обстоятельствах радость наполнила моё сердце, потому что другие христиане молились за меня в то время, когда я страдал в этой тюрьме.

С неопишуемой радостью я снова ответил на их письмо.

«Мои дорогие!

Ваше письмо, которое я получил сегодня, очень поддержало меня! Спасибо за все слова и стихи ободрения. Я закончил чтение Библии за три недели и начал читать её во второй раз, так что теперь я черпаю много радости (Псалом 62:6), силы (Псалом 85:16), надежды (Псалом 61:6) и утешения (Псалом 93:19) в Писаниях, особенно в псалмах! Сердце моё полно благодарности Господу за всю Его доброту ко мне и к нашей семье. Со слезами благодарности довольно часто читал я отрывки из Книги Псалмов 102:1–6 и выучил наизусть почти весь 102-й псалом. Я уверен, что эти псалмы служат ободрением и для вас.

На самом деле, текущую ситуацию нельзя сравнивать с будущей славой, которая откроется в нас (Послание к римлянам 8:18). Я продолжаю молиться за всех вас, особенно в духе, когда Он ходатайствует за нас невыразимыми изречениями в соответствии с волей Бога (Послание к римлянам 8:26–28). А также мы знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу!..»

Я сделал паузу и задумался над тем, как рассказать им о возможностях, предоставленных мне Господом, проповедовать Евангелие своим сокамерникам, используя закодированный язык, который не поняли бы сотрудники полиции. Я подумал о стихе из притчи о сеятеле: «Некоторые семена упали на плодородную почву».

«...В течение последних трёх недель я снова исполнял стих из Послания к ефесеям 6:15. Я молюсь, чтобы поскорее произошло... (См. Евангелие от Матфея 13:23)».

* * *

Посещения сотрудника швейцарского консульства и г-на Сламы в полицейском участке продолжались в течение всего лета, и благодаря им я мог продолжать отправлять и получать письма от жены, дочери и сына. Сотрудник консульства также доставил посылку от моей семьи, наполненную всем необходимым, о чём я просил. Я постоянно удивлялся тому, как Бог заботится обо мне.

В течение последующих полутора месяцев Вава окончила медицинский вуз и стала врачом, а мой сын Петр получил степень бакалавра. Я был опечален тем, что не присутствовал на их торжествах, однако, зная, что у Господа была цель для моего заключения, я также был уверен в Его плане относительно жизни моей семьи. Бог снова и снова доказывал Свою верность, и я знал, что Он не оставит нас. Окончание медицинского вуза Вавой было днём, который я видел в страшном сне, предвещавшем мой арест, за три года до него. Теперь сон сбылся. Сначала я увидел дверь тюрьмы НСРБ, а теперь на самом деле пропустил её выпускной вечер. Я также очень скучал по сыну...

Во время одного из своих визитов г-н Слама доставил ещё одну посылку от моей семьи, и в ней был песенник. Я возрадовался, увидев эту драгоценную книгу! *«Библия, а теперь и ещё и песенник — какие благословения!»* Как обычно, я подписал документ о получении всех этих вещей в присутствии сотрудника консульства, который был очень огорчён тем, что прокурор не позволил мне забрать их с собой в камеру. Я вернулся к себе с пустыми руками и глубоко разочарованный.

Позже в тот же день один из курсантов полицейской академии сообщил, что главный прокурор вызывает меня к себе. Когда я вошёл, то увидел, как он рассматривает предметы, изъятые из передачи моей семьи.

— Что это? — поинтересовался он, тряся песенником.

— Это — сборник песен.

— Ты умеешь петь?

— Конечно, умею, — ответил я.

— Тогда спой мне песню! — приказал он. Я был полон решимости максимально использовать эту возможность, чтобы проповедовать Евангелие и прокурору, и курсанту полицейской академии, поэтому решил спеть замечательный гимн, который Святой Дух напомнил мне в первую ночь моего одиночного заключения: «Тебе да будет слава» Генделя. Я спел три куплета, а прокурор и курсант слушали.

Я закончил песню, однако не хотел сдаваться так быстро, поэтому начал говорить.

— Позвольте мне теперь рассказать вам, о чём эта песня, — сказал я и начал объяснять Евангелие двум мужчинам, благодарный за то, что у меня появилась ещё одна возможность засвидетельствовать мусульманам истину об Иисусе Христе.

Всю дорогу в камеру я улыбался. Я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовали себя израильтяне после того, как они были взяты в вавилонский плен: «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: «пропойте нам из песней Сионских» (Книга Псалмов 136:3). Я знал, что, пока Господь будет позволять мне петь, я буду делать это.

18 июля, после визита сотрудника швейцарского консульства и его нового коллеги, я написал ещё одно письмо моей семье, призывая их твёрдо стоять в вере, невзирая на наши испытания, и помнить, что мы страдаем не напрасно, потому что у Бога есть великая цель, которую Он достигает через нашу боль. Я сказал им, что у меня всё в порядке, и я постоянно радуюсь

в Божьем присутствии, поскольку использую время, проводимое в тюрьме, для изучения Божьего Слова. С 1 мая я трижды прочитал Ветхий Завет и уже пятый раз читал Новый Завет. И каждый раз Господь открывал мне что-то новое!

Я обрёл неисчерпаемый источник покоя, радости, силы и надежды в славословии и благодарности Богу, даже за все трудности, потому что при любых обстоятельствах, как учит Библия, мы должны благодарить Его (1 Послание к фессалоникийцам 5:18). Я напомнил своей семье, что, ожидая Господа, мы должны твёрдо стоять в вере и иметь мужественное сердце (Псалом 30:25), потому что мы верим, что нас крепко держат и защищают Его любящие руки (Псалом 138:5), Бог держит всё под контролем, а не мы. У Господа есть свои собственные способы исполнять Его таинственную, суверенную волю. И даже когда мы не можем их видеть или понять, наши сердца должны всё равно прославлять Его во всех обстоятельствах, восхвалять за Его вмешательство (Псалом 108:30–31).

Было удивительно знать, что, когда я сидел в камере и ждал, Бог активно трудился и постоянно пребывал в движении. Он мог склонить сердце людей, находящихся у власти в Судане, куда бы ни пожелал (Книга Притчи 21:1). Пока мы переносим трудности, Бог искренне помогает нам, оберегает, утешает нас, чтобы мы могли утешить других, оказавшихся в подобной ситуации (2 Послание к коринфянам 1:3–7). В своём письме я призвал семью вспомнить, что это кратковременное и лёгкое страдание, хотя и болезненное для всех нас в настоящее время, произведёт в безмерном избытке вечную славу (2 Послание к коринфянам 4:17–18).

«Вы всегда в моём сердце и мыслях, — написал я в конце письма. — Я всё время молюсь и благодарю Бога за вас, и не могу дождаться, когда вскоре увижу вас дома и буду с вами!»

Несмотря на то, что в одиночном заключении я наслаждался личным изучением Библии и возможностью петь чудесные гимны веры с глубоким содержанием, иногда в моё сердце и разум прокрадывались моменты печали и жалости к себе. Невзирая на то, что я уже научился преодолевать их, провозглашая, что Господь — мой мир и радость, эти эмоции всё ещё иногда тревожили меня. Однажды днём, когда я позволил жалости к себе овладеть моими мыслями, мои размышления внезапно были прерваны видением, возникшим на стене камеры. Я увидел лица своих троих друзей-эритрейцев: Хайле Найзги, доктора Кифлу Гебремескель и Кидане Уэлдоу. Все они — руководители христианских церквей, с которыми я познакомился несколько лет назад во время поездки в Эритрею, и всё ещё находились в заключении за своё христианское свидетельство и церковную деятельность. Скорее всего, они проводили бесчисленное количество дней запертыми в транспортных контейнерах, где невыносимо жарко днём и холодно ночью. Они страдали в заключении в течение уже *двенадцати лет*.

Так же мгновенно изображение на стене исчезло, как и появилось, однако послание Господа ко мне осталось ясным: «Почему ты жалуешься? Почему жалеешь себя? Ты пробыл в тюрьме чуть более шести месяцев — а они? А как сейчас твоим братьям из Эритреи?» С этого дня я включил этих трёх дорогих мне заключённых за веру в свои пылкие молитвы, прося Господа пребывать с ними в их страданиях. На протяжении всего моего заключения Господь напоминал мне и других заключённых христиан, мужчин и женщин из Китая, Северной Кореи и Центральной Азии. Когда я молился об огромном облаке свидетелей, этих смелых верующих, мой личный крест, который я ежедневно нёс, становился всё легче и легче.

Вскоре меня снова посетил г-дин Слама, в этот раз он приехал попрощаться. Это была его последняя поездка в Судан, прежде чем он отправился на своё новое место работы, в Австралию. Мы встретились в здании главной прокуратуры. Прямо посреди встречи прокурор покинул кабинет. Г-н Слама быстро встал. Он вытащил из кармана мобильный телефон и сунул его мне в руку. «Вот мой телефон, — прошептал он. — Поговори со своей семьёй». Я лихорадочно начал набирать номер. В течение тридцати секунд я мог слышать голос дочери. Потом быстро окончил разговор, а через несколько секунд вернулся прокурор. Вдруг мне стала понятна эта необычная ситуация: прокурор преднамеренно позволил мне сделать этот телефонный звонок. Это был прекрасный момент благодати посреди всех переживаемых мною ужасов.

* * *

Десятого числа каждого месяца я удручённо отмечал юбилей своего ареста, задаваясь вопросом, когда же моё дело наконец будет передано в суд. *«Господи, как долго я здесь пробуду?»* Однажды во время сна Господь дал ответ на мой вопрос. В конце жаркого июля мне приснился ещё один сон, в котором я шёл рядом с человеком по длинной дороге, ведущей на крутой холм. Этот человек был новоназначенным сотрудником консульства, который должен был в начале сентября заменить г-на Сламу. Я расспрашивал его о его знании арабского языка. *«Боже, неужели Ты пошлешь мне сотрудника консульства, говорящего по-арабски, который будет лучше понимать, что происходит на судебных заседаниях?»* Сон продолжался. Нам на головы стал падать снег. *«Почему снег? Боже, неужели Ты говоришь мне, что вместо освобождения в июле, августе или сентябре я буду освобождён только в январе или феврале?»*

Всё лето я пробыл в тюрьме. Действовал только один туалет, душ тоже не работал, поэтому, чтобы помыться, мы ополаскивались водой из крана. Однако после дождя вода текла грязно-коричневая. Мы наливали её в ведро, ждали, пока грязь осядет, а затем осторожно сливали отстоявшуюся воду в другую ёмкость. Процесс был кропотливым, но необходимым, и до сих пор из-за воды пока никто не заболел.

Однако однажды я решил почистить ведро, которое стало грязным из-за того, что оно стояло возле унитаза. К сожалению, на моей правой руке, а именно ею я мыл ведро, появились признаки заражения. Вскоре инфекция распространилась по всему телу. Она покрыла всю кожу и привела к раздражению волосяных фолликул на руках и ногах. Всё моё тело ужасно зудело. Я вспомнил Иова, покрытого отвратительными язвами от подошв ног до макушки головы, который скоблил себя черепицей, сидя в пепле (Книга Иова 2:7–8).

3 августа Министерство юстиции начало проверку полицейского участка «Нияба-Мендола». Через своего адвоката правозащитная группа пожаловалась на бесчеловечные условия содержания, и теперь сюда приехал высокопоставленный прокурор, чтобы самому во всём разобраться.

Обходя здание с целью осмотра условий содержания заключённых, он остановился и заглянул через решётку двери в мою камеру.

— Всё в порядке? — поинтересовался он. Наконец-то! У меня появилась возможность похлопотать о своём деле.

— Вообще-то, — сказал я, — здесь не всё в порядке. Я нахожусь здесь уже четыре месяца и всё ещё жду суда.

Прокурор выслушал, а затем, не произнеся ни слова, ушёл.

На следующее утро в моей камере появился надзиратель.

— Собирай вещи и — на выход, — приказал он. — Тебя переводят в другую тюрьму.

Я был удивлён тем, что прокурор посодействовал мне. Я быстро собрал одежду, туалетные принадлежности, Библию, песенник и очки и покинул одиночную камеру.

Через несколько минут ко мне присоединились пастор Хасан и другие, и мы вместе покинули полицейский участок. В тот момент уже больше не имело значения, куда нас везут. В любом случае там, безусловно, будет лучше, чем в полицейском участке «Нияба-Мендола».

19

4 августа мы все четверо — пастор Хасан, пастор Кува, Моним и я — были доставлены в здание суда города Хартум и помещены в тюремную камеру. Вскоре генеральный прокурор Судана выступил от нашего имени на заседании суда, на котором рассматривались плохие условия содержания в полицейском участке «Нияба-Мендола». В подчинении этого прокурора находились все прокуроры Судана, включая тех, кто занимался делами, переданными из тюрьмы НСРБ. Другие заключённые рассказали мне, что ему не нравились прокуроры, связанные с НСРБ, потому что они делают всё так, как от них требуют следователи НСРБ. Три часа спустя по решению суда мы были переведены в мужскую тюрьму города Омдурмана, тюрьму с более мягким режимом и более низким уровнем безопасности.

Прибыв туда, мы узнали, что тюрьма разделена на два сектора. В секторе «Колумбия», как его называли, содержались около тысячи заключённых наркоторговцев, пьяниц и воров, которые вынуждены спать на улице в больших ангарах без потолков. Когда шёл дождь, пыль превращалась в грязь и затапливала эти ангара и всех, живущих в них.

Сектор меньшего размера, VIP-сектор, предназначен для примерно трёхсот заключённых, большинство из них было поймано на финансовом мошенничестве, как, например, в выписке необналичиваемых чеков. Эти заключённые пользуются особыми привилегиями. Им разрешено спать на металлических

кроватях и матрасах, а для отдыха на свежем воздухе, вместо перевернутых вёдер, им выдали пластиковые стулья. Нас всех четверых поместили в этот меньший по размеру сектор. Другие заключённые сразу же сообщили нам, что повсюду есть мусульманские шпионы. Мы сами подозревали это, потому что другие заключённые подозрительно следили за нами в течение дня, наблюдая за каждым нашим действием.

Наше здоровье ухудшалось. В дополнение к пузырящимся солнечным ожогам от пребывания в ангарах под открытым небом, пастор Хасан страдал от язв двенадцатиперстной кишки, а пастор Кува восстанавливался после недавно перенесённой малярии. Я мечтал о карболическом мыле для лечения кожной инфекции, которую подхватил в полицейском участке после мытья ведра, забрызганного фекалиями, однако, к моему огромному сожалению, карболового мыла в этой новой тюрьме не было. Нам выдали все наши лекарства. Надзирателей, казалось, не заботило, зачем нам такое огромное количество препаратов. Постоянная пыль, грязь, пот и общая плохая гигиена повлияли на всех нас, а августовское солнце было просто невыносимым.

Группа молодёжи из церкви пастора Хасана принесла нам четверым пластиковые стулья, а Хасану удалось найти для меня металлическую кровать за 250 суданских фунтов (около 40 долларов). Кровать должны были доставить с матрацем, но вскоре я понял, что меня обманули. Хотя даже без матраца мне спалось более комфортно на неудобной металлической проволоке, чем на грязной земле. Среди спящих заключённых сновали крысы, ищущие какие-либо признаки пищи в наших сумках. Два дня спустя молодёжная группа из церкви пастора Хасана принесла ещё три металлические кровати для моих коллег и четыре матраца. Наконец-то мы все смогли насладиться сном на «удобных» кроватях! На ночь мы с суданскими братьями выносили свои кровати на улицу, чтобы спать под открытым небом, подальше от наших тесных барakov.

В трёхстах футах от нас находилась небольшая часовня, которую нам и другим братьям-суданцам разрешалось посещать. Это была первая часовня, в которую я попал за все эти месяцы. Мне даже позволили проповедовать в ней.

* * *

К субботе, 6 августа, я провёл уже два дня в мужской тюрьме города Омдурмана и наблюдал за тем, как другие заключённые использовали мобильные телефоны, чтобы общаться с членами своих семей. Мои суданские коллеги-заключённые также приобрели контрабандные сотовые телефоны, и я использовал оставшиеся суданские деньги, чтобы позвонить. Поскольку мои дети часто меняли номера мобильных, я набрал единственный номер, который мог вспомнить.

Помимо телефонного звонка в несколько секунд спустя полторы недели после моего ареста и тридцатисекундного звонка с телефона г-на Сламы, когда прокурор вышел из кабинета, последний раз я разговаривал с Вандой восемь месяцев назад, когда звонил ей по скайпу из отеля «Парадис» перед отъездом в аэропорт Хартума. Услышать её голос снова и узнать, что с ней всё в порядке, было бы для меня не чем иным, как чудесным Божиим даром.

Я набрал номер и услышал гудок вызова. В Чехии был субботний вечер, и Ванда как раз разговаривала с нашим сыном. Внезапно на экране её мобильного телефона появился странный номер. Она сразу же узнала код Судана. *«Кто бы это мог быть?»* — заволновалась она. — *«Служба безопасности Судана?»* Неуверенно Ванда всё же ответила на звонок:

— Алло?

— Это я, Петр! — выпалил я, и мой голос задрожал.

Сердце Ванды встрепенулось, казалось, оно вот-вот выскочит из груди.

— Тебя освободили? — спросила она голосом, исполненным надежды.

— Нет, я нахожусь в тюрьме города Омдурмана и смог тайно пользоваться сотовым телефоном друга. — Я не знал, на сколько минут разговора хватит моих денег, поэтому пытался получить как можно больше информации о своей семье, в то время как Ванда отчаянно жаждала информации обо мне. Я поспешно рассказал ей о своём положении и о том, что я знал, что у Бога есть цель, которой Он собирается достичь через моё заключение. Я слушал её слова, слышал любовь в её голосе, ощущал лёгкость, с которой мы разговаривали, и чувствовал себя так, как обычно во время рутинных поездок в Африку. Я чувствовал себя так, как будто ничего не изменилось, как будто скоро я вернусь домой и встречу с ней у выхода из багажного отделения аэропорта.

Приобретённый мною кредит подарил мне двадцать чудесных минут. В конце разговора Ванда неохотно повесила трубку. На её лице расцвела радостная улыбка. После нашего телефонного общения она не спала всю ночь, не могла уснуть. Её сердце и мозг были переполнены адреналином, радостью и огромной благодарностью за то, что Господь остался верен нам обоим в этот невероятно трудный период скорби.

* * *

8 августа, через четыре дня после нашего прибытия в эту тюрьму, к нам подошёл надзиратель. «С вещами — на выход», — приказал он. Мы все четверо оставили свои металлические кровати и пластиковые стулья и последовали за ним к грузовику для скота, который, как оказалось, должен был доставить нас в соседнюю тюрьму «Кобер» — тюрьму особо строгого режима, печально известную пытками.

В пункте назначения нас ждали чудесные новости. Поскольку начальнику тюрьмы «Кобер» было известно, что наше дело

всё ещё находится в состоянии судебного разбирательства, он отказался принять нас и сообщил, что нам будет разрешено находиться в «Кобере» только после завершения суда. На своей «скотовозке» мы вернулись в мужскую тюрьму города Омдурмана, где нас встретил шквал сардонического смеха офицеров НСРБ. Судя по выражению их лиц, я знал, что они найдут способ наказать нас за напрасную трату своего времени.

* * *

Три дня спустя, в четверг 11 августа, к нам снова пришёл надзиратель и приказал: «С вещами — на выход». На этот раз мы были уверены, что теперь покидаем это место уже навсегда. Офицеры НСРБ наконец решили выполнить свои угрозы.

Нас погрузили в грузовик для перевозки скота и везли больше часа. Вскоре мои сокамерники поняли, куда мы направляемся — в тюрьму «Аль-Худа», огромный тюремный комплекс, расположенный далеко за пределами города. В отличие от предыдущих тюрем, в которых я уже побывал, где в основном содержались политические заключённые и те, кого обвиняли в менее серьёзных преступлениях, в «Аль-Худу» заключали тех, кто совершили тяжкие преступления, включая организованные ограбления, торговлю наркотиками, жестокое обращение с детьми, изнасилования и убийства. Работая на полную мощность, тюрьма «Аль-Худа» могла вместить до десяти тысяч заключённых.

Я размышлял над тем, что ожидает нас в нашем новом доме посреди суданской пустыни?

20

Водитель отвёз нас вглубь пустыни, примерно в полутора часах езды к северу от Хартума, столицы, и к северо-западу от Омдурмана, его города-побратима. Я выглянул из грузовика для скота и увидел справа от себя, что ровный коричневый пейзаж начинает переходить в три холма — Гебу Аба Мера, Гебель Мехиат и Гебель Лейрик. Мы свернули налево на пыльную дорогу, ведущую к большим зелено-белым воротам, въехав в которые оказались в печально известной тюрьме.

Размер тюрьмы «Аль-Худа», отдалённой от всего живого, был огромен. Комплекс состоял из множества больших секторов, каждый из которых разделялся ещё на подсекторы, каждый из которых вмещал четыре камеры. Каждая камера была рассчитана на сто заключённых. Когда нас вывели из машины, я почувствовал, как всё внутри меня сжалось.

Мы все вместе были помещены в переполненную камеру сектора 2, где сразу же начали приспосабливаться к новой среде обитания. Пол был покрыт серой и бежевой плиткой. Несколько рабочих были заняты покраской внутренних стен белой краской.

В полицейском участке «Нияба-Мендола» я часто задавался вопросом, почему Бог дал мне такую огромную привилегию ничего не делать в одиночном заключении, кроме как читать Библию. Ответ на этот вопрос и осознание того, что всё это было частью чудесного плана Господа, наконец-то пришли через три месяца, в тот день, когда я переступил порог «Аль-Худы».

Перевод в эту тюрьму додал к моему горю ещё большее разочарование. Я не только потерял уединение, которое предоставляла мне камера одиночного заключения в полицейском участке «Нияба-Мендола», но позже той ночью я обнаружил ещё и то, что в новой камере было слишком темно, чтобы вообще читать Библию. Однако вскоре я узнал, что Господь приготовил для меня здесь, в пустыне, нечто ещё более захватывающее.

В день нашего прибытия в «Аль-Худу» в нашу переполненную камеру вошли два заключённых с приветливыми, исполненными мира улыбками.

— Где пасторы, которых привезли сегодня? — спросил один из них. Я и мои друзья медленно подняли руки, и мужчины направились к нам, чтобы поприветствовать. Слова, произнесённые ими далее, ошеломили меня: они пришли пригласить нас в тюремную часовню!

— В тюремную часовню? — недоверчиво переспросил я. — Здесь есть тюремная часовня?

— Да, есть! — улыбнулся один из посетителей. Только позже я по-настоящему осознал, насколько хороша была эта новость.

В отличие от тюрьмы НСРБ и полицейского участка «Нияба-Мендола», где даже мусульманам не разрешалось посещать мечеть, в этой огромной тюрьме была не одна, а несколько мечетей, по одной в каждом секторе, каждая из которых обслуживала четвереста заключённых. Каждый заключённый имел возможность посещать мечеть. Пять раз в день азан возвещал начало молитвы. Однако здесь, в «Аль-Худе», было также много немусульман, в первую очередь христиан из Южного Судана, а также анимистов, исповедующих традиционные африканские религии. Поэтому тюремные власти открыли для заключённых немусульман часовню.

Когда-то часовня была обычной камерой на втором этаже 5-го подсектора тюремного комплекса, в которой содержалось сто человек. Однако после того, как из неё вынесли нары, а

стены покрасили синей латексной краской, новоиспечённая молитвенная комната могла вместить почти двести заключённых, и даже больше, если бы все стояли. На стенах висели иконы, произведения искусства религиозного содержания, и распятие, которое находилось прямо над головой проповедника. Спереди стоял длинный стол, накрытый клеёнкой, который служил как кафедрой, так и алтарём, а вокруг него на стульях во время богослужения сидели заключённые.

Как оказалось, мужчины, которые в первый день нашего прибытия в тюрьму пригласили нас в часовню, были старейшинами тюремной церкви. Когда мы прибыли в «Аль-Худу», они собрали постоянных посетителей часовни на собрание. Наше прибытие возвестили традиционные африканские барабаны, и через несколько минут приветствовать нас на нашем первом богослужении собралось более двух десятков заключённых. Старейшины вызвали двух суданских пасторов и меня вперёд и, как в Книге Деяния 13:15, сразу же сделали удивившее нас предложение: «Братья, если у вас есть слово от Господа, скажите его».

Моим суданским коллегам было известно о возможности, которую Бог дал мне в течение трёх месяцев изучать Библию в одиночной камере полицейского участка «Нияба-Мендола», поэтому все они указали на меня. Я открыл Библию и поделился словом из Евангелия от Иоанна 15:1–10. Это был отрывок об Иисусе, истинной виноградной лозе, и Его Отце, виноградаре. «Господь учил о том, как обрезать нас, ветви, — начал я. — Иногда, когда Господь очищает нашу жизнь, бывает очень больно». Потом я рассказал историю Моники Дра из Нигерии. Присутствующие христиане были глубоко тронуты этой убедительной историей и не могли поверить своим ушам, когда я сказал, как отреагировали на эту историю боевики ИГИЛ в тюрьме НСРБ.

Господь дал мне возможность проповедовать в мужской тюрьме города Омдурмана, однако это было лишь предзнаме-

нованием того, что Он приготовил для меня в «Аль-Худе». Эта пустыня, эта пустынная тюрьма стали животворящим оазисом для моего тела и души.

Через два дня после нашего прибытия меня перевели из сектора 2 в сектор 3, где содержались наиболее опасные преступники. Это были люди, подобные Шуквану, который десять лет назад был приговорён к семи с половиной годам тюремного заключения за неумышленное убийство своего друга во время драки. Он был тёртым калачом, бойцом от природы, всё тело которого было покрыто шрамами.

Однако уже в течение трёх лет Шукван был последователем Иисуса Христа. Он познал Господа благодаря христианскому свидетельству своих сокамерников по «Аль-Худе». Несмотря на то, что срок его тюремного заключения за непредумышленное убийство давно истёк, ему было отказано в освобождении, пока он не возместит все судебные издержки, составляющие 38 тысяч суданских фунтов (6 300 долларов США по официальному обменному курсу, около 2 тысяч долларов США по уличному обменному курсу, подверженному инфляции).

В первую ночь после моего перевода в эту тюрьму брат Шукван увидел, что я сплю на полу, и настоял, чтобы занять моё место. Шукван спал на полу, позволив мне хорошо выспаться в его постели. Его самоотверженный поступок был одним из наиболее убедительных свидетельств его веры, живущей в его смягчённом и изменённом любовью Иисуса Христа сердце. В «Аль-Худе» заключённым приходилось ждать месяцы и даже годы, чтобы унаследовать нары после освобождения сокамерника, поэтому его самоотверженный и бескорыстный поступок не мог не остаться незамеченным. Шукван был также потрясающим свидетельством мусульманам. Раньше они уважали его за то, что он был самым сильным бойцом, но теперь за этот жест любви и жертвы его уважали ещё больше.

Однако, несмотря даже на этот невероятный поступок Шуквана, спокойный ночной сон не помогал мне избавиться от постоянных переживаний о том, что, возможно, мне придётся провести остаток жизни в тюрьме.

21

Всё в «Аль-Худе» было грязным, кроме часовни. Мы держали её исключительно чистой и даже платили надзирателям, чтобы окуривать её раз в месяц для уничтожения комаров. Там была и проточная вода, однако давление было настолько низким, что для подачи воды внутрь здания требовался электрический насос. Когда вода текла, мы всегда пользовались возможностью и наполняли ею несколько больших бочек, чтобы было что пить, когда электричество неожиданно отключится.

Наличие в часовне проточной воды позволяло мне наполнять свои четыре двухлитровых пластиковых кувшина, которые я из всех сил пытался, не разлив, донести в камеру, чтобы там, в ванной комнате, помыться. Каждое утро в 7:00, сразу же после утренней проверки, я отправлялся в часовню, чтобы ополоснуть тело ведром воды. Скоро я понял, что добираться туда нужно как можно быстрее, до прихода других заключённых, чтобы никто не украл мои вещи.

На протяжении недели мы проводили в часовне пять церковных богослужений, на которых могли присутствовать христиане любого происхождения и вероисповедания.

По воскресеньям на поклонение приходила группа эритрейцев. В соответствии со своими традициями они снимали обувь и трижды целовали изображение Марии, висящей на стене. Потом они проделывали то же самое и с распятием на стене. Мне было тяжело на сердце наблюдать за исполнением ими традиционных ритуалов. Я так жаждал переместить их внима-

ние с ритуалов, построенных вокруг истории Иисуса, и икон на живого Христа, изображённого на них.

Однажды я проповедовал по отрывку из Евангелия от Иоанна 3:14–15, в котором Иисус Христос объясняет Никодиму, что, «как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Я упомянул также историю из Книги Числа 21, в которой речь шла о том, как израильтян, бродивших по пустыне, кусали змеи. Моисей получил указание поднять на шесте бронзового змея, и каждый укушенный, взглянув на него, получал исцеление. «Так же и мы, — сказал я, — когда понимаем, что мы — грешники, нам необходимо смотреть на Иисуса, вознесённого на кресте, чтобы получить спасение. Смотреть на Иисуса Христа — это единственный способ исцелиться и получить рождение свыше».

Затем я упомянул стих из 4 Книги Царств 18:4, о котором мне напомнил Святой Дух, когда я был огорчён всем этим христианским идолопоклонством, которое выражалось в поклонах и целовании религиозных символов на стенах часовни. В тексте речь шла об иудейском царе Езекии, отменившем высоты, разрушившем колонны и срубившем *ашеру* (столб или дерево, которому поклонялись). Он разбил на куски бронзового змея, которого создал Моисей, потому что народ Израиля всё ещё приносил ему жертвы (он назывался *нехуштан*). Я объяснил заключённым, что подобно тому, как бронзовый змей на шесте, изначально предназначавшийся для спасения жизней израильтян, превратился в предмет идолопоклонства, так же и мы предпочитаем целовать образ креста и кланяться перед ним, вместо того чтобы поклоняться самому Христу. После моей проповеди начали происходить удивительные изменения: ко мне подходили многие эритрейские заключённые и благодарили за то, что Святой Дух открыл им глаза и они поняли, что

должны не кланяться перед распятием, а поклоняться Христу и посвятить Ему всю свою жизнь.

Большинство эритрейцев попали в тюрьму за незаконное пересечение границы Судана в надежде отправиться сначала в Ливию, а затем — в Европу. Это преступление было наказуемо штрафом в размере 4 тысяч суданских фунтов или трёхмесячным тюремным заключением. Одних освобождали быстро, потому что их родственники платили штраф, а другим приходилось отбывать полный срок заключения.

С тех пор как я прибыл в эту тюрьму, Господь всегда был верен. Он позволял мне раз в неделю, а иногда даже дважды, проповедовать на богослужениях в часовне. Я знал, сколько неверующих посещало наши служения, поэтому большинство моих проповедей были евангелизационными, хотя каждая третья проповедь была ориентирована на верующих во Христа. Посредством этих проповедей я стремился подготовить их к преследованиям.

Я проповедовал «Евангелие преследований» — послание о том, что мы следуем за Спасителем, который, Сам пострадав, допускает страдания и в наши жизни. Иисус Христос умер на кресте, претерпев неопишемую жестокость, чтобы христиане могли избежать рабства греха и смерти и жить вечно. И мы, Его последователи, также страдаем здесь, на земле. Страдая за веру, мы участвуем в страданиях Христа. Я рассказывал им свидетельства преследуемых христиан, в основном женщин, таких как Моника, и детей, таких как Даньюма, и пытался сделать всё возможное, чтобы подготовить заключённых в «Аль-Худе» христиан к преследованиям, а также к пониманию преследований в свете Писания.

Я верю, что именно это «Евангелие преследований» является истинным Евангелием Иисуса Христа.

* * *

Служения в часовне начинались всегда одинаково: в 9:00 утра, пять раз в неделю, с колокольного звона. Перед молитвой и проповедью всегда было музыкальное поклонение. Заключённые пели традиционные африканские песни на арабском языке, и вместо того чтобы играть на гитарах или других западных инструментах, они использовали африканские музыкальные инструменты, такие как маракасы и барабаны бонго. Они сами делали эти барабаны во время Ид аль-Адха, мусульманского Праздника жертвоприношения.

В рамках этого, широко отмечаемого, праздника каждой камере в тюрьме был предоставлен жертвенный баран. Некоторые христиане в «Аль-Худе» отказывались есть мясо, так как считали, что Новый Завет запрещает есть мясо, приносимое идолам (1 Послание к коринфянам 8). Я же решил принять объяснение апостола Павла о том, что мы можем есть всё, что продаётся на мясном рынке без какого-либо зазрения совести, потому что «Господня земля, и что наполняет её» (1 Послание к коринфянам 10:25–26). Поэтому для меня это мясо было даром от Господа, и я наслаждался каждым граммом его деликатесного белка.

Каждая часть барана использовалась, чтобы сделать что-то полезное. Несколько заключённых принесли в часовню шкуры баранов, чтобы сделать из них барабаны, которые позже мы использовали во время богослужения. Дубление кожи было сложным процессом. В течение трёх недель её необходимо было пропитывать гидроксидом натрия, который испускал ужасный смрад, но растворял весь жир, мясо и другие остатки тканей. После этого заключённые мыли, резали и сушили кожу на солнце, а затем растягивали её и прикрепляли к основе барабана.

Пение в часовне начиналось с нескольких тихих голосов небольшой группы христиан, которые играли на барабанах.

Вскоре другие заключённые, услышав их, присоединялись к пению, и оно становилось всё громче и громче, постепенно распространяясь из камеры в камеру, из сектора в сектор, пока христиане по всей тюрьме не начинали восхвалять Бога вместе и стекаться в часовню для поклонения.

В «Аль-Худе» христианское поклонение было ответом на исламский азан.

* * *

Иногда у нас бывал католический священник, который проводил мессу и преподавал евхаристию. А иногда — православный священник, который проводил традиционную для православных христиан Судана литургию. Нас также посещали проповедники из харизматических церквей. Эти люди молились о чудесном исцелении заключённых, даже изгоняли демонов, одержимость которыми обычное явление в этой части Африки.

Два суданских пастора, заключённые вместе со мной, также были в списке чередующихся служителей. До ареста они руководили церквями, принадлежащими к духовно здоровой суданской конфессии, и их проповеди всегда основывались на Библии. Я обычно проповедовал по пятницам и воскресеньям, а также в любой другой день, когда меня назначали на проповедь. Независимо от происхождения и христианской традиции, к которой принадлежал каждый из нас, все мы сосредотачивали свои проповеди на основных элементах Евангелия, важности Библии и на том, что значит быть рождённым свыше.

Однажды в пятницу я проповедовал по отрывку из 9-й главы Евангелия от Иоанна и говорил о человеке, который родился слепым. В конце служения я предложил присутствующим публично откликнуться на Божий призыв и пригласил всех, кто желал начать путь веры с Иисусом Христом, выйти вперёд. По милости Божией, в тот день посвятить свою жизнь Христу

приняли решение двенадцать человек. Каждую неделю Бог продолжал удивлять нас тем, сколько жизней Он изменял.

Однако не все заключённые, посещавшие нашу часовню, были христианами. Мы принимали и мужчин из Южного Судана, которые поклонялись животным и исповедовали разные виды традиционных африканских религий. Моё сердце болело за них, и я изо всех сил старался обращать свои проповеди к ним в надежде, что Бог использует мои слова, чтобы проговорить прямо к их сердцам.

Цель моих проповедей состояла не в том, чтобы унижить или раскритиковать происхождение либо традиции заключённых; я хотел привести их к Иисусу Христу, который сказал: «Я есмь Путь и Истина, и Жизнь. И никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Евангелие от Иоанна 14:6).

До и после каждой проповеди я горячо молился, чтобы Святой Дух открыл этим людям истину и чтобы они знали, что независимо от того, что они сделали, Бог любит их, прощает и желает иметь с ними личные отношения. Благодаря Божьей работе в их сердцах многие из этих анимистов приняли Благую Весть и познали Господа.

Теперь я больше не беспокоился о том, как долго мне придётся побыть в тюрьме. Я хотел быть там, пока это угодно Господу — ни днём дольше, ни днём меньше.

* * *

В Омдурмане суданских пасторов три раза в день посещали их родственники и члены церкви. Однако из-за отдалённости «Аль-Худы» к двоим из моих друзей посетители приезжали только дважды в неделю.

Ванда хотела навестить меня в тюрьме, однако министр иностранных дел Чешской Республики отговаривал её. Когда же организация собрала деньги для её визита ко мне и чеш-

ское правительство наконец согласилось, я сообщил сотруднику чешского консульства, что не хочу, чтобы члены моей семьи приезжали в Судан.

У нас с сыном было одно имя, и я боялся того, что с ними могло произойти во время этого визита.

* * *

Я быстро узнал, что наихудшее поведение в этой тюрьме демонстрировали не заключённые, а её сотрудники. На ремонт тюрьмы выделялись большие суммы денег, однако администрация присваивала средства и делила их между собой. Надзиратели регулярно употребляли наркотики и вымогали у заключённых деньги.

Новые сокамерники рассказали мне, что, по крайней мере, дважды в неделю в тюрьме отключали электричество. В это время прекращали работу потолочные вентиляторы, гасли лампы, переставало действовать кухонное оборудование. Заключённые обвиняли администрацию тюрьмы в умышленном отключении электроэнергии с целью получения дохода.

«Каждая камера должна собрать 100 фунтов, чтобы решить эту проблему», — требовали надзиратели. Когда заключённые уступали их требованиям и платили, электроэнергия появлялась снова.

В 5 часов вечера охранники проводили переключку заключённых, а затем запирали двери камер. «Когда запрут камеры, — как-то прошептал мне сосед по нарам, — мы будем свободны». В первый же вечер моего пребывания в секторе 2 я понял, что он имел в виду. Когда двери заперлись, я увидел, как сокамерники вытаскивают из своих тайников мобильные телефоны и начинают звонить.

Когда отключали электричество, напряженность среди заключённых в наших переполненных камерах возрастала, и мно-

гие устремлялись в часовню, чтобы подышать свежим воздухом. Часовня была тихим местом, и я проводил там время, изучая Библию, ободряя других заключённых и ведя длительные беседы с теми, кто уверовал или хотел посвятить себя следованию за Христом. В этой тюрьме люди жаждали Бога, а часовня идеально подходила для духовных разговоров.

22

После более чем восьми месяцев тюремного заключения, в воскресенье 21 августа 2016 года, наконец наступил день суда. Пастор Хасан, пастор Кува, Моним и я — все мы были обвиняемыми.

Рано утром мы сполоснулись из ведра в часовне, а затем начали одеваться на суд. Два пастора были в чёрных брюках, чёрных рубашках с колоратками — клерикальными воротниками, а я надел джинсы, серую футболку и тапочки. Мои волосы и борода были теперь длинными и серебристыми, и в день первого судебного заседания по нашему делу я чувствовал себя совершенно неопрятным.

Специальная охрана — судебная полиция — доставила нас из «Аль-Худы» в помещение тюрьмы Хартумского центра. Во время поездки, занявшей почти два часа в кузове скотовоза, с нас сняли наручники, и мы сидели на длинных металлических скамьях, установленных с каждой стороны кузова грузовика.

Когда мы прибыли в здание тюрьмы, нам на запястья опять надели наручники и поместили для ожидания в камеру временного содержания.

В маленькую камеру ожидания были втиснуты десятки заключённых. Пол в ней был грязным, и сидеть было негде, поэтому мы часами бродили по примыкавшему к ней внутреннему двору, окружённому колючей проволокой. Бродя под открытым небом по маленькому пространству, я услышал звук пения, доносящийся снаружи близлежащего здания суда.

Вскоре мы с братьями догадались, что это было за пение, и были поражены. Сотни проживающих в Нубийских горах христиан из племени, к которому принадлежал пастор Кува, автобусами добрались в Хартум, чтобы засвидетельствовать нам свою поддержку. Однако суданские спецназовцы, используя щиты, дубинки и слезоточивый газ, не позволили им войти в здание суда. Поэтому они стояли снаружи и громко пели о Давиде и Голиафе. Ожидая первого слушания на закрытом заднем дворе Хартумского центра, мы слышали, как Тело Христово пело нам песню ободрения. Я был поражён храбростью этих братьев и сестёр, поскольку, предлагая нам такую бесстрашную поддержку, они рисковали не только личной свободой, но и собственными жизнями. Интересно, сколько из них будет арестовано? На глаза пастора Кувы накатались слёзы, когда он слушал христианские песни, исполняемые на близком его сердцу языке.

Незадолго до 13:00 нас вызвали в зал суда Хартумского центра для первого слушания по нашему делу. Облачённая в синюю форму охрана, вооружённая АК-47, вывела нас из камеры временного содержания. Я был уверен, что мы четверо показали охранникам пёстрой командой. По всей видимости, нас сковали цепями, чтобы придать нам вид опасных преступников. Я был скован вместе с пастором Хасаном, а пастор Кува — с Монимом. Направляясь от внутреннего двора к зданию суда, мы прошли мимо христиан, приехавших из Нубийских гор. Мы с Хасаном, скованные одной цепью, вместе подняли руки, чтобы помахать приехавшим приветствовать нас, и христиане разразились аплодисментами. Я не понимал их слов, однако слёзы на глазах Хасана и Кувы красноречиво объяснили мне всё, что мне следовало понимать. Звук их голосов сопровождал нас от камеры временного заключения до здания суда. Я изо всех сил пытался сдерживать свои эмоции.

Вскоре мы вошли в здание суда. Это было дряхлое, запущенное помещение с бледно-жёлтой штукатуркой, обсыпавшейся

со стен, и едким запахом плесени. Кто-то открыл алюминиевые окна с грязными разбитыми стёклами, и ветер сделал вонь и жару хоть немного более терпимыми. Невзирая на слабые потоки свежего воздуха, я всё равно сильно потел.

Войдя в зал, я отметил присутствие усиленной охраны. Помимо сотрудников НСРБ, судебной и тюремной охраны, там были вооружённые до зубов люди, одетые в спецформу, в распоряжении которых был слезоточивый газ. Кроме христиан, ожидавших снаружи, в помещении также было много наших сторонников. Хасан и Кува шепнули мне, что среди них — члены поместных церквей. Мне также стало известно, что другие — это тайные представители правозащитной организации, созданной для продвижения избирательных прав и демократических реформ в Судане. Ранее я уже встречал представителей этой организации среди своих сокамерников. Я увидел представителей посольства США и консульства Швейцарии, а также сотрудника чешского посольства и представителя Международного уголовного суда. Там были и другие мужчины и женщины, выделявшиеся своей одеждой. Они оказались дипломатами из других стран Европы и представителями Европейского Союза. Все они заполнили свободные места и даже расположились на полу.

За три месяца до этого Национальная служба разведки и безопасности наконец-то возбудила дело № 41/2016, однако только в августе, когда нас перевели в тюрьму города Омдурмана, а затем в «Аль-Худу», дело было передано в суд. Первое судебное заседание первоначально было назначено на предыдущее воскресенье, но вскоре было отложено. Нас убеждали, что это произошло из-за того, что нашей доставке из тюрьмы в суд препятствовал дождь, хотя вскоре нам стала известна настоящая причина. Увидев массовое присутствие христиан из Нубийских гор — мужчин и женщин, прибывших в Хартум после тяжёлого многодневного путешествия в очень неудобных автобусах, — сотрудники НСРБ отложили наше слушание в

ожидании, что верующие из Нубы вернутся домой. Тем не менее христиане не собирались уходить, не продемонстрировав поддержки своим пасторам. Они были исполнены решимости оставаться и ждать перенесённого заседания суда, и местные, хартумские, христиане приняли их в своих домах.

Наконец около 13:00 началось наше испытание. Обязанности председательствующего судьи на заседании исполнял доктор юридических наук Усама Мухаммед Абдалла, восседавший в чёрной мантии на возвышении в передней части зала суда. Там также присутствовал следователь Абдуррахман Ахмед Абдуррахман, и более дюжины адвокатов — три официальных и четырнадцать добровольных из различных правозащитных организаций — представляли интересы нас четверых. Адвокатов было так много, что служащим суда пришлось добавить к скамье адвокатов дополнительные стулья.

Мой личный адвокат, доктор Шумайна, был рекомендован посольством Чехии, но я подозревал о его симпатии НСРБ, поэтому не доверял ему. Ему было восемьдесят четыре года, одет он был в дорогой костюм и требовал чрезвычайно высокую оплату своих услуг, возможно, для подкупа чиновников коррумпированной суданской правовой системы. Казалось, он был глубоко уважаем прокурорами и имел немалое влияние на сотрудников полицейского участка «Нияба-Мендола», где я впервые с ним познакомился. Тем не менее он не приехал на запланированную встречу со мной в «Аль-Худе», чтобы обсудить дело непосредственно перед первым судебным слушанием просто потому, что посчитал поездку слишком длительной. Это стало огромным ударом по моей вере в него и моему моральному состоянию.

Судебное слушание проходило исключительно на арабском языке. Кроме журналистов и небольшого количества правозащитников, остальная часть зала суда была заполнена смелыми христианами, которые пришли поддержать нас своим присут-

ствием. Члены семьи моих суданских товарищей-заключённых теснились на стульях в передней части зала суда.

Наконец слушание началось.

— 18 декабря, — объявил г-н Абдурахман, — Национальной службой разведки и безопасности Судана была арестована группа христианских пасторов и других руководителей. Все они были освобождены за исключением четырёх лиц, присутствующих сегодня здесь в качестве обвиняемых. Они были арестованы за участие в христианской конференции, проходившей в Аддис-Абебе в октябре 2015 года.

Г-н Абдурахман зачитал список обвинений по статьям 21, 50, 51, 53, 57, 64 и 66 Уголовного кодекса Судана от 1991 года, статье 30-1 Закона «О гражданстве» и статье 23 Положения «О добровольном гуманитарном сотрудничестве». Обвинения против меня были обширными: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, подрыв конституционного строя, ведение войны против государства, шпионаж против страны, проникновение и фотосъёмка военных объектов и манёвров, разжигание ненависти против сект или между ними, публикация заведомо ложной информации, незаконный въезд в Судан и ведение деятельности от имени благотворительной организации без лицензии.

По словам следователя, нас обвиняли в проведении разведывательных мероприятий, направленных против Судана, и оказании ощутимой поддержки Народно-освободительной армии Судана, действующей в Нубийских горах. Он объяснил присутствующим, что мы работали над сбором доказательств, подтверждающих различные обвинения против правительства страны: документировали акты насилия, включая перемещение гражданского населения, внесудебные казни, поджоги деревень и геноцид; притеснение и пытки христиан; снос церквей.

Я не доверял переводчику, который был предоставлен НСРБ. Его знание английского было крайне неудовлетвори-

тельным, что стало для меня очевидным, когда он перевёл, что я приехал в Судан по «*террористической* визе» вместо «*туристической* визы». Мои суданские братья, сидевшие на скамье рядом со мной, подтвердили мои подозрения: он вообще не переводил точно. Они попытались возразить, но судья заставил их замолчать.

Наши адвокаты отрицали выдвинутые против нас обвинения, и суд был отложен до 29 августа. Мы пожаловались адвокатам на переводчика.

Затем на пастора Хасана, пастора Куву, Монима и меня попарно надели наручники и вывели из зала суда обратно в камеру ожидания в здании тюрьмы. Ещё через несколько часов мы снова забрались в кузов скотовоза и отправились обратно в тюрьму, которая находилась посреди пустыни.

Обвинения, выдвинутые против меня, были ошеломляющими, но я не волновался. Я был лично знаком с Верховным Судьёй, который не носит чёрную мантию.

* * *

Мобильные телефоны, незаконно пронесённые в тюрьму различными способами, можно было так же незаконно там приобрести. Моним купил один их таких телефонов. Он позволял мне ежедневно разговаривать со своей семьёй в течение часа. Я купил SIM-карту и попросил своих сокамерников пополнить её. Во время следующего слушания я получил целлофановый пакет с туалетными принадлежностями, сушёными продуктами — и самое главное: примитивный сотовый телефон с наиболее важными номерами, сохранёнными в памяти. Никто в здании суда не удосужился обыскать нас, потому что им было известно, что нас будут тщательно обыскивать при возвращении в «Аль-Худу». Теперь проблема заключалась в том, как пронести телефон в тюрьму.

По дороге с первого судебного заседания в центре Хартума мы попросили наших сопровождающих остановиться в пекарне, чтобы купить несколько буханок круглого хлеба, упакованных в два полиэтиленовых пакета. За небольшую взятку они были рады исполнить просьбу.

Мои более опытные сокамерники научили меня, как спрятать телефон и зарядное устройство в пакет с хлебом. Таким образом, когда охранники обыскивали мешки с хлебом, они касались только четырех сторон и оставляли середину неисследованной.

План сработал блестяще. Я разломал хлеб, достал сотовый телефон и ждал, пока замкнутся двери камер. Наконец я смог позвонить своей семье. Как я радовался регулярному общению с Вандой, Вавой и Петром! Я использовал это время, чтобы ободрить их истинами, которые Бог открывал мне через Своё Слово.

Каждое утро в 6:00 двери камер открывались, а наши мобильные телефоны прятались обратно в тайники, где они ожидали наступления вечера. Сначала я носил свой мобильный с собой, но однажды, когда неожиданно был остановлен для обыска, а надзиратель обнаружил контрабанду, он взял с меня пятьдесят суданских фунтов, чтобы вернуть его. С тех пор каждое утро, прежде чем мы отправлялись на утреннюю перекличку, я передавал свой телефон Шуквану. Он запирал его в деревянной коробке, которую хранил под моими нарами, и я знал, что до вечера он будет там в безопасности. После утренней переклички нам разрешалось беспрепятственно бродить по всей нашей части тюремного комплекса, и я проводил большую часть времени в часовне.

* * *

В предыдущих тюрьмах отправка и получение писем было трудной и по времени ёмкой задачей. К тому же все письма подвергались цензуре. Это мешало мне писать открыто. Я писал

по-английски. Сначала письма проверяли сотрудники тайной полиции, а потом требовалось довольно много времени, чтобы передать их во время визитов сотрудникам консульства.

Но теперь, в «Аль-Худе», у нас был доступ к смартфонам. Я быстро сообразил, что могу написать письмо на чешском языке, сфотографировать каждую страницу с помощью встроенного в телефон фотоаппарата и отправить полное письмо на мобильный телефон моей дочери через зашифрованное приложение WhatsApp.

Через неделю после нашего первого судебного заседания и за день до второго я написал своё первое тайное письмо семье на чешском языке. В нём я сравнивал кратковременный период моих страданий в тюрьме с вечной жизнью, которую обрели заключённые в «Аль-Худе», ставшие последователями Иисуса Христа. Я благодарил Бога за брата Шуквана, моего сокамерника, которого на кодированном языке назвал «ангелом-хранителем». Шукван часто готовил еду и, таким образом, улучшал наше жалкое тюремное меню, что позволило мне немного набрать вес. Я рассказал моей семье, как он, в присутствии других сокамерников-мусульман, просил меня благословить еду, что позволяло мне формулировать свои молитвы в виде коротких проповедей на английском языке для тех, кто их понимал.

Часто я был свидетелем того, как Шукван читал Евангелия из Нового Завета на арабском языке, и заключённые-мусульмане, сбившись в углу нашей камеры, задавали ему вопросы об истинности Благой Вести. Как оказалось, Шукван был эффективным апологетом и хорошо отвечал на все их возражения. Каждый раз, когда он проповедовал мусульманам Евангелие, я пылко молился за него.

В конце письма я писал, что буду в тюрьме ровно столько, сколько Господь захочет использовать меня здесь. Когда я закончил писать, моё письмо оказалось длиной в восемь страниц. Было так прекрасно, что я наконец мог свободно излить душу перед женой и детьми!

Вторым преимуществом наличия смартфонов в «Аль-Худе» было то, что, находясь посреди суданской пустыни и пользуясь телефоном Хасана и чрезвычайно медленным интернетом 2G, мы могли наблюдать, как голос людей из разных стран мира в поддержку нашего бедственного положения становится всё громче и громче. Правозащитная организация CitizenGo, проводящая кампании в защиту преследуемых, инициировала подписание онлайн-петиции о нашем освобождении. Собравшись вокруг телефона Хасана, мы снова и снова обновляли веб-сайт, с благоговением наблюдая за увеличением числа подписей. Каждый из нас также подписал петицию, и каждое утро кто-то новый в нашей тюрьме отводил нас в сторону, чтобы сообщить, что он тоже подписал её. Мы ежедневно отслеживали прогресс петиции, удивляясь, что количество подписей достигло уже почти полумиллиона.

Потом кто-то сообщил нам, что на Ютубе можно посмотреть видео мирной демонстрации перед суданским посольством в столице Испании, Мадриде. Несмотря на то, что из-за нашего ненадёжного интернет-соединения видео воспроизводилось с длинными перерывами, я был крайне взволнован и невероятно воодушевлён тем, что видел плакаты и слышал, как люди выкрикивают моё имя. В двадцатиминутном видео камера скользила по толпе, переходя от плаката к плакату, от баннера к баннеру, каждый из которых требовал свободы для Петра Яшека.

* * *

Через неделю после первого слушания по нашему делу мы отправились во вторую поездку в Хартумский центр, чтобы присутствовать на втором слушании. Как и неделю назад, мы ожидали в маленькой грязной камере два с половиной часа до 13:00. В камере с нами находилась дюжина детей, которые выросли в нищете и стали ворами. Когда семьи пасторов принесли

нам еду, мы делились ею с ними. Самому младшему ребёнку было всего девять лет.

Когда началось слушание, я увидел, что следователь — человек, который проводил расследование наших «преступлений» и который теперь возглавлял обвинение, — установил в зале суда проектор. С его помощью он начал демонстрировать фотографии, обнаруженные НСРБ на моём жёстком диске: фотографии разрушенных христианских церквей на севере страны, а также сделанные в зоне военных действий в Нубийских горах.

Когда я наблюдал за тем, как на экране проектора мелькают фотографии, моё внимание привлекла незначительная деталь в углу: на фотографиях была нанесена цифровая отметка даты: 2011 год. Я выпрямился на скамье и вздохнул. По моим венам разлился адреналин. *Вот, наконец, доказательство того, что я невиновен в обвинении, выдвинутом против меня!* Я наклонился к своему адвокату и прошептал: «Это не мои фотографии. В 2011 году меня в Судане не было!» Прокурор возразил против моего разговора с адвокатом на английском, и судья согласился. Между адвокатами и судьёй начались громкие споры.

Однако спустя мгновение в здании отключилось электричество, и проектор следователя погас. Большинство присутствующих в зале суда разразилось смехом; прекращение подачи электроэнергии было ежедневной реальностью для суданского народа, и только самые богатые могли позволить себе иметь генератор. Из-за перебоя с электричеством в здании суд был отложен до 1 сентября. Мы находились в зале суда всего двадцать минут, но я видел, что служба безопасности Судана пыталась ухватиться за любую возможность отложить слушание по нашему делу. Однако теперь это беспокоило меня уже не так сильно, поскольку передо мной стояло новое задание: найти доказательства того, что в 2011 году я не был в Судане.

Вернувшись в «Аль-Худу», я сразу же связался с Вавой и попросил её отсканировать и отправить по электронной почте моему адвокату любые документы, которые могли бы послужить доказательством того, что в день, когда моим коллегой были сделаны фотографии в Нубийских горах, которые демонстрировались в зале суда, я был в Праге. Это было необходимо, чтобы доказать мою невиновность! Меня охватило предвкушение скорого оправдания и освобождения.

Утром 1 сентября мы снова покинули камеры, чтобы отправиться в длительное путешествие в Хартум. Пересекая территорию тюрьмы, я стал свидетелем ужасающего зрелища. «Посмотрите направо», — прошептал я, подталкивая Хасана и Куву. Во дворе мы увидели заключённого, погруженного в открытую канализацию, заполненную человеческими фекалиями. Я испытывал глубокое сочувствие к нему и просил для него Божьей защиты, наблюдая, как охранники погружают его тело в экскременты, пока они не достигли его шеи.

От других заключённых мы знали, что причиной такого наказания был какой-либо серьёзный проступок — вероятно, нанесение удара охраннику — и этого человека будут держать в канализации не менее получаса. Это — худшее наказание, к которому могли прибегнуть надзиратели. За незначительные нарушения заключённых заставляли кататься в грязи, зная, что при таком ограниченном доступе к проточной воде они не смогут полностью смыть её. За более серьёзные проступки

ноги заключённых заковывали на одну-две, а иногда даже на три недели, и тяжёлый металл вонзался в лодыжки. Снятие цепей было ещё более мучительным, чем пребывание в них, поскольку железное зубило, используемое для разрыва цепей, часто калечило ноги заключённых.

Однако самым серьёзным наказанием было то, свидетелями чего мы только что стали, и, к сожалению, в «Аль-Худе» оно не было редкостью. Каждый раз, когда воздух наполнял токсичный смрад, похожий на запах со свинофермы, мы знали, что крышка тюремной канализационной системы открыта, и резервуар готов для наказания очередного заключённого. В течение тридцати минут заключённого держали в канализации, а человеческие фекалии покрывали его плечи и достигали шеи. Когда унижение заканчивалось, человек имел очень ограниченную возможность вымыть тело. Неудивительно, что в «Аль-Худе» распространялась холера. Стремясь сдержать инфекционное заболевание, тюремные врачи раздавали здоровым заключённым по три таблетки доксициклина, ошибочно полагая, что они могут использовать антибиотики в качестве профилактики. Каждый день я молился, чтобы Бог защитил меня. По тюрьме также стал распространяться туберкулёз, и время от времени надзиратели обходили камеры, чтобы убрать из нашей среды мёртвые тела.

* * *

Ко времени начала третьего судебного заседания от исполнения своих обязанностей был отстранён переводчик. Меня это не особенно беспокоило, хотя теперь я остался без официального перевода во время судебного разбирательства.

Сессии напомнили судебные процессы 1950-х годов в Чехословакии, когда коммунисты произвольно приговаривали подсудимых, которых они считали идеологически угрожающими элементами, к пожизненному заключению. Вместо того чтобы

волноваться о выпавшем на мою долю испытании, я решил восхвалять Господа и молиться. Кроме этого, суд должен был закончиться в течение нескольких коротких недель.

Закончилось третье судебное слушание, очередное утомительное и разочаровывающее заседание, когда обвинение предоставило доказательства моей встречи с новообращённым христианином мусульманского происхождения, серьёзно пострадавшим в результате нападения, и в ходе которого мой адвокат настоял на привлечении экспертов для проверки подлинности материалов, представленных прокуратурой. Вернувшись в «Аль-Худу», я написал письмо своей семье.

«На взгляд европейца судебное разбирательство выглядит очень хаотичным. Судья, адвокаты и прокуроры кричат друг на друга. В заседаниях принимают участие сотрудники тайной полиции, которые направляют дело в нужное им русло. Судья также известен как сотрудник тайной полиции, поэтому заранее можно предположить, что приговор, скорее всего, будет таким, как этого хочет обвинение.

Я и трое братьев, которые также проходят по тому же делу, пребываем в спокойствии. Мы знаем, что всё — в руках Господа и что именно Он скажет последнее и решающее слово. Я нахожу источник ободрения и силы, вспоминая стихи из Книги Псалмов 108:30–31.

Большое спасибо за все библейские стихи, которые вы прислали мне в качестве поддержки. В них я нахожу прекрасное подтверждение того, что Господь даёт мне каждый день: время обно-

вить силы, находясь в Его присутствии, время проповедовать Евангелие, время для духовного самообразования и время для ободрения, проведённое с дорогими братьями во Христе.

Из почти девяти месяцев, проведённых мною в тюрьме, четыре месяца я отбывал заключение в одиночной камере. Первые пять из них у меня не было доступа к Библии. Но Господь говорил со мной через Святого Духа и напоминал мне Своё Слово, вновь и вновь приводя на память ранее известные мне стихи. Позже Он дал мне новое, более глубокое понимание тех частей Библии, которые я не понимал в прошлом или понимал их неправильно.

Спасибо за ваши молитвы и слова ободрения. Да защитит и благословит вас всех Господь. 1 Послание Петра 2:20–23».

* * *

Двумя неделями ранее, 15 августа, Ванда и дети составили письмо и подготовили мне пакет с необходимыми предметами, который они собирались отправить через нового сотрудника чешского консульства, г-на Афифи. «Я очень горжусь тобой, — писала Ванда, — твоей храбростью и терпением, с которыми ты способен переносить сложившуюся ситуацию. Ты — отличный пример и ободрение для всех нас. Я перечитываю все твои письма и храню их в своём сердце!»

Когда я впервые встретился с г-ном Афифи после третьего судебного заседания, то смог получить их подарки, прочитать письмо, написанное моей семьёй и отправить ответ.

«Мои дорогие!

Большое спасибо за деньги, которые я получил через почётного консула, г-на Афифи. Мне удалось пронести в тюрьму мобильный телефон, который стоил мне только двух небольших «подарков» для персонала тюрьмы. Здесь, в суданской тюрьме, за деньги можно достать почти всё.

Наибольшую радость я получил от книги Ричарда Вурмбранда «Если бы тюремные стены могли говорить». Я прочитал эту книгу около двадцати лет назад, но сейчас, когда сам нахожусь в положении, аналогичном ситуации брата Вурмбранда, эта книга обращается прямо к моему сердцу! Множество обстоятельств, которые я переживаю, вызывают чувства, очень похожие на чувства Ричарда. Не раз эта книга касалась меня настолько сильно, что я плакал. Я прочитал её в течение одного дня и теперь с нетерпением жду, чтобы прочесть ещё раз».

Я был поражён тем, что мой тюремный опыт — мои чувства и богословское понимание стольких отрывков из Писания — были так похожи на переживания Ричарда Вурмбранда, хотя наши ситуации разнились по времени и месту пребывания. Я был заключён в тюрьму в 2016 году тоталитарным режимом Судана; он же подвергся заключению десятилетиями ранее тоталитарным режимом коммунистической Румынии. Переноса преследования, я ощущал удивительную связь с ним. Нас связывали общие узы, общее положение, общий Христос. Если Бог когда-либо освободит меня из тюрьмы, как когда-то Он освободил Вурмбранда, я молился о том, чтобы Он также дал мне

дерзновение записать своё свидетельство, чтобы другие могли узнать о любви Христа.

Моё пребывание в тюрьме «Аль-Худа» оказалось эмоционально и духовно поучительным. Моя семья прислала мне МРЗ-плеер с аудиозаписью Библии на чешском и английском языках, а также учебник французского языка. Я слушал Писание поздно вечером, когда солнце уже давно зашло и было недостаточно света, чтобы читать, а также использовал аудиозаписи, чтобы преподавать английский и французский языки в часовне «Аль-Худы».

Однако, несмотря на то, что мой разум и дух получали духовную пищу, еженедельные поездки в Хартумский суд имели своё разрушительное действие. В Судане всё ещё стояла невыносимая жара, и изнурительные поездки в кузове скотовоза были труднопереносимыми. Я начал бояться воскресных утренних поездок к зданию Хартумского суда.

5 сентября мы снова приехали на очередное судебное разбирательство. Был назначен новый переводчик — преподаватель кафедры перевода Хартумского университета.

На протяжении всего слушания он неправильно переводил и искажал мои ответы на вопросы во время допросов. Хасан наклонился ко мне и прошептал, что меня обвиняют в том, что я будто бы признал, что являюсь представителем американской организации, в задачу которой входит оказание помощи раненому молодому человеку, — в чём я никогда не признался бы. Он также перевёл, что меня обвиняют в финансировании операций по свержению правительства. Пока длилось слушание, я наблю-

дал за реакцией на происходящее Хасана и Кувы, отмечая их разочарование и огорчение и слушая их расстроенный ропот.

— Возражение! — снова и снова повторял мой адвокат, однако судья был невозмутимым.

После судебного процесса, большая часть которого была связана со студентом-христианином, получившим ранения, сотрудники посольства пожали друг другу руки и заверили нас, что они понимают, что наш суд связан с политической ситуацией и религией. Они поблагодарили нас за терпение и отметили, что восхищаются тем, как мы ведём себя во время судебного процесса.

Следующие несколько часов мы провели в камере, ободрённые их словами. Мы прогуливались по внутреннему дворику среди других заключённых, в скуке ожидающих своего времени, восхваляя Господа за поддержку, оказанную нам нубийскими христианами и сотрудниками посольства. Потом нас отвезли обратно в «Аль-Худу».

* * *

Слушания продолжались каждую неделю, и мы снова и снова совершали изнуряющее путешествие из «Аль-Худы» в Хартум. Иногда, когда движение было слишком медленным или погодные условия слишком плохими, поездка занимала целых три часа. Довольно часто мы делали остановки у других зданий суда в Хартуме, и наш скотовоз настолько наполнялся заключёнными, что было очень трудно дышать.

26 сентября мы вновь предстали перед судом, чтобы выслушать, как прокурор излагает наше дело. Он основывал обвинение на видео, снятом в Нубийских горах в 2011 году, которое он тут же продемонстрировал, чему я очень обрадовался. Я знал, что защита обладает доказательствами, предоставленными моей семьёй, которые подтверждают, что в то время я даже не был в Судане. И, поскольку большая часть дела против меня основыв-

валась на видео с Нубийских гор, я верил, что закрытие дела против меня — это лишь вопрос времени.

Прокурор показал видео, а переводчик предоставил перевод.

— Это видео было найдено на внешнем жёстком диске обвиняемого номер один, — заявил прокурор, указывая на меня. — На нём изображён подсудимый и трое других. Оно снято из автомобиля, который проезжает по зоне боевых действий в Нубийских горах.

Мой адвокат повернулся ко мне и прошептал:

— Петр, они утверждают, что ты присутствуешь на этом видео.

— Это очевидная чушь, — прошептал я в ответ, — потому что в это время я был в Чехии, и это можно доказать.

Он поднял руку, чтобы возразить и объяснил то, что я только-что сказал ему, а затем поднял со стола кипу бумаг и потряс ими перед собой.

— Вот свидетельство того, что в то время, когда было снято это видео, г-н Яшек находился в Праге, — он передал судье копии квитанций, оплаченных в Праге, и других документов, а затем предоставил заключение эксперта, в котором говорилось, что это видео было снято не моей камерой; у меня был Canon Rebel XT3, а цифровой отпечаток на видео свидетельствовал о том, что оно было снято камерой Canon Rebel XTi.

Его опровержение было твёрдым и неоспоримым, однако оно, казалось, совсем не убедило судью. Он бросил мимолётный взгляд на отсканированные документы и отложил их в сторону. Потом он сказал что-то по-арабски, в ответ на что мой адвокат только пожал плечами в несогласии. Таким образом, мои неопровержимые доказательства не были приняты к сведению.

Я обвёл взглядом зал суда — никто даже не зафиксировал возражения моего адвоката. Неопровержимое доказательство, которое, как я думал, является залогом моей свободы, даже не войдёт в официальную стенограмму судебного разбирательства!

17 октября мы снова прибыли в Хартум на восьмое судебное заседание. Я был обескуражен тем, что судебный процесс длится уже два месяца. Однако из писем, переданных моей семьёй, и моих тайных телефонных звонков из «Аль-Худы» я узнал, что христиане во всём мире молятся за меня, и в этом я черпал воодушевление.

Продолжалась цепь ежедневных молитв и постов, возносимых за меня братьями и сёстрами из моей церкви в Чешской Республике. Я также знал, что во время служений, которые проходят в офисе «Голоса мучеников» в Соединённых Штатах каждый вторник утром, за меня молятся и мои коллеги. Пастор Хасан и пастор Кува сообщили мне, что за нас молится вся суданская церковь. Я думал обо всех этих христианах, направляясь в здание центрального суда города Хартума для участия в следующем судебном заседании.

На слушании г-н Абдуррахман — следователь и прокурор в одном лице — заявил, что обвинение обладает видеозаписью моей ночной встречи с получившим ранения студентом, и я понял, что она была сделана с помощью камеры ночного видения. Он также утверждал, что у них есть аудиозапись нашего с Монимом разговора об обращении этого юноши в христианство. Я считал это крайне маловероятным, потому что хорошо помнил эту встречу. Мы проводили её в шумном ресторане, где было практически невозможно получить какой-либо разборчивый звук с моего айфона.

Следующая часть слушания, состоявшая из серии вопросов и ответов между группой наших адвокатов и г-ном Абдуррахманом, заинтриговала меня.

— Почему вы посчитали необходимым провести допрос обвиняемого номер один? — спросил мой адвокат, указывая на меня.

— Потому что его первый визит в Судан в 2012 году не имел законных оснований, к тому же он посетил многие районы Нубийских гор, где встречался с повстанцами. Во время этого визита он пытался собрать доказательства обвинений в притеснениях, пытках и насильственной исламизации и арабизации народа нуба. Согласно материалам следствия, — продолжал г-н Абдуррахман, — он оказывал материально-техническую и моральную поддержку боевикам-повстанцам, а также предоставил отчёт об увиденном международным организациям, в частности главному офису обвиняемого номер один.

Я знал, что он имеет в виду «Голос мучеников».

— Где находится штаб-квартира «Голоса мучеников»?

— В США, — ответил он.

— Оказали ли отчёты, представленные «Голосу мучеников», какое-либо влияние?

— Да, эти отчёты явно запятнали имидж Судана на международной арене в политическом, экономическом и военном отношениях!

Это откровенное признание поразило меня: правительство Судана не отрицает, что преследует христиан, однако оно решительно возражает против распространения этой информации за пределами Судана. В ответ на комментарий прокурора я покачал головой. По мнению моих обвинителей, проблема состояла не в том, что они преследуют христиан, а в вероятности того, что об этом станет известно за пределами страны, что испортит её репутацию!

Эта линия хода следствия продолжалась в течение некоторого времени. Г-н Абдуррахман свидетельствовал о различных

противозаконных действиях, совершённых пастором Хасаном, пастором Кувой, Монимом и мной. Наши адвокаты оспаривали и возражали, однако безрезультатно. Каждый раз судья принимал сторону обвинения.

Я знал, что это судебное разбирательство было фиктивным, а обвинения, выдвинутые против меня, — сфабрикованными. Расследование проводил тот же человек, который теперь представлял обвинение, и ни одно из доказательств, предоставленных моим адвокатом, не оказывало никакого влияния ни на ход слушания, ни на признание меня виновным или невиновным. А хуже всего было то, что судья явно принял сторону обвинения — во время перекрёстных допросов, когда представители обвинения не могли дать приемлемого ответа на поставленный им вопрос, за них отвечал судья. Этот сценарий был мне хорошо известен: именно так проводились процессы в коммунистической Чехословакии, и шансы на решение суда в мою пользу были совсем невелики.

* * *

Два дня спустя я написал своей семье ещё одно письмо.

«Мои дорогие!

Приветствую всех вас из тюрьмы «Аль-Худа». Я искренне благодарен всем вам за вашу неустанную молитву, пост и поддержку, а также за ваши письма, от которых я получаю огромное ободрение и радость. Спасибо за то, что вы мне очень помогаете, за ваши молитвы и прошение о благодати (2 Послание к коринфянам 1:11). Я верю, что скоро мы будем вместе восхвалять Бога.

Я снова и снова перечитываю все полученные от вас письма и черпаю в них огромную поддержку, особенно в библейских стихах, которые вы мне написали. Благодаря вашим молитвам я испытываю чудесное прикосновение руки Божией. Сила, которую я обретаю, благодаря вашим молитвам, помогает мне продолжать борьбу за веру. Бог наделяет меня силой даже в моей слабости (2 Послание к коринфянам 12:10), именно Он завершит эту битву за меня (Псалом 58:3).

Сегодня слова Павла из 2 Послания к коринфянам 6:3 (и особенно из 10-го стиха) особенно могущественно коснулись меня. Только благодарностью могу я объяснить ту удивительную радость, которой Господь наполняет меня, несмотря на это длительное заключение. Чем дольше я нахожусь в тюрьме, тем больше умножается моя радость, и я испытываю новые прикосновения пронзённых гвоздями рук Господа. Всё это мы можем объяснить только жертвой Иисуса Христа, который возлюбил нас. Я живу, зная и ощущая огромную защиту и вмешательство руки Божией, особенно находясь в опасности».

В письме я также описал замечательную ситуацию, которая недавно произошла в «Аль-Худе», — последнее невероятное вмешательство Господа в мою жизнь. Двумя неделями ранее в нашу уже и без того переполненную камеру (нас было уже девяносто пять человек) перевели ещё одного опасного заключённого. В камере было предусмотрено только семьдесят пять нар. Я узнал от брата Шуквана, что новый заключённый был наркобароном, осуждённым за преступления ещё в подростко-

вом возрасте и в настоящее время отбывающим четырнадцатый год своего двадцатилетнего тюремного срока. К моему удивлению, мужчина сел на мои нары рядом со мной и начал раздавать заключённым марихуану. С собой он принёс огромный современный телевизор и DVD-плеер, желая превратить наш тихий уголок камеры в шумный наркопритон, где заключённые могли бы курить и смотреть записи боксёрских боёв.

Брат Шукван, мой «телохранитель», был возмущён и на следующий день повернул наши трёхэтажные нары на девяносто градусов, чтобы перекрыть угол камеры и не позволить заключённым приходить смотреть видеофильмы. Наркобарон был в ярости и не собирался так просто сдаться. Он собирал всё больше и больше своих друзей, и они курили рядом с моими нарами. Два раза я пытался противостоять этому и выражал на ломаном арабском языке своё категорическое несогласие с их поведением и просил их уйти. К моему удивлению, заключённые уважили мою просьбу и вскоре покинули угол, чтобы курить марихуану в другом конце камеры.

Продолжая терять клиентов, наркобарон решил отомстить мне. Общеизвестно, что любой, кто продаёт в тюрьме наркотики, может похвастаться богатством с сотрудниками тюрьмы. Поэтому на следующий день, когда я возвращался из часовни в камеру, неожиданно был остановлен надзирателями для обыска, во время которого один из них обнаружил мой потайной пояс на нижнем белье, где я хранил деньги и мобильный телефон. Он отобрал мой телефон и пригрозил оставить его себе, если я немедленно не «выкуплю» его за пятьдесят суданских фунтов (около 8 долларов).

После нескольких минут волокиты я, наконец, вернулся в камеру. Все, казалось, ожидали моего возвращения, особенно наркобарон, который сидел, скрестив руки на груди и пытаясь своим видом запугать меня. До конца дня он всё время придирался ко мне, а вечером поставил телевизор прямо возле моих

ног и включил на всю громкость, чтобы все в камере могли смотреть и слушать женский боксёрский поединок.

Следующей ночью он до 2 часов прямо у меня под ухом врубил музыку. Чудесным образом Господь дал мне достаточно Своей милости и спокойствия, чтобы я мог уснуть среди всей этой суматохи. Непрерывная громкая ночная музыка раздражала и других заключённых. Они также сердились и обижались на наркобарона, но никто не смел пойти с ним на конфронтацию. Я наблюдал за тем, как благоговение заключённых меняется на раздражение, а затем на ненависть, однако сам я испытывал по отношению к этому человеку совершенно другое — я сочувствовал ему. Господь дал мне сверхъестественную любовь к моему обидчику, особенно после прочтения Книги пророка Захарии 4:6, стиха, который проговорил к моему сердцу: «...не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф».

Когда я размышлял над этим стихом и подумал об этом человеке, Святой Дух согрел моё сердце. Я попытался увидеть его таким, каким его видит Христос, который смотрит на него с любовью. В конце концов, какую жизнь он знал? С тех пор как он был подростком, он прожил в этой тюрьме четырнадцать долгих лет. После этого во всём, что я делал или говорил, я решил отвечать на его жестокость добротой.

Следующая ночь прошла на удивление спокойно. Не было громкой музыки, запугиваний, преследований или неожиданных обысков со стороны надзирателей. Но больше всего я удивился в тот день, когда вернулся из часовни и обнаружил, что нары наркобарона пусты. Исчезли также телевизор и DVD-плеер. Расспросив сокамерников, я узнал, что неожиданно и необъяснимо наркобарон был переведён в другую суданскую тюрьму, расположенную примерно за тысячу километров. Я не мог в это поверить и провёл ночь, молясь за него и прося, чтобы Бог проявил к нему милость. Однако молниеносное вмешательство Господа в эту ситуацию напомнило мне о том, что даже в этой

камере, в окружении преступников, убийц, воров и наркоторговцев, Бог наблюдает за мной, защищает, оберегает и напоминает мне, что я принадлежу Ему. Как написано в Книге пророка Захарии 2:8: «...касающийся вас касается зеницы ока Его».

В течение последующих двух недель наши судебные слушания были отложены, и мы с нетерпением ожидали новостей или хотя бы каких-либо известий. 3 ноября мы наконец возвратились в Хартум и обнаружили, что обвинение завершило изложение своей стороны дела. Настало время действовать нашей защите.

Мой адвокат начал с перекрёстного допроса прокурора. Его храбрость в противостоянии правительству была поразительной. Когда я сейчас вспоминаю о нём, моё сердце наполняется благодарностью.

— Существуют ли какие-либо условия выдачи суданских виз, которые мешают посетителю страны встречаться с суданцами? — поставил он вопрос. — Ведётся ли между Суданом и Чешской Республикой какая-либо война?

— Нет, — ответил г-н Абдурахман.

— Согласно предоставленной вами информации, большинство продемонстрированных в суде фотографий были сделаны в 2011 году в Нубийских горах. Находился ли г-дин Яшек в это время там?

Продолжая задавать вопросы, моему адвокату удалось дискредитировать аудио-, видео- и фотографические доказательства, предоставленные обвинением.

— Провели ли вы идентификацию голоса? Знаете ли вы, что в наше время голос можно подделать при помощи технологий? А камера, представленная в качестве вещественного

доказательства, — была ли она именно той камерой, которая использовалась для съёмки?

Г-н Абдуррахман признал, что в 2011 году я не присутствовал на месте съёмки, но он нашёл также фотографии, датированные 2012 годом, хотя и снятые другой моделью фотоаппарата Canon.

Наши адвокаты продолжали допрос, строя его вокруг конференции в Аддис-Абебе, фотографий раненого студента и помощи, предложенной ему. Г-н Абдуррахман соглашался почти со всеми аргументами защиты, и я начал видеть проблеск надежды.

Обвинению потребовалось три месяца, чтобы представить своё дело против нас, а защите — всего три часа, чтобы развенчать его.

* * *

Однако моей надежде суждено было жить недолго. В ноябре и декабре состоялись ещё семь еженедельных слушаний, и мне стало ясно, что, несмотря на многие неточности в изложении дела обвинением, у них было много доказательств против меня. Они утверждали, что я враждебно отношусь к государству, что угрожает национальной и социальной безопасности страны. А «незаконная гуманитарная работа», которую я проводил, якобы не только угрожает национальной безопасности, но и наносит ущерб интересам суданского общества. Правительство Судана пыталось продемонстрировать присутствие у них демократии, однако я знал, что независимо от того, какие доказательства предоставит защита, суд может делать всё, что захочет. А судья вынесет решение по указанию НСРБ, не основываясь на фактах.

После каждого судебного заседания проправительственные газеты публиковали статьи, в которых представляли нас худшими из преступников и наиболее опасными врагами суданского правительства. Несмотря на то, что такую же практику

я наблюдал в тоталитарных странах по всему миру, где своим служением поддерживал преследуемых христиан, оказавшихся в подобной ситуации, я был крайне разочарован несправедливостью системы и беспомощностью, которую испытывал. Я знал, что буду признан виновным и могу быть приговорён к смертной казни. В лучшем случае я могу провести последующих два десятилетия своей жизни в тюрьме. Ночью, когда мне удалось безопасно воспользоваться телефоном, я позвонил своей семье, чтобы подготовить их к тому, что, как я знал, может произойти. Возможно, меня и освободят из тюрьмы, однако я также понимал, что меня могут приговорить к долгим годам тюремного заключения, пожизненному заключению или даже смерти, и хотел, чтобы моя семья была к этому готова.

Сотрудники консульства, а также чешский посол из Каира, присутствовавшие на многих судебных слушаниях, заверяли меня, что начнут переговоры о моём освобождении, как только будет вынесен приговор. Но сколько времени займёт процесс переговоров — недели, месяцы?

— Я подозреваю, что суд приговорит меня к двадцати годам тюремного заключения, — сказал я сотруднику чешского консульства через день после завершения судебного разбирательства.

— Нет, нет, — заверил он меня. — В таких случаях обычно приговаривают к сроку, равному тому, который обвиняемый уже отбыл. Я уверен, что вас освободят.

Как же я молился, чтобы он оказался прав!

Когда меня арестовали в Хартуме, то чисто выбрили и остригли. Теперь, спустя восемь месяцев, мои волосы стали длинными и касались спины, а с подбородка свисала борода, достающая до конца шеи. Это был воистину облик отшельника, и я чувствовал, что в полной мере выгляжу представителем дикой природы.

Чтобы приготовить себе еду в «Аль-Худе» при отсутствии электричества, нам часто приходилось проявлять творческий подход. Горящий уголь никогда не был лучшим вариантом из-за дыма, который заполнял камеру. Даже когда мы разжигали уголь возле двери, становилось почти невозможно дышать. Чтобы избавиться от тошнотворного запаха, у кого-то возникла идея жарить над огнём на горячей плите зелёные кофейные зёрна, которые, как оказалось, при нагревании издавали приятный аромат.

Тем не менее уголь так и не стал идеальным решением нашей кулинарной дилеммы. Поскольку заключённые проявляли большую находчивость, им удавалось переправлять в тюрьму всевозможные вещи, чтобы потом продавать другим заключённым, поэтому в «Аль-Худе» можно было купить практически всё. Таким образом, мы с сокамерниками «приобрели» резисторные провода для создания своих собственных электрических плит: африканских плит с конфорками, как мы их называли. Однажды, когда я случайно одновременно коснулся двух проводов, находящихся под напряжением, меня сильно

ударило током, однако в итоге нам всё же удалось провести электрический ток через резисторную проводку напрямую к нескольким закалённым круглым грязевым решеткам, которые мы использовали для подогрева обеда.

Я постоянно беспокоился о том, что кто-нибудь может забрать мои вещи. В предыдущих тюрьмах персонал всегда запирали мой чемодан в складских помещениях. Здесь, в «Аль-Худе», воровство было обычным делом. Каждый заключённый сам отвечал за сохранность личного имущества. Я усвоил этот урок уже через три дня после приезда, когда стал замечать, что из моего чемодана начали пропадать вещи. Сначала дезодорант и мыло, потом — еда и лекарства. С тех пор я начал носить свой багаж за собой, куда бы ни шёл.

Чтобы сохранить более ценные вещи, такие как мой мобильный телефон, кредитные карты, кошелёк и деньги, я прятал их в потайном отделении пояса, который смастерила Ванда и который я постоянно носил на талии. Я снимал его только тогда, когда раздевался, чтобы помыться в туалете тюрьмы.

Примерно через неделю после прибытия в «Аль-Худу» я допустил ошибку, повесив этот пояс на вешалку в ванной комнате. Я закрыл глаза всего на несколько секунд, чтобы смыть мыло с лица, и когда снова открыл их, то увидел, что все мои вещи исчезли — все! Кто-то поджидал в соседней туалетной кабинке и прекрасно спланировал грабёж, как только я закрыл глаза. Это событие очень разочаровало меня, оскорбило и чрезвычайно рассердило. Я быстро позаимствовал сотовый телефон и связался со своей семьёй, чтобы проинструктировать их в том, как позвонить в банк и заблокировать все мои кредитные карты.

Через несколько минут, к моему огромному удивлению, пришёл брат Шукван с моими кредитными картами в руках. По-видимому, он использовал свою репутацию и влияние среди заключённых, чтобы выследить вора и вернуть мой телефон и другие ценные вещи. Денег в моём кошельке, однако, уже не было.

Однажды я упомянул ответственному за нашу часовню о том, что из моего чемодана украдено лекарство. «Принеси свой чемодан сюда, — сказал он. — Почему ты не сказал раньше?» Я проследовал за ним в часовню, и он объяснил, что там действуют только два из пяти туалетов, а остальные три заперты, поэтому он и старейшины церкви используют их для хранения вещей. Он сказал мне, что я могу поставить свой чемодан туда, и заверил, что он будет надёжно заперт.

С приближением декабря стоять на ежедневной переключке, которую проводили на улице, стало очень холодно. Большая толпа заключённых, сидевшая в рядах по пять человек, угрюмо молчала. Для большинства из нас утро было наиболее печальной частью дня в тюрьме. Дрожа во тьме и холоде, каждый думал о своём будущем. *«Ещё один день за решёткой! — сетовали мы. — Сколько ещё дней мы пробудем здесь?»*

Прямо перед нашим рядом стояли три больших пустых глиняных сосуда для питьевой воды, называемые *дабангами*. Рассматривая их, я решил провести эти несчастные ранние утренние часы с максимальной пользой и начать свой день с молитвы. Я решил, что дабанги помогут мне сосредоточиться и визуализировать мою семью. Первой дабангой «будет» моя жена, второй — дочь, а третьей — сын, и я буду молиться за каждого из них по отдельности. После того, как я помолился за свою семью, я начал мысленно вести с ними разговор. *«Моя дорогая дабанга Ванда, сколько ещё утренних часов мне придётся провести здесь? Когда я смогу снова обнять тебя?»* Ясное раннее утреннее небо было полно ярких звёзд. Я поднял глаза и увидел луну и созвездие Большая Медведица. *«Наблюдает ли сейчас ту же картину Ванда? — спрашивал я себя. — Чем она сейчас занимается?»* В эти драгоценные моменты, когда я смотрел на звёзды, я чувствовал особенную связь с ней.

Несколько месяцев спустя, после моего освобождения из тюрьмы, когда я, наконец, вернулся домой, Ванда рассказала, что она тоже чувствовала связь со мной через молитву в ранние утренние часы, когда стояла на морозе на автобусной остановке и смотрела на звёзды.

После каждой утренней переключки я спешил в тюремную часовню. Моё сердце ликовало, когда я поднимался по лестнице в часовню, ожидая того, что мой Господь приготовил мне на этот день. Утренняя тоска по дому и сильная жажда встречи с близкими вскоре растворялась в радости, которой наполнял моё сердце Господь.

В те часы, когда я не служил заключённым, я проводил время, позволяя Богу служить мне через Его Слово. У меня до сих пор была Библия, которую привёз мне сотрудник консульского отдела посольства Чешской Республики в Каире, к тому же здесь был также и перевод Библии «Благая Весть», поскольку нас посещали представители всемирной организации Prison Fellowship. Время от времени эти пасторы приносили нам фрукты и другие продукты, чтобы дополнить наш скудный рацион. Их посещения были бальзамом для наших душ и желудков.

Наше тюремное служение также было плодотворным. Однажды днём пастор Хасан, я и пастор Кува сидели в часовне, когда мы ощутили внезапную сильную уверенность в том, что в нашем пребывании в этой тюрьме и проповеди Евангелия совершенно безнадежным, отчаявшимся и забытым заключённым есть особый Божий замысел. Ведь таким образом все эти потерянные грешники получали возможность услышать Евангелие, примириться с Богом через драгоценную кровь Господа Иисуса и провести вечность на небесах. И что такое год или, возможно, даже несколько лет, проведённых в этих мучительных условиях, по сравнению с вечностью на небесах, обрётённой теми, кто уверовал через наше служение? Мысли Хасана и Кувы

особенно обращались к заключённым в камере смертников. Бог напомнил каждому из нас, что мысли и пути Господни намного выше, чем наши человеческие мысли и пути (Книга пророка Исаии 55:8–10), и что Его планы больше наших.

* * *

Чем больше эмоционально истощённым чувствовал я себя в этой тюрьме, тем больше Господь поднимал меня благодаря восстановительной силе Своего Слова, исцеляющему присутствию Его Духа и служению, которое Он позволил мне нести в тюремной часовне «Аль-Худы». Я также знал, что моя церковь в Чехии регулярно молится и постится за меня. Я не был забыт своими братьями и сёстрами, я не был забыт Богом. Я оказался прямо в центре воли и цели Господа.

В наиболее трудные дни Бог являл Свою верность, давая мне достаточно сил, чтобы дожить до утра. Он напоминал мне стих из 1 Послания Петра 3:15, который я каждый день пытался практиковать в своих разговорах с заключёнными-мусульманами, а также с сотрудниками тюрьмы: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». Неожиданным и таинственным образом Господь давал мне всё, что необходимо, чтобы продолжать двигаться вперёд, чтобы продолжать проповедовать. Иногда Он даже давал мне новые мысли и целые послания, которые я записывал, чтобы позже поделиться ими в часовне.

В течение уже длительного времени я чувствовал, что, проводя меня через все эти испытания, Бог преследует определённую цель. Однако только в «Аль-Худе» эта цель стала абсолютно ясной. Я наконец смог увидеть, как Господь организовал каждый мой шаг, каждый этап моего заключения: от ареста в аэропорту до допросов и изоляции в одиночной камере. Он

подготовил и оснастил меня для служения заключённым в тюрьме «Аль-Худа».

В первые пять месяцев моего заключения, когда у меня не было Библии, чрезвычайно углубилась моя молитвенная жизнь. Затем, в течение трёх месяцев, проведённых в одиночном заключении с Библией, я имел возможность углублённо изучать Слово. Я сделал сотни заметок, буквально заполняя поля каждого листа и пустые страницы в начале моей Библии крошечными, аккуратно записанными заметками. Многие из этих заметок стали проповедями. Это особое, глубокое изучение Библии позволило мне проповедовать в течение последующих шести месяцев тюремного служения в часовне «Аль-Худы». Господь дал мне достаточно материала для использования в моих проповедях, и хотя я не часто проповедовал на английском языке, я верил, что Бог давал мне правильные слова.

Я был полон решимости использовать любую возможность, чтобы проповедовать Евангелие.

В суданском заключении я провёл чуть более года, и хотя я имел возможность разговаривать со своей семьёй по телефону почти каждый вечер, я отметил это событие, написав им письмо.

«Дорогие мои! — писал я. — Привет всем вам и пожелание обилия Божьего мира в это время Адвента!» Я благодарил их за молитвы, пост и письма ободрения, а особенно за присланные мне стихи из Библии — духовные напоминания о Божьей верности, которые всегда доставляли мне чрезвычайное удовольствие. Я сообщил им, что Бог ответил на их молитвы, что Он наполняет меня и моих сокамерников огромной радостью и небесным спокойствием. С человеческой точки зрения, этот непростой год был отмечен бесчисленными зверствами, злодеяниями, пытками и бесчеловечной жестокостью. Тем не менее Господь наполнил мой разум уверенностью в Его вечном замысле. У Бога был для меня план — и я знал это без сомнений. В первую годовщину своего заключения я был уверен в том, что каждая минута, каждый час, проведённый во всех тюрьмах в разных частях Судана, не были лишены смысла. Бог всё это предусмотрел и использовал для Своего Царства.

Я оторвал руку от листа и задумался о том, как Господь очистил и сформировал меня за эти двенадцать месяцев заключения. Во многих отношениях я чувствовал себя как Иосиф в Ветхом Завете, который был ложно обвинён и заключён в египетскую тюрьму. Его ноги были в синяках от оков. На его

шею тюремщики надели железные цепи. Но псалмопевец был прав: «Слово Господне испытало его» (Книга Псалмов 104:19).

Каждый день я просил у Бога сил, чтобы преодолеть тяжкое испытание, вынести страдания и оказаться достойным бремени, которое Бог милостиво возложил на мои плечи. Меня поразило, что Бог решил использовать *меня*, чтобы поделиться Своим удивительным планом спасения и выполнить Свою спасительную работу в этих тюрьмах — работу, которую Он запланировал и подготовил ещё до сотворения мира. Хотя условия моей жизни становились всё хуже и хуже, а каждая новая тюрьма приносила новые испытания и невзгоды, Бог являл мне небольшие проблески Своего генерального плана и воли Провидца. И в самые мрачные моменты Иисус продолжал быть моим Светом и Жизнью.

Когда я вспомнил о 10 декабря 2015 года и о том, как меня арестовали в аэропорту, о почти четырёхмесячном заключении в тюрьме НСРБ и о том, как меня перевели в полицейский участок «Нияба-Мендола», сердце моё до краёв захлестнуло чувство благодарности. В течение тех первых четырёх ужасных месяцев, когда я получал из дома только отрывистую информацию, я неоднократно задавал Господу вопрос: *«Как долго ещё мне придётся терпеть эту тюрьму, прежде чем я снова увижу свою семью?»* В тот день, 10 апреля, когда прошло уже четыре долгих месяца тюремного заключения, Бог не ответил на мой вопрос; Он ждал следующего дня, когда в нашу переполненную камеру затолкали двенадцать эмигрантов из Эритреи, арестованных на ливийской границе. В тот вечер голос Спасителя прозвучал чётко и ясно: «Иди и проповедуй им Евангелие!»

«Поэтому я засвидетельствовал им», — продолжал я в своём письме. Я сказал им, что, несмотря на то что я вырос в христианской семье, в моей жизни наступил момент, когда мне пришлось принять самое важное решение в жизни: не только пригласить Иисуса Христа в своё сердце, но и попросить Его

взять под контроль всю мою жизнь. Эти люди были беженцами, которые пытались бежать из посткоммунистической тоталитарной Эритреи, где президент преследовал религиозные меньшинства. Я сказал им, что в 1988 году я также пытался бежать из коммунистической Чехословакии, когда границы открылись, однако в конечном итоге не смог уехать, потому что понял, что воля Господа для моей жизни состоит совсем не в этом. Я рассказал им о своих более поздних попытках бежать от коммунизма и заверил их в том, что, когда человек доверяет свою жизнь в руки Господа, Он заботится о нём и обеспечивает ему наилучшее будущее.

Мы проговорили всю ночь, и почти со слезами на глазах я предложил своим новым эритрейским друзьям протянуть руки и коснуться пронзённых гвоздями рук Христа — рук, которые протянуты всем на свете. Эти руки принадлежат Тому, Кто отдал за нас Свою жизнь, кто умер, чтобы мы могли жить, и кто был вознесён от смерти к жизни. Все эритрейцы в камере внимательно слушали и откликнулись на призыв Святого Духа, обращённый к их сердцам. Они повторили слова молитвы покаяния незадолго до того, как под утро были переведены в другую тюрьму. Когда же я наконец принял то, что это заключение является Божьей волей для моей жизни, я начал использовать каждую возможность, чтобы поделиться Благой Вестью Евангелия со своими сокамерниками и многими другими людьми.

В письме я описал ещё один случай, похожий на тот, который произошёл всего лишь неделю назад. Утром я сидел в часовне, когда туда вошёл молодой суданец и стал отчаянно пытаться поговорить со мной. Я немедленно отложил чтение Книги Псалмы и спросил о его отношениях с Богом. Слушая его ответ, я почувствовал, что Господь побуждает меня рассказать этому молодому человеку Евангелие и пригласить его принять Иисуса Христа как своего личного Господа и Спасителя. Его, по совпадению, звали Авраамом, и уже через несколько минут

он решил пойти по стопам своего знаменитого тёзки и доверить свою жизнь Богу. Когда в тот день я снова начал читать Библию и записал в ней эту дату, то осознал, что это была годовщина моего заключения! Господь был так велик и так добр, что позволил мне отметить годовщину тюремного заключения, приведя ко Христу ещё одного заключённого!

Почти каждый день Господь посылал мне кого-нибудь, кто приходил в часовню, и я слышал тихий голос Святого Духа, ведущий меня, направляющий и дающий мне необходимые слова. Намерения Господа велики, и я благодарен за то, что он «всегда даёт нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте» (2 Послание к коринфянам 2:14). В конце письма я добавил заключительное благословение для моей семьи: *«Да благословит вас Господь и сохранит вас всех. С любовью, Петр».*

Был канун Рождества — второго Рождества, проведенного мной в заключении в суданских тюрьмах. Я наблюдал, как в нашу часовню втискиваются всё новые заключённые, несмотря на то, что присутствующих и так собралось уже более двухсот человек. Нам пришлось доставить стулья и скамьи, чтобы вместить всех желающих. Администрация тюрьмы позволила нам одолжить динамики, которые суданские христиане любят использовать во время пения, и их громкий звук привлекал даже мусульман, которые решили отпраздновать Рождество вместе с нами.

Служение было очень эмоциональным. Незадолго до проповеди мне удалось дозвониться до своей семьи из одного из действующих туалетов в часовне и ненадолго поговорить с ними. В спешке я сообщил, что у меня всего несколько минут, так как я вот-вот должен проповедовать.

Мы провели в часовне всю ночь, молясь и готовясь к следующему дню, а утром к нам прибыл местный католический священник. Впервые в истории тюрьмы «Аль-Худа» администрация дала разрешение на присутствие в нашей часовне ста заключённых, приговорённых к смертной казни. Это были люди, которые отбывали заключение в камере смертников — камере для тех, кто осуждён на смерть. Каждое воскресенье пасторы Хасан и Кува посещали камеру смертников и проповедовали осуждённым. Я также хотел присоединиться к ним, однако, поскольку был иностранцем, мне отказали в такой возможности.

На Рождество я смог впервые встретиться с заключёнными-христианами из камеры смертников. Со слезами на глазах мы обнялись. Этим людям суждено было умереть, и, обнимая братьев, я думал о том, что они, вероятно, будут казнены, прежде чем у нас появится ещё одна возможность встретиться с ними здесь, на земле.

Но теперь у нас есть уверенность, что скоро мы увидимся на небесах.

* * *

В конце декабря я, наконец, предстал перед судом. Допрос проводил прокурор, а я отвечал уверенно.

— Когда вы посетили Судан? — спросил он.

— Я был в Южном Судане в 2012 году, но я не заезжал в Судан и никогда не встречался ни с кем из военных.

— Как вы попали в Судан в 2015 году?

— Я въехал по туристической визе.

— Вы работаете на «Голос мучеников»?

— Я выполняю работу для «Голоса мучеников» по контракту, — пояснил я, — но не являюсь сотрудником этой организации, потому что я — не гражданин США.

— Зачем вы посетили конференцию в Аддис-Абебе?

— Я присутствовал на конференции, чтобы молиться за мир в Судане.

После дополнительных вопросов о моей работе, моих поездках в Судан и помощи, которую я предоставил раненому студенту-христианину, я завершил дачу показаний смелым заявлением:

— В нормальной стране, когда кто-то из-за рубежа привозит средства, чтобы помочь её гражданину, правительство с благодарностью принимает помощь. Я приехал в Судан не для того, чтобы заниматься шпионажем; я приехал, чтобы помочь нуждающемуся. Судан должен быть за это благодарен!

Я знал, что мои показания имели силу, однако также осознал, что их было недостаточно.

* * *

В воскресенье 29 января я проснулся задолго до рассвета и начал готовиться к поездке в Хартум. Наше судебное разбирательство состояло из двадцати одного заседания и длилось почти шесть месяцев. Всё это время суданские проправительственные СМИ распространяли пропагандистские статьи о моём аресте. Я рассчитывал примерно на три месяца заключения — простая формальность. Однако шёл январь 2017 года, и я находился в заключении более двенадцати месяцев.

Наконец мои испытания, кажется, заканчиваются. По крайней мере, больше не будет невыносимых длительных поездок в пыли под палящим солнцем в кузове скотовоза из тюрьмы «Аль-Худа» в здание суда в Хартуме. Я упаковал вещи в чемодан и в последний раз забрался в грузовик для скота.

В тюрьме брат Моним регулярно читал газеты. Большинство наших судебных слушаний проходили в воскресенье, а в понедельник-вторник в газетах, как правило, появлялись статьи о нашем деле. Моним читал их, а затем переводил для меня. Статьи часто иллюстрировались фотографиями, взятыми с моего жёсткого диска, — «доказательство» того, что я был шпионом.

Наблюдая за тем, как подконтрольные правительству газеты трубят о нашем деле, я понимал, что с каждым днём надежда на то, что нас приговорят к сроку заключения, равному уже отбытому, и отпустят домой, таяла: правительство Судана потратило слишком много времени и сил на то, чтобы изобразить нас опасными преступниками и шпионами. Для него важно использовать наше дело, чтобы попытаться продемонстрировать миру, что их система управления и исламские законы, пресека-

ющие христианскую деятельность, хороши и уместны. Я знал, что мой арест и тюремное заключение носят политический характер, и был готов смело взглянуть в глаза будущему, что бы ни ждало меня, даже если это ещё много месяцев или даже лет тюремного заключения. Я знал, что Бог использует меня, и верил, что Он будет продолжать делать это, будь то в суданской тюрьме или дома среди моих родных.

Каждый вечер я тайно разговаривал со своей семьёй по мобильному телефону и подготовил их к тому, что буду признан виновным. «Не удивляйтесь, — говорил я им, — если меня приговорят к 15–20 годам тюремного заключения». Я не хотел, чтобы «обвинительный» приговор, который будет вынесен мне, шокировал их. Я призывал их не впадать в отчаянье и напоминал им, что чешское правительство ведёт с властями Судана переговоры по моему делу. И как только приговор будет вынесен, и мы узнаем его, — пытался я ободрить их, — тогда нам точно будет известно, что поставлено на карту, и тогда переговоры наберут новой силы!

На одном из предыдущих судебных заседаний 2 января 2017 года судьёй было установлено, что во время моего приезда в Хартум пастора Кувы там не было и что он только одолжил пастору Хасану свою машину. Таким образом, дело против пастора Кувы было закрыто из-за отсутствия состава преступления. Я сердечно радовался за пастора Куву и молился, чтобы такие же хорошие новости получил каждый из нас.

Однако Хасан, Моним и я всё ещё ожидали оглашения приговоров. И вот настал тот важный и долгожданный день. Мы молча шли в здание суда. Каждый из нас думал и молился, наблюдал и ждал. Я задавался вопросом, что сейчас делает дома Ванда, и молился, чтобы новости, которые мы получим сегодня, не сломили её. Мы вошли в зал суда и обнаружили, что он переполнен активистами, журналистами, представителями посольств и широкой общественности. Вошёл судья, и все встали.

Голос судьи звучал чётко и твёрдо, когда он зачитывал приговор с заранее подготовленного документа. Пастор Хасан и Моним были признаны виновными по четырём обвинениям, выдвинутым против них, и приговорены к двенадцати годам тюремного заключения. Дочь-подросток пастора Хасана упала на пол в слезах.

Я ожидал приговора, но поскольку слушание проводилось исключительно на арабском языке, я полностью зависел от перевода пастора Хасана. Я сидел на скамье, глубоко вздыхая, стараясь успокоить нервы, но чувствовал, как сердце выскакивает у меня из груди. Я сосредоточил внимание на судье и ждал, пока он начнёт зачитывать приговор. Когда он, наконец, начал, Хасан наклонился ко мне, чтобы перевести его слова на английский. Переводя, он не мог скрыть шок, звучавший в голосе. «Судья признал тебя виновным по всем восьми обвинениям, выдвинутым против тебя, и приговорил к пожизненному тюремному заключению — высшей мере наказания, за исключением смертной казни!»

Приговор также включал выплату штрафа в размере 100 тысяч суданских фунтов (почти 17 тысяч долларов США) и конфискацию всего моего оборудования — камеры и объективов Сапон, ноутбука, айфона, видеокамеры и внешних жёстких дисков — всё это теперь стало собственностью правительства Судана.

Я был полностью уверен, что моя жизнь — в руках Господа, поэтому держался спокойно и после оглашения приговора испытал *облегчение*. Хотя я надеялся и молился за лучший исход дела, я совершенно не был удивлён тем, что правительство Судана приговорило меня к пожизненному заключению (что в Судане приравнивалось к двадцати годам заключения). И испытание, долгое испытание неизвестностью, наконец-то закончилось.

Суровость наказания демонстрировала всю абсурдность этого религиозно-политического судебного разбирательства,

направленного против меня и моих дорогих суданских соратников-заключённых и братьев. Если бы правительство вынесло более разумный приговор — шесть месяцев или год, многие могли бы подумать, что обвинения были законными, и я действительно причастен к какой-либо преступной деятельности в Судане. Пожизненное же заключение, к которому было приговорено лицо, доставившее в страну помощь, ясно свидетельствовало о том, что весь процесс был бессмысленным фарсом.

Что касается моего имущества, меня совсем не волновала материальная потеря. Я мог купить себе новый компьютер или камеру. «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Книга Иова 1:21). Не беспокоился я и о пожизненном заключении. В конце концов, моя жизнь больше мне не принадлежала — она принадлежала Иисусу Христу! Он дорого заплатил за неё.

30

Пастор Хасан, Моним и я больше не жили в ожидании очередного судебного заседания в Хартуме. Мы больше не были обвиняемыми. Теперь мы были осуждёнными преступниками, и поэтому нас перевели в следующую тюрьму. Из-за отсутствия убедительных доказательств против них Хасан и Моним были настолько уверены в своём освобождении, что уже раздали всю свою одежду и личные вещи другим заключённым в «Аль-Худе».

Следующую после оглашения приговора ночь мы провели в промежуточной тюрьме в Омдурмане, в клетке под открытым небом, заполненной десятками дрожащих от холода мужчин. Как и полагалось при приёме преступников, приговорённых к длительным срокам заключения, мы прошли усложнённую процедуру приёма и отправки в конечный пункт назначения, которая, кроме прочего, включала в себя снятие отпечатков пальцев около дюжины раз. После очень холодной ночи под открытым небом, утром с нами проделали уже ставшую привычной процедуру погрузки в грузовик для скота. На этот раз, однако, мы не знали, куда нас повезут. Неопределённость грозила перерасти в беспокойство, и я напомнил себе, что Господь по-прежнему держит ситуацию в Своих руках.

Скотовоз медленно двигался по пыльным городским дорогам Хартума в направлении аэропорта и, наконец, прибыл в Северную общую тюрьму города Хартум, известную ещё как тюрьма «Кобер». Когда мы подъехали к массивному тюремному комплексу, я ощутил странную сочетание переживаний и мира.

Я знал, что Бог — со мной, но я не мог знать, что ожидает нас на этой последней остановке суданской тюремной системы.

Главное здание тюремного комплекса было построено в 1905 году британцем по имени Купер, однако когда его фамилия была переведена на арабский язык, К-У-П-Е-Р превратился в К-О-Б-Е-Р. Мне казалось, что зарешёченные двери камер на обоих этажах главного корпуса тюрьмы «Кобер» выглядели так, как будто их только что привезли прямо с американской киносъёмочной площадки.

Мы прошли процедуру приёма, а затем были доставлены в разные секторы тюрьмы. У меня забрали мой МРЗ-плеер, и хотя позволили оставить SIM-карту, я был вынужден сдать свой мобильный телефон. Я пребывал в ужасе от мысли, что у меня могут конфисковать мою Библию, однако, к моему огромному удивлению, мне позволили оставить её при себе. Хасан и я попали в разные секторы, которые оказались в относительно хорошем состоянии. Я был рад видеть, что туалеты и душевые находятся в рабочем состоянии.

Мониму, однако, повезло гораздо меньше. Его поместили в самую старую часть тюрьмы, здание, построенное ещё самим Купером. Оно было грязным и не имело ни водопровода, ни функционирующего туалета. Моним был родом из Дарфура, а дарфурцы из-за гражданской войны считаются чуть ли не предателями страны. Кроме того, его очень тёмная кожа сделала его мишенью для расизма, распространённого в Судане среди мусульман-арабов.

В последние годы в тюрьме «Кобер» были созданы «дома-призраки» — секретные помещения для содержания под стражей, где политзаключённых подвергали физическим и психологическим пыткам. Иногда их казнили. Сюда доставляли и смертников из «Аль-Худы», когда наступала дата приведения в исполнение смертного приговора. Хасан и Моним узнали об исполнении казни через повешение в тюрьме «Кобер» от

приговорённых к высшей мере наказания в «Аль-Худе», однако сами мы этого никогда не видели.

* * *

В тюрьме «Кобер» было две кухни: на первой готовили пищу для своих заключённых, а на второй — для заключённых из соседней тюрьмы НСРБ. Поскольку наша еда была приготовлена на месте, плоский суданский хлеб, который мы получали каждый день, иногда был ещё свежим и тёплым. Даже помимо хлеба еда в «Кобере» была намного лучше, чем в тюрьме «Аль-Худа», где даже заключённые суданцы ничего не ели, сперва не проведя термическую обработку на своих изобретательно изготовленных прямо в тюрьме печах. Но даже в «Кобере» заключённые доготавливали пищу. Как и в «Аль-Худе», узникам «Кобера», у которых были деньги, разрешалось приобретать за них кое-что из продуктов, в том числе и пшеницу, а иногда даже мясо.

Нам с пастором Хасаном было известно, что некоторые из наших сокамерников-мусульман из «Аль-Худы», пойманные на мошенничестве, были переведены в наиболее строгую зону тюрьмы «Кобер». Когда, через несколько дней после нашего с Хасаном и Монимом прибытия, мы столкнулись с ними на территории тюрьмы, они бросились к нам с объятиями и широкими улыбками на лицах. Я сразу же понял, насколько они ценят нашу дружбу и дорожат ею, и снова возблагодарил Господа за то, что Он использовал меня таким образом.

* * *

Начальник тюрьмы и его заместитель часто совершали обходы, чтобы выслушать жалобы заключённых. «Мне разрешалось пользоваться своим МРЗ-плеером в «Аль-Худе», — сказал я. — Почему же я не могу пользоваться им здесь?» Меня заверили,

что я могу, но должен лишь попросить об этом надзирателей. Однако, я так и не получил его.

Даже без MP3-плеера в тюрьме «Кобер» я продолжал преподавать английский. Используя Евангелие от Иоанна, я учил заключённых-мусульман основам английского языка и молился о том, чтобы послание Евангелия проникало в их сердца. В отличие от часовни «Аль-Худы», у меня были лишь редкие возможности проповедовать.

Поскольку я знал, что часовню посещали и мусульмане, я всегда старался, чтобы мои проповеди были евангелизационными. Однако бесчисленные проповеди, составленные во время изучения мной Библии в «Нияба-Мендоле», всё ещё оставались неиспользованными, и я глубоко переживал из-за утраты регулярной возможности проповедовать.

31

Постепенно я научился приспосабливаться к условиям содержания в тюрьме «Кобер». Днём я всё ещё мог встречаться с пастором Хасаном, однако после вечерней переключки нас запирали в камерах в разных частях тюрьмы. В моём так называемом VIP-секторе я был помещён с осуждёнными правительственными чиновниками, полицейскими и сотрудниками службы безопасности, которые дезертировали с поля военных действий в Дарфуре или Йемене, куда президент Башир отправил их воевать за Саудовскую Аравию. В VIP-секторе сидел даже полковник службы безопасности Судана, который отказался выполнить один из приказов.

Эти люди были дружелюбны ко мне и делились со мной едой, которую в «Кобер» приносили их родственники. У одного из них даже была отдельная камера с кондиционером и спутниковым телевидением. Когда этот мужчина страдал от болезненной подагры, я дал ему несколько таблеток ибупрофена. Он был благодарен, что наконец-то получил облегчение. Узнав, что я не могу связаться со своей семьей, потому что у меня нет телефона, он предложил мне приходить в его камеру, когда я захочу, и использовать его телефон, чтобы звонить семье. *«А может, это ловушка?»* — задавался я вопросом. Сначала я отклонял его предложение, но через несколько долгих дней сдался и позвонил жене.

Тюрьма находилась очень близко к аэропорту, и из окна камеры я мог видеть взлетающие на ближайшей взлётно-поса-

дочной полосе самолёты. Они были так близко, что я видел, как при взлёте поднимались их шасси, а ночью, когда разговаривал с Вандой, даже она слышала оглушительный рёв огромных российских грузовых самолётов. Моя семья узнала о моём приговоре от сотрудника консульского отдела посольства Чехии в Каире, но, хотя они были глубоко разочарованы, они всё же были готовы к такому исходу дела. Они надеялись, что дипломатические переговоры по моему освобождению будут успешными, но не знали, уйдут ли на них недели, месяцы или даже годы. Они продолжали верно поститься и молиться.

Заключённые в тюрьме «Кобер» солдаты НСРБ немного говорили по-английски и хотели, чтобы я научил их говорить лучше, поэтому, имея в руках Библию, я использовал в качестве учебника Евангелие от Иоанна. Солдаты приходили и уходили нескончаемым потоком, многих освобождали, как только они соглашались вернуться на поле боевых действий.

К счастью, мой новый друг из кондиционированной камеры не оказался шпионом НСРБ, хотя за время своего пребывания в тюрьме я столкнулся со множеством таких. В день, когда нам был вынесен приговор, нас перевели в переходную тюрьму в Омдурмане. В ожидании очереди на снятие отпечатков пальцев я заметил белого человека, немного старше меня, и поприветствовал его по-английски. «Откуда вы?» — поинтересовался я.

Сначала он приложил палец к губам, как бы предупреждая меня, чтобы я молчал. Затем с сильным русским акцентом ответил: «Ноу инглиш». Тогда я повторил тот же вопрос на русском языке, и он ответил. Он рассказал мне, что он — инженер-механик, который был обманут компанией, пообещавшей предоставить ему «хорошую работу» в Судане. В конце концов, представители компании исчезли, и всё, что ему оставили, — это неоплаченный счёт за отель.

Эта встреча была странной, и я не очень удивился, увидев, что он сопровождает меня, Хасана и Монима в «Кобер». Хотя

он утверждал, что не говорит по-английски, он всегда крутился вокруг нас троих и хотел слушать наши разговоры. Мне было неловко от его присутствия, но я решил поделиться с ним Евангелием на русском языке. Он сразу же заявил, что он русский православный христианин!

Однажды, когда он снова слонялся вокруг нас, египетский заключённый узнал в нём российского пилота, который перевозил солдат службы безопасности из Хартума в Дарфур. Хотя этот египтянин лишь немного говорил по-английски, он до смерти напугал русского, воскликнув: «Анатолий... пилот... безопасность...» и указав на его плечи, где обычно находятся офицерские погоны. Российский пилот моментально исчез, и прошло довольно много времени, прежде чем мы снова увидели его.

Брату Мониму только изредка разрешалось посещать нашу часть тюрьмы. В течение дня я обычно сидел в тени и читал Библию. Поскольку мне не позволяли часто посещать тюремную часовню, я решил проповедовать Евангелие на французском языке заключённым из франкоязычных стран Африки. Один молодой мусульманин, футболист из Гвинеи, особенно любил слушать мои короткие проповеди на французском языке, и мы стали близкими друзьями. Каждый день я молился, чтобы Господь открыл Себя моему молодому другу-мусульманину как Господа, Спасителя и Бога.

* * *

Каждый день в «Кобере» Бог напоминал мне о том, что моё время, да и вся моя жизнь — в Его руках. И именно Он держит всё под контролем. Однажды утром, когда я, как обычно, сидел под деревом во дворе и читал Книгу Псалмов — мою любимую часть Писания, я дошёл до 125-го Псалма:

«Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне: тогда уста наши были полны веселья, и язык наш — пения; тогда между народами говорили: «великое сотворил Господь над ними! Великое сотворил Господь над нами: мы радовались» (Книга Псалмов 125:1–3).

Внезапно передо мной, как из-под земли, появились два надзирателя с поразительным сообщением. Ничто из того, что они могли бы сказать, не удивило бы меня больше, и я из всех сил пытался разобраться в том, что только что услышал.

— Петр, — сказали они, — сегодня тебя выпустят из тюрьмы!

Меня охватило чувство, только что описанное в Псалме 125. *«Неужели это происходит на самом деле? — я не мог поверить своим ушам. — Неужели это — не сон?»* Меня уже много раз обманывали, и было трудно поверить, что это происходит на самом деле. Однако новость была реальной! На мои глаза навернулись слёзы, и я подумал о Ванде: «Наконец-то!»

Весть о моём освобождении распространилась, как пламя, среди заключённых нашего сектора. Как всегда, новость о том, что кто-то из заключённых обретал свободу, приносила всем радость и праздничное настроение. Каждый втайне надеялся: *«Возможно, в следующий раз эту новость сообщат мне!»* Мои собратья кричали от радости и сжимали меня в крепкие объятия. Вскоре я увидел, как ко мне устремляются Хасан и Моним. Они тоже радовались: ведь если меня освободили, то, наверняка, скоро освободят и их.

По обычаю, установившемуся среди заключённых, которые освобождались, я передал свою одежду тем, кто оставались в тюрьме. Мужчины охотно разобрали моё немногочисленное имущество. Я тщательно следил за хаотичным процессом раздела, чтобы убедиться, что Хасан и Моним получают мои ле-

карства. Однако пришли надзиратели, и мне пришлось идти. Держа в руках лишь небольшой полупустой чемодан, я последовал за ними.

В приёмном отделении меня ожидали два офицера НСРБ.

— Вы получили помилование президента Судана, — объявили они. — Отныне вы — свободный человек.

Я взглянул на оружие под их рубашками. Несмотря на то, что я выходил из тюрьмы, я прекрасно осознавал, что всё ещё нахожусь в Судане под абсолютным контролем тоталитарного режима, который может сделать всё, что угодно. Мои эмоции едва превышали притуплённое чувство тревоги, и я находился в состоянии повышенной готовности. Президент Башир удерживал власть в своих руках в течение почти трёх десятилетий, и я отдавал себе отчёт в том, что эта новоиспечённая «свобода» ещё не означает, что я действительно свободен.

Мне вернули мои ценные вещи, включая MP3-плеер и мобильный телефон. Моя SIM-карта всё ещё была тщательно спрятана в потайном кармане пояса, надетого на нижнее бельё.

— Пройдёмте с нами.

Я с тревогой наблюдал, как офицеры кладут мой небольшой чемодан в кузов белой машины. Затем меня отвезли в парикмахерскую, где настояли на том, чтобы сбрить мне бороду. Парикмахер заставил меня откинуться на спинку стула и нанёс на лицо успокаивающую лечебную маску. Всё это было абсурдной попыткой произвести впечатление — показать, что в тюрьме суданские власти хорошо обо мне заботились. Он повторил процедуру три раза. Моё тело уже начало болеть от длительного сидения в неудобном положении. Удовлетворившись серией процедур для лица, он поспешил достать маленький мобильный массажёр, с помощью которого можно было снять напряжение на моих шее и плечах.

— Вам нужно расслабиться, — сказали офицеры, когда мы, наконец, вышли от парикмахера. Это было, конечно же, легче сказать, чем сделать. Я всё ещё находился в присутствии тех же офицеров НСРБ, которые допрашивали меня и бросили в тюрьму, и само их присутствие вернуло меня к самым худшим воспоминаниям за последние пятнадцать месяцев. Что ещё более важно, у них под рубашками я видел оружие.

— Теперь мы отведём вас в сауну.

Я не был заинтересован в посещении сауны (это дало бы офицерам возможность обыскать мои сумки и отобрать мой мобильный телефон), однако вновь обрётённая мной «свобода» требовала, чтобы я не шёл на конфронтацию. Я не хотел соз-

давать новых проблем, поэтому безропотно поплёлся за ними. Мы прибыли в частную сауну, и я вошёл в раздевалку.

Раздевшись, я аккуратно сложил свою одежду на сумке и вытащил мобильный телефон. Через несколько минут они начнут проводить обыск. Я не мог взять мобильный телефон с собой в сауну, но также не мог позволить им отобрать мою SIM-карту, ведь крошечный чип содержал всю информацию о моих телефонных звонках и сообщениях из тюрьмы. Поэтому я быстро вытащил его из секретного кармана на нижнем белье и сунул в рот, надёжно спрятав за щекой.

В горячей сауне я провёл десять беспокойных минут, прежде чем настоять на том, что уже пора идти.

Офицеры отвезли меня в местный ресторан быстрого питания, где заказали большую порцию жареных куриных ножек, картофеля фри, салата и «Спрайт» и наблюдали, как я пытаюсь поесть. Мой желудок был очень раздражён и, после года скудного питания, намного уменьшился в размере. Кроме того, я чувствовал себя крайне неловко, находясь под постоянными пристальными взглядами наблюдателей.

Мы вышли из ресторана и поехали в шикарный магазин одежды.

— Вы хотите купить одеколон? Костюм? Вам нужны рубашка и галстук.

Один из мужчин помахал у меня перед глазами огромной пачкой денег. *«Ни в коем случае, — подумал я. — Я в Африке. Я не собираюсь отправляться в дорогу в костюме»*. Я понимал, что сопровождающим меня было приказано сделать так, чтобы я выглядел как можно лучше. Ведь если меня освободят одетым в хороший костюм и выглядевшим как бизнесмен, который выходит из роскошного отеля, как сможет мир жаловаться на то, что со мной плохо обращались? Из всех сил я, пытаюсь не злить охранников, хотел избежать сотрудничества с ними и всего этого цирка.

— У меня есть хорошая одежда, — сказал я.

— Нет, нет, ваша одежда недостаточно хороша. — Они, казалось, были лучше осведомлены, чем я.

— У меня есть джинсы, — сказал я и показал им чистую одежду из чемодана.

Невзирая на то, что офицерам были даны строгие инструкции сделать меня презентабельным, они, хотя и неохотно, согласились приобрести мне только ремень, чтобы заменить изодранную пластиковую нить, поддерживающую мои брюки.

Далее мы отправились в продуктовый магазин. Мне приказали купить достаточно еды на три-четыре завтрака, поэтому я взял растворимый кофе, чай, хлеб, яйца, фрукты и шоколадные батончики.

Меня снова погрузили в машину, и вскоре мы добрались до дома, который казался многоквартирным. Огромная бетонная стена, обтянутая колючей проволокой, окружала сооружение, а когда мы выходили из машины, из-за забора угрожающе лаяли немецкие овчарки. Офицеры НСРБ провели меня внутрь и сказали, что здесь я пробуду четыре ночи до понедельника. Они забрали мою лучшую футболку (именно ту, которую я берёг для поездки домой) в химчистку и пообещали вернуть её в ближайшее время.

Моя SIM-карта всё ещё была спрятана у меня во рту.

* * *

Офицеры ушли, и я, наконец, остался один в спальне квартиры. Я знал, что она прослушивается, однако всё же решил позвонить Ванде. Я быстро осмотрел помещение и решил, что самой укромной зоной является, вероятно, ванная комната, поэтому я подошёл к унитазу, вытащил изо рта SIM-карту, вытер её об рубашку, вставил обратно в мобильный телефон и быстро набрал номер жены.

Дома, в Чехии, на мой звонок ответила Ванда. Я говорил быстро и шёпотом.

— Что происходит?! — с тревогой спросила Ванда.

— Сегодня утром меня освободили из тюрьмы «Кобер», и теперь я нахожусь в неизвестном мне месте, — прошептал я. — Это похоже на тайные жилые помещения суданской службы безопасности. Мне сказали, что я пробуду здесь некоторое время.

Во времена коммунизма сотрудники чехословацкого государственного аппарата также пользовались такими квартирами или домами; там можно было спрятать человека, тайно встретиться с источником, допросить заключённого или даже встретиться с любовницей, не будучи обнаруженным.

Ванда была смущена этим таинственным звонком и обеспокоена тем, что я в опасности. Выросшая в коммунистической Чехословакии, она знала много историй о политических заключённых, которые были «освобождены» из тюрьмы только для того, чтобы со временем быть найденными мёртвыми. Именно так правительство избавлялось от нежелательных последствий, и теперь она боялась, что правительство Судана может попытаться избавиться и от меня.

Мы закончили разговор, и, повесив трубку, Ванда, пытаясь справиться с противоречивыми чувствами радости и беспокойства, начала молиться.

Три ночи я провёл в ожидании в квартире НСРБ. Весь день я лежал на кровати, слушал Писание на своём МРЗ-плеере и задавался вопросом, что же будет дальше.

Квартира была маленькой, в единственной спальне стояла одна большая кровать, пахнувшая чистотой. Я лёг на покрывало. Вода появлялась в квартире только на несколько минут в день, поэтому я поставил под открытый кран в грязной ванной ведро и ждал, когда пойдёт вода. Когда ведро наполнилось, я использовал пластиковую бутылку, чтобы принять душ, и вытерся полотенцами. Среди ночи, слыша звук проточной воды, я спрыгивал с кровати, чтобы смыть унитаз.

Ночью сотрудники службы безопасности проверяли меня каждые полчаса, чтобы убедиться, что я не убежал.

— Хочешь, мы купим тебе вина? — предложили они. — Или привезём женщин?

Я наотрез отказался и от алкоголя, и от проституток, однако вскоре узнал, что в моей квартире были и другие посетители. Мыши прыгали с пола прямо на мою кровать. Иногда они приземлялись либо на меня, либо на мою подушку, прямо над моей недавно выбритой головой. Я спрыгнул с кровати и включил свет. Мыши сразу же исчезли. На следующее утро, когда я исследовал, как они попадали в квартиру, то понял, что они выходили из канализационной системы в ванной.

Между посещениями грызунов и охраны я почти не спал, однако мне удавалось вздремнуть в дневное время. Охранники

получили приказ хорошо кормить меня, поэтому дважды мы выходили поесть. В остальное время я ел то, что мне купили в продуктовом магазине. На газовой плите я кипятил воду для чая и варил яйца, ожидая наступления понедельника.

* * *

В 15:30 в воскресенье, 26 февраля, за день до того, как я должен был покинуть это жильё, ко мне прибыли сотрудники службы безопасности и сообщили:

— Кто-то хочет поговорить с вами, так что будьте готовы.

Я держал свои вещи упакованными на случай, если мне понадобится в любой момент уехать, поэтому я схватил свой чемодан и направился к двери. *«Наконец-то!»*

— Нет, нет, успокойтесь, — сказал один из мужчин. — Кто-то хочет поговорить с вами по телефону.

Я поставил свой багаж, а он дал мне мобильный телефон. Я был крайне удивлён, услышав в трубке голос чешского посла.

— Господин Яшек, — сказал он, — где вы сейчас находитесь? Мы прилетели, чтобы забрать вас. Мы ждём вас в аэропорту.

Я был так счастлив, что едва мог говорить.

— Как хорошо! — воскликнул я, однако не знал, ни где я нахожусь, ни как добраться до аэропорта.

— Мы вылетаем в 17 часов, — сообщил посол. Но я знал, что нахожусь далеко от аэропорта, и сомневался, что успею доехать туда. Вылет был запланирован менее чем через полтора часа, а я всё ещё находился в распоряжении офицеров НСРБ.

Я повесил трубку. Сотрудники службы безопасности ушли, а я остался ждать. Я был в квартире один. Я сидел, ежеминутно поглядывая на часы. Каждая минута казалась вечностью. Наконец после четырех они вернулись, но к тому времени я уже был уверен, что не успею на самолёт.

Мы сели в автомобиль и поехали в аэропорт Хартума. У меня не было ни паспорта, ни каких-либо других идентифицирующих личность документов. Я задавался вопросом, были у сопровождающих меня суданцев хотя бы один из моих паспортов (я прибыл в Хартум с двумя). На миг я вспомнил о своём компьютере, камере и другом имуществе. Если правдой было то, что я получил полное помилование, это должно приравниваться к тому, как будто я никогда не совершал преступления. А это означает, что наказание в виде конфискации этих предметов также аннулировано... по крайней мере, теоретически. Однако я не хотел рисковать и, спрашивая об этом, оскорбить своих сопровождающих. (Помиловали меня или нет, я никогда больше не видел этих предметов. Возможно, сейчас кто-то из чиновников НСРБ снимает моей камерой замечательные видео!)

Я также вспомнил свою поездку в аэропорт в шаттле отеля пятнадцатью месяцами раньше и молился, чтобы это путешествие закончилось не так, как то.

* * *

Наконец мы прибыли в аэропорт. Мои сопровождающие были одеты в гражданскую одежду и солнцезащитные очки, и вскоре я понял, что они хотят выдать себя за служащих аэропорта. Они предъявили удостоверения и проехали в зону безопасности аэропорта. Меня вывели из машины, и мы направились в VIP-зону, где меня ждали офицеры чешской разведки, один из которых год назад приезжал в Национальный клуб НСРБ вместе с двумя врачами из чешской разведки.

Два офицера НСРБ проследовали за мной через зал. Одного из них я узнал: он был из тюрьмы НСРБ — человек, который фотографировал меня сразу после ареста.

Врачи прибыли подготовленными: всё, что они привезли с собой, напоминало полевой госпиталь. Они провели полный физический осмотр, подключили меня к электрокардиографу, измерили уровень кислорода в крови и предложили мне специальные регидратационные напитки с электролитами. От сотрудника консульского отдела чешского посольства они узнали, что моё поведение вполне адекватно и что умственно я, должно быть, не пострадал. Однако их беспокоила возможность обезжизнения организма.

Два офицера НСРБ удивлённо уставились на меня. Я был уверен, что, по их мнению, такое пристальное внимание врачей чешской разведки только доказывало, что я был шпионом.

После медицинского осмотра мы начали ждать. Я узнал, что скоро прибудет министр иностранных дел Чехии, и мы вернёмся в Прагу на его самолёте. «Мне нужно в туалет», — только и смог произнести я.

В туалете я вытащил свой мобильный телефон и тихо позвонил Ванде. После вызывающего страх звонка тремя днями ранее она испытала огромное облегчение, снова услышав мой голос. Ванда следила за расписанием поездок министра иностранных дел на его официальном сайте и знала, что 26-го числа он отправился в однодневную поездку в Судан. Если поездка пройдёт по плану, она ожидала, что через несколько часов я смогу вернуться домой.

«Я в аэропорту, — едва сдерживая нетерпение, сказал я, — и, похоже, что мы скоро вылетим. Мы ждём министра и его команду».

Вскоре я понял, что мой телефонный звонок был рискованным решением. Когда нам сообщили, что министр иностранных дел уже на подъезде, мы вышли из зала ожидания. Офицеры суданской службы безопасности сопровождали нас до трапа самолёта, который представлял собой огромное судно, принадлежащее чешскому государству и предназначенное для офици-

альных правительственных визитов. Мы сели в самолёт, и я попросил разрешения сделать звонок жене.

— Лучше не надо. Пожалуйста! — запротестовал сотрудник чешской разведки. — Вы и так совершили большую ошибку, позвонив жене из туалета.

Шаткие переговоры о моём освобождении завершились всего за день до этого, и офицеры понимали, что пока мы не поднимемся в воздух, может произойти всё, что угодно.

Я откинулся на мягкое кожаное сиденье самолёта с отрезвляющим осознанием того, что несколько минут тому назад собственноручно мог сорвать своё освобождение. Через сорок пять минут прибыл министр иностранных дел вместе с сопровождавшей его командой. Я был несколько обеспокоен тем, как он отнесётся ко мне. Я слышал от своей семьи, что однажды он публично заявил, что, взяв на себя риск документировать нарушение прав преследуемых христиан в Судане, я должен был ожидать неприятностей. Я думал, он имел в виду, что я сам виноват, потому что решил поехать в такую опасную страну, как Судан.

Министр Любомир Заоралек вошёл в самолёт, улыбнулся мне и произнёс:

— Господин Яшек, добро пожаловать на борт самолёта ВВС Чешской Республики! Прежде всего, я хотел бы передать приветствия от моих друзей из церкви «Братья во Христе» города Мост, которые много рассказывали мне о вашей гуманитарной работе. Я действительно очень ценю то, что вы делаете.

Лёд полностью растаял, и я пожал ему руку. После этого начали представляться его пресс-секретарь и другие сотрудники.

Наш рейс в Прагу занял чуть больше шести часов. Министр Заоралек пересел со своего кресла в бизнес-классе ко мне. Около двух часов он подробно расспрашивал меня об ужасном времени, проведённом в тюрьме. Он молча выслушал меня, а затем посмотрел в глаза и произнёс слова, выразившие глубоко-

кое понимание того, через что я прошёл, и подводящие итог того, что, как я надеюсь, было правдой:

— Я слушаю вас и держу пари, что вы берёте пример не с кого иного, как с самого апостола Павла.

Вечером 26 февраля телефон Ванды снова зазвонил. На другом конце линии был сотрудник чешского консульства Ярослав Вейрич. Он сообщил замечательную новость: «Петр в самолёте». Ванда заплакала и крепко обняла детей. Вместе они возблагодарили Господа и начали поспешно передавать радостную весть христианам, которые молились и постились за меня в течение четырнадцати долгих месяцев.

Моей семье было известно, что борт, на котором я находился, приземлится на военном аэродроме в Праге, и там они не смогут меня увидеть. Поэтому они поехали сразу в военный госпиталь и с нетерпением ждали там.

Когда я сошёл по трапу несколько часов спустя, на пресс-конференцию собралась толпа журналистов. В море микрофонов у меня была возможность поблагодарить министра иностранных дел за его напряжённую и последовательную работу по ведению переговоров о моём освобождении.

— Я понимаю, насколько это должно было быть трудно, — продолжил я, — в стране, президент которой признан преступником, разыскиваемым Международным уголовным судом.

Я также выразил глубокую признательность своей церкви в Кладно и нашему пастору Даниилу Калете. Я поблагодарил представителей «Голоса мучеников» (США) за их огромную поддержку, за моего адвоката и особенно за помощь моей семье в это трудное для всех нас время. И, наконец, я поблагодарил сотни тысяч христиан, которые молились за меня, и тех, кто

подписали онлайн-петицию CitizenGo, организации, которая борется за права преследуемых по всему миру.

Направляясь по гудронированному пражскому шоссе в военный госпиталь для медицинского обследования, сердцем и разумом я всё ещё находился в Судане. Вскоре после полуночи, когда я вышел из машины скорой помощи, а мои родные повыскакивали из своей машины и бросились ко мне, сжимая их впервые за более чем год в своих объятиях, я возблагодарил Господа за то, что мы являемся частью Его, ещё большей, семьи. Той семьи, которая живёт в разных странах мира. Я поблагодарил Бога за то, что даже суданская тюрьма не может отделить нас друг от друга.

ЭПИЛОГ

Вернувшись в Прагу и будучи снова окружён родными и нашей церковной семьёй, которые так горячо молились за меня, пока я был в Судане, я начал размышлять о том, как за эти четырнадцать с половиной месяцев заключения Бог изменил меня.

Я был так благодарен Господу, глубоко благодарен, за честь переносить позор во имя моего Спасителя. От имени своей семьи я благодарил Его за то, что мой арест произошёл, когда наши дети уже выросли и могли поддержать Ванду, которая, по моему мнению, пострадала больше всех. Сам я, однако, желал бы, чтобы Бог позволил случиться этому на более раннем этапе моей жизни, потому что я знаю, что тогда её остаток я прожил бы совершенно по-другому.

Бог часто допускает в наши жизни страдания, чтобы научить нас терпению, научить нас надеяться и полностью полагаться на Него. Псалмопевец писал: «Надеюсь на Господа, надеется душа моя; на слово Его уповаю» (Книга Псалмов 129:5). Надежда на Господа — ключ к христианской жизни. И этот ключ открывает все христианские дисциплины, такие как молитва, пост, служение другим, и избавляет нас от «сиюминутного христианства» — отношения, которым я страдал во время первой части моего заключения.

В марте 2016 года, когда думал, что меня вот-вот освободят, я был разочарован тем, что Бог оставил меня в тюрьме. Я хотел вернуться домой и быть со своей семьёй. Я хотел посещать свою церковь в Чехии и поклоняться вместе с братьями и сёстрами,

как раньше. Однако после окончания тюремного заключения я начал видеть ситуацию совсем иначе. Господь приготовил мне что-то гораздо лучшее. Он оставил меня в Судане по одному Ему известной, однако очень весомой причине. Он готовил меня проповедовать Евангелие в тюрьме города Омдурман, в тюрьме «Аль-Худа», в тюрьме «Кобер» и демонстрировать любовь Христа своим следователям и адвокатам в ходе судебных разбирательств. Бог всегда планирует время лучше нас. Когда я перестал думать о себе, перестал чувствовать себя несчастным, лишь тогда я смог увидеть, что, как будто бы из частей пазла, складывается полная картина.

Время, проведённое в суданских тюрьмах, было прекрасной возможностью провозглашать Христа, даже тогда, когда я испытывал личную боль. Я узнал, что Бог иногда позволяет нам «пройти долиной смертной тени» (Книга Псалмов 22:4), чтобы научить полагаться на Его силу, а не на свои собственные силы. Только находясь в долине, в тени, в темноте, мы видим сияние Христа наиболее ярко. Чем мы беспомощнее, безнадёжнее и беззащитнее, тем больше наш слух настроен на голос Пастыря, чьи жезл, посох и личный пример ведут нас вперёд.

Много раз, когда меня переводили из тюрьмы в тюрьму, а особенно когда в тюрьме НСРБ ухудшилось моё здоровье, я переживал разочарование и не мог найти нужные слова для молитвы. Иногда, когда меня избивали сокамерники из ИГИЛ, всё, что я мог сделать, — это только стонать. Но в те ужасные моменты Святой Дух стонал вместе со мной и ходатайствовал за меня (Послание к римлянам 8:26).

Через четыре месяца после моего ареста, когда Бог дал мне возможность проповедовать Евангелие двенадцати эритрейцам, моё мышление полностью изменилось. До этого времени я только и мог думать, что о том, чтобы оказаться на свободе и вернуться домой. Но когда я начал свидетельствовать о любви Христовой и увидел, как заключённые в послушании отвечают

на призыв Бога, меня вдруг осенила мысль: *«Что такое четыре месяца в тюрьме по сравнению с вечностью на небесах?»*

В тот момент изменилось моё отношение. Я стал меньше думать о своих нынешних обстоятельствах и больше — о людях, которые нуждаются во Христе. Бог показал мне важность взгляда на жизнь с более высокой точки зрения, с точки зрения вечности.

Заключение в Судане сделало меня более благодарным за Библию, чем когда-либо раньше, когда я жил в Чехии. Когда мы читаем Слово Божье, с нами говорит сам Святой Дух. Я ощутил это особенно остро, когда сотрудник консульского отдела посольства Чешской Республики предоставил мне Библию. Когда я принёс её в камеру и прочитал от корки до корки, у меня появилась такая жажда по слову Божьему, которой я никогда ранее не испытывал. Тогда присутствие Христа в моей камере стало непосредственным, мощным и реальным.

Чем больше я читал Божье Слово, тем голоднее становился в познании Бога. В конце концов, я начал лучше понимать, что имел в виду Павел, когда писал: «Ибо кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Послание к коринфянам 4:17–18). Я наконец понял, что, должно быть, чувствовал псалмопевец, когда он заявил: «Но Господь — защита моя, и Бог мой — твердыня убежища моего...» (Книга Псалмов 93:22). В то время глубокого и интенсивного чтения Библии я подготовил больше проповедей, чем мог проповедовать. И даже по сей день я не смог использовать их все.

«...для слова Божия нет уз», — написано во 2 Послании к Тимофею 2:9, — даже когда в узах оказывается Божий народ. Писание живо и действенно, и когда я начал ощущать его действие, находясь в тюрьме, я не мог оставить при себе то, что приобрёл. Господь начал побуждать меня проповедовать

Евангелие моим сокамерникам — номинальным христианам, анимистам и даже мусульманам. Господь дал мне честь не только благовествовать в различных тюрьмах, но и демонстрировать любовь Христа своим товарищам по заключению, многие из которых были врагами Евангелия только потому, что никогда прежде не слышали его. По милости Господа я смог посеять в их сердцах семена Благой Вести и молюсь, чтобы другие люди поливали их и чтобы Господь взрастил их. В тюрьме я научился по-настоящему любить своих врагов. Я всё ещё молюсь за заключённых из ИГИЛ, и о том, чтобы у многих заключённых христиан в Судане была возможность проповедовать Евангелие.

В молодости я всегда задавался вопросом, как можно быть пастором. Однажды я сказал своей жене: «Быть пастором — очень ответственная работа. Как можно готовить проповеди каждое воскресенье и каждый раз говорить что-то новое, не повторяясь? Я никогда не смог бы быть пастором». Однако, находясь в тюрьме и ежедневно проводя время с Господом, я осознал, что пасторский труд — очень естественное состояние для человека, находящегося в близких отношениях с Господом. Святой Дух научил меня слушать Его голос.

Прежде всего, время, проведённое в тюрьме, ещё больше убедило меня в важности молитвы. Иногда люди небрежно бросают: «Я буду молиться за тебя». Я тоже когда-то так говорил. Но действительно ли я молился? Как часто? Насколько долго? В одной из стран бывшего Советского Союза у меня есть друг по имени Анатолий, который каждое утро, проснувшись, молится за меня.

Сразу после моего ареста в Судане моя жена располагала крайне ограниченной информацией обо мне. Первым, кому позвонила моя семья, был наш пастор. И сразу же сформировалась молитвенная цепочка, а примерно через три недели началась цепочка поста. Каждый день, по крайней мере, один человек, а иногда и три человека целый день постились и молились за меня.

В обычных условиях моя семья посещала группу по изучению Библии раз в неделю. Когда же я был в Судане, моя жена посещала как минимум две, а иногда даже три разные группы. Однажды вечером старейшина, который проводил одну из групп по изучению Библии, закрыл Слово Божье и сказал, что Святой Дух побуждает его прекратить обсуждение отрывка из Писания, а вместо этого встать на колени и помолиться за меня и за ситуацию, в которой я сейчас нахожусь в своей камере. Вся группа преклонила колени и начала провозглашать победу Господа в моей тюремной камере. Закончив молиться, присутствующие разошлись по домам.

Лишь несколько месяцев спустя, после моего освобождения, я сидел в гостиной нашего дома. Просматривая вместе с женой наш семейный календарь, я сделал удивительное открытие. Рассказывая друг другу о каждом своём дне, прожитом с Господом во время моего заключения, мы обнаружили, что во время той молитвы, свершаемой за меня группой по изучению Библии, я стоял на коленях перед сокамерниками из ИГИЛ, а они допрашивали меня и избивали палкой от метлы. В тот момент, когда я нуждался в молитве, возможно, больше, чем в любое другое время в моей жизни, Сам Господь воздвиг молитвенную армию для сражения вместе со мной и за меня. Господь велик, а Святой Дух «ходатайствует за святых по воле Божией» (Послание к римлянам 8:27). Слава Господу за это чудесное подтверждение!

Пережитое в тюрьме научило меня ещё больше ценить служение ходатайства за других христиан во всём мире. Подобно Аарону и Ору, которые поддерживали руки Моисея во время битвы, мы должны также поддерживать тех, кто борется и страдает, тех, кто прямо сейчас, сегодня, в этот самый момент подвергается преследованиям за веру в Иисуса Христа. После освобождения я провёл множество часов в молитве за пастора Хасана и Монима. Оба они, в конечном итоге, были освобождены, однако сердце моё по-прежнему болит за братьев, которые

всё ещё отбывают заключение за веру в суданских тюрьмах. От многих из них я получаю сообщения по электронной почте и посредством различных систем обмена текстовыми сообщениями. Божьи люди *должны* быть людьми молитвы!

Бог распространяет Своё Царство не так, как мы ожидаем этого. Господь желает использовать для передачи Своего изменяющего жизнь послания слабые, сокрушённые и надломленные сосуды. Если Бог мог использовать для распространения Благой Вести такого человека, как я, Он несомненно может использовать и такого, как вы.

Что же касается лично меня, я молюсь о том, чтобы моё свидетельство вдохновило моих братьев и сестёр во Христе из разных стран мира, которые подвергаются преследованиям или могут подвергнуться им в будущем. Меня часто спрашивают, считаю ли я себя мучеником. Нет, я — не мученик, однако я неоднократно встречался лицом к лицу с мучениками — с такими героями веры, как Моника, Даньюма и бесчисленное число христиан, с которыми я познакомился в суданских тюрьмах.

Обращаясь к церкви в Филиппах Павел писал: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Послание к филиппийцам 1:29). Я изучал этот стих в различных переводах. В одном из них сказано конкретно, что это «было дано вам как привилегия не только верить во Христа, но и страдать ради Него».

Во времена коммунизма мы с братом и сестрой как-то поехали в Великобританию, куда в то время можно было добраться только на машине, переправившись на пароме через Ла-Манш. Мы посетили церковь к северу от Лондона и приняли участие в изучении Библии. Как раз в то время группа обсуждала преследования и страдания, и тут оказалось, что мы втроём — из коммунистической Чехословакии.

Члены группы начали расспрашивать нас о том, как мы относимся к преследованиям. В то время среди остальных членов

этой небольшой группы нас, вероятно, можно было считать экспертами по преследованиям. Я никогда не забуду ответ, который, не задумываясь, дала моя сестра Яна: «Я верю, что страдать за Господа — это большая честь». Пастор сразу понял её, однако остальные присутствующие, казалось, были сбиты с толку. Какая же это честь — подвергаться преследованиям?

Я лично испытал *честь* быть преследованным и искренне благодарен за возможность хотя бы совсем в малой мере разделить страдания Иисуса Христа.

Евангелие Иисуса Христа — это Евангелие преследований. Сам Господь Иисус готовил к ним Своих учеников в Евангелии от Иоанна 15:18–21:

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Моё слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но всё то сделают вам за имя Моё, потому что не знают Пославшего Меня».

В Евангелии от Луки 21:12–16 Господь раскрывает перед нами подробности предстоящих преследований:

«Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Моё; будет же это вам для свидетельства. Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящи-

еся вам. Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят...»

Да, некоторые из нас, христиан, будут преданы смерти. Об этом напоминает нам Павел словами из Ветхого Завета в своём Послании к римлянам 8:35–39:

«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обречённых на заклание». Но всё сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

Размышляя о том, что в Северной Нигерии каждый год массово убивают христиан, я прихожу к мысли, что мы, христиане, «считаемся овцами, обречёнными на заклание». Однако с точки зрения вечности, из этой борьбы мы выходим больше чем победителями!

Этимися словами, написанными задолго до того, как я занял место за кафедрой молитвенных комнат суданских тюрем, я ободрял многих христиан по всему миру. Я готовил их к преследованиям также словами Павла из 2 Послания к Тимофею 3:12: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Я активно призывал других готовиться к преследованиям, так что же удивительного в том, что я сам подвергся преследованиям?

Господь предоставил мне *привилегию* пострадать за Его имя, и я рад, что Он счёл меня достойным этого призвания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слово о страданиях

Возможно, услышав о жесточайших преследованиях, которым подвергаются христиане в Судане, вы задумались о значении страданий. Я надеюсь, что вы согласитесь со мной в том, что преследования — это не только «дисциплинарный инструмент», предназначенный для «тёплых» христиан, помогающий им отречься от своей плоти, или «катализатор» распространения Евангелия.

Новый Завет представляет нам совершенно иной взгляд на преследования: «...но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Послание Петра 4:13). Да, вы правильно прочитали: разделяя страдания, мы призваны *радоваться*! Обратитесь к примеру апостолов, которых избивали евреи: «Они же пошли из синагоги, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Книга Деяния апостолов 5:41). Да, апостолы считали *честью* пострадать за своего Господа.

В Послании к филиппийцам 1:29 апостол Павел считает страдания привилегией, которой удостоены христиане: «...потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него». Я считаю, что страдания, особенно, увенчанные мученической смертью, являются одной из выдающихся почестей и огромной привилегией для христиан. На той «выпускной церемонии» присутствовало много наблюдателей, и не только требовательных зрителей римских арен или разъяренных членов карательных командос. (Кстати говоря, некоторые

из них уверовали и превратились в посвящённых Богу христиан, став свидетелями верности казнённых последователей Христа.) Христианские мученики являются свидетельством веры и послушания не только для видимого мира, но, осмелюсь утверждать, особенно для мира духовного. «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделали позорищем [греч. θέατρον, театром, зрелищем] для мира, для Ангелов и человеков» (1 Послание к коринфянам 4:9). Да, именно, театром! Конечно же, для христиан следует всегда быть готовыми появиться на сцене жизни или — если вам угодно — на арене на всеобщее обозрение.

Я знаю, что Господь гордится Своими слугами — Он превозносит и хвалится ими. «Обратил ли ты внимание своё на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла», — говорит Господь сатане. Не сатана со злорадством указывает на избранный им объект своих искушений. Это Господь гордится Своим слугой. Именно Он превозносит и хвалится Своим слугой, потому что знает, что Иов останется верным Ему даже в самых трудных испытаниях. Он знает, что Он «не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Послание к коринфянам 10:13).

Да, христианский мученик — это «живой» актёр своей эпохи, режиссёром которой является Сам Господь, а зрителем в первом ряду — сатана со своими слугами. Бог демонстрирует как видимому, так и духовному миру верность Своих слуг, которую потерял Люцифер, когда возгордился.

Господь выбирает роль мученика не для каждого из нас. Тем не менее мы — единое Тело во Христе. «Посему, страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены» (1 Послание к коринфянам 12:26).

Поскольку мы являемся членами одного тела, совершенно естественно интересоваться тем, где и как страдает часть нашего тела — наши братья и сёстры во Христе. «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле» (Послание к евреям 13:3). Слово «тело» можно понимать в этом контексте не только как физическое, но и как духовное Тело — Церковь. Не оставаясь безразличными и равнодушными к нашим преследуемым братьям и сёстрам христианам — где бы они ни жили, — мы провозглашаем, что их страдания касаются наших сердец, что мы являемся членами одного и того же Тела, которому глава — Господь Иисус Христос.

«Я в темнице был, и вы пришли ко Мне», — говорит Сам Господь в Евангелии от Матфея 25:36. Почти невозможно посетить большинство тюрем тоталитарных стран. Тем не менее мы можем отправить письмо ободрения заключённому за веру или же письмо протеста против жестокого обращения с ним правительству его страны. Существует много способов продемонстрировать, что мы — члены одного страдающего Тела, и Господь хочет, чтобы именно так мы и поступали.

ОБ АВТОРЕ

В 2002 году Петр Яшек стал в ряды «Голоса мучеников», чтобы оказывать помощь и поддержку преследуемым христианам, которые живут во враждебных к Евангелию и ограничивающих его странах мира, и предоставлять им помощь от имени свободной церкви. Имея многолетний опыт работы в сфере медицины, Петр руководил служением «Голоса мучеников» в Африканском регионе. Путешествуя, чтобы встретиться с преследуемыми верующими, Петр вдохновлял и ободрял их собственным свидетельством о том, как он рос в семье преследуемого коммунистическим правительством Чехословакии пастора.

Жизнь Петра резко изменилась в декабре 2015 года, когда он был арестован в аэропорту суданского города Хартума после ряда встреч с христианами, проведенными им с целью оценить, каким образом «Голос мучеников» может послужить им наиболее плодотворно. Но вместо того, чтобы продолжать служение заключённым верующим и их семьям, Петр сам оказался в заключении.

В тюрьме брат Петр пережил времена уныния, однако по-особенному убедился в том, что Божья верность истинна и реальна. Он воспользовался своим заключением, чтобы укрепляться во Христе, свидетельствовать о своей вере другим заключённым и ободрять верующих, заключённых вместе с ним.

В течение 445-дневного тюремного заключения брата Петра «Голос мучеников» и христиане по всему миру поддерживали его семью посредством молитвы и другими способами. Осво-

бодившись из тюрьмы, Петр вернулся в Чешскую Республику к жене Ванде и двум взрослым детям.

Петр продолжает нести служение в «Голосе мучеников» в качестве международного координатора и путешествует по разным странам, свидетельствуя о своём пребывании в тюрьме и побуждая верующих молиться и служить нашим преследуемым братьям и сёстрам по вере.

О «ГОЛОСЕ МУЧЕНИКОВ»

«Голос мучеников» — это некоммерческая межконфессиональная христианская миссионерская организация, призванная служить нашей преследуемой семье во всем мире посредством предоставления практической и духовной помощи и привлечения членов Тела Христа в свободном мире к общению с гонимыми верующими и к молитве за них. «Голос мучеников» был основан в 1967 году пастором Ричардом Вурмбрандом, отбывшим четырнадцатилетнее тюремное заключение в коммунистической Румынии за веру во Христа. Его жена Сабина провела три года в трудовых лагерях. В 1965 году Ричард и его семья были выкуплены из Румынии и создали всемирную сеть миссий, несущих служение преследуемым христианам.

Посетив наши веб-сайты, подписавшись на получение бесплатного ежеквартального бюллетеня «Голос мучеников», а также электронной рассылки о заключённых за христианское свидетельство последователей Христа, вы будете вдохновлены безграничной верой наших преследуемых братьев и сестёр и узнаете, как вы можете послужить им.

Карта Судана с указанием зон конфликта.

Мой отец, пастор, и я, когда мне было всего 2 года. Мои родители часто подвергались контролю и допросам тайной полиции в коммунистической Чехословакии из-за их служения в подпольной церкви, не одобряемой правительством.

Мне было 15 лет, когда я получил экземпляр книги Ричарда Вурмбрана «*В подполье с Богом*» на немецком языке. Отец дал мне её после того, как вернулся домой с допроса в тайной полиции. В тот день мои родители были арестованы одновременно в разных местах. Когда я пришёл со школы, их не было дома, и я волновался, не зная, что с ними случилось. Вернувшись домой, отец увидел мой испуг и протянул мне эту книгу: «Прочти её. Она укрепит тебя в вере».

Отец и я; моё первое увольнение во время обязательной срочной военной службы в коммунистической Чехословакии. В течение первого месяца службы у меня была прекрасная возможность исповедовать свою христианскую веру перед сослуживцами. В четвёртом классе я стыдился признать, что мой отец — пастор, поэтому позже просил Господа дать мне возможность публично свидетельствовать о моей вере в Христа. Эта возможность появилась во время военной службы, которая предполагала формирование у военнослужащих атеистического мировоззрения. Однажды офицер спросил: «Кто-нибудь здесь всё ещё верит в Бога?» В тот момент я почувствовал, как ко мне обращается Святой Дух: «Петр, сейчас твой шанс публично исповедать Христа». Я был единственным среди 300 солдат, кто поднял руку. С тех пор я всегда стремился свидетельствовать окружающим о Боге.

В Судане христиане подвергались преследованиям во времена правления бывшего президента страны Омара Хассана аль-Башира, который пришёл к власти в 1989 году в результате военного переворота и установил верховенство строгой формы исламского права во всей стране. В марте 2009 года Международный уголовный суд, находящийся в Гааге, выдал ордер на его арест — первый ордер на арест действующего главы государства — по обвинению в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, включая массовые истребления, депортацию, пытки и изнасилования. Башир продолжал возглавлять Судан до 11 апреля 2019 года, когда после нескольких месяцев протестов он был свергнут с поста президента суданскими военными.

В декабре 2002 года я отправился в Судан во второй раз. Во время этой поездки мы с коллегой по миссии и оказывали практическую помощь преследуемым христианам в северном регионе Верхнего Нила, который в то время находился примерно в трёх километрах от линии фронта. Я ободрял суданских христиан, проповедуя из чешского перевода Библии, который получил, когда мне было 7 лет. Эта Библия была ввезена в коммунистическую Чехословакию контрабандой в конце 1960-х годов. Получив такую помощь и ободрение во время коммунистических преследований, мне было очень приятно ободрять своих преследуемых братьев и сестёр в Судане и обеспечивать их нужды.

Впервые я познакомился с Аидой Скрипниковой в российском Санкт-Петербурге в декабре 2002 года. В 1960-х годах Аида провела в тюрьме четыре года за свою христианскую деятельность в Советском Союзе. Замечательная история Аиды рассказана в книге «Пламенные сердца», изданной «Голосом мучеников».

Во время служения в качестве регионального директора «Голоса мучеников» по Африканскому региону в Северной Нигерии я посетил юношу по имени Вэнг. Когда Вэнгу было всего три недели, на его деревню напали мусульманские экстремисты. Они подожгли дом его семьи и убили мать, когда она пыталась бежать с ним на руках. Вэнг упал в огонь и так сильно обжёг ноги, что они перестали нормально развиваться. Во время той поездки от имени «Голоса мучеников» я предоставил Вэнгу новые протезы, которые помогли ему ходить и бегать, как другие дети его возраста. Всего через три недели после того, как была сделана эта фотография, я отправился в Судан, где и был арестован.

Я тайно писал эти заметки, изучая Библию в тюрьме, особенно когда в течение трёх месяцев находился в одиночном заключении в полицейском участке «Нияба-Мендола». За это время я испытал то, что назвал бы личным изучением Библии со Святым Духом. Каждый день я стоял у окна своей камеры с 8:00 до 17:00, поэтому прочитал всю Библию, от Книги Бытия до Книги Откровения, за три недели (в течение первых пяти месяцев тюремного заключения мне не разрешали иметь Библию).

Эта фотография (слева направо: я, пастор Хасан, пастор Кува и брат Моним) была сделана в тюремной часовне «Аль-Худы». 29 января пастора Хасана и брата Монима приговорили к 12 годам тюремного заключения, а меня — к пожизненному заключению. 2 января пастор Кува был оправдан, поскольку во время моего визита его даже не было в Хартуме. Он был арестован за миссионерскую работу среди мусульман своей страны.

Это первая чашка для чая, которую я получил в тюрьме. Когда мне выдали её, она была очень грязной. У меня не было воды, чтобы вымыть её должным образом, поэтому я чистил её песком из пустыни, в которой была расположена тюрьма «Аль-Худа». Поскольку моя борода и волосы стали очень длинными, мне нужна была расчёска, которую привёз сотрудник консульского отдела посольства Чехии. Библия на чешском языке, которую я читал в тюрьме, открыта на 103-м псалме, одном из нескольких разделов Писания, которые я выучил наизусть, не зная, как долго мне разрешено будет пользоваться Библией.

Пастор Хасан (*справа*), ещё один старейшина из тюремной часовни (*слева*) и я в тюрьме «Аль-Худа». Когда пастор Хасан, пастор Кува и я прибыли в эту тюрьму, в первый же день нас пригласили в часовню. С нашим появлением, появлением ещё троих проповедников, старейшины решили увеличить количество служений в тюремной часовне с двух в неделю до пяти. В свободное время я преподавал заключённым французский и английский языки.

В канун Рождества я проповедовал в тюремной часовне «Аль-Худы» более чем 200 заключённым. На Рождество администрация тюрьмы разрешила присутствовать на богослужении около 100 заключённым из камеры смертников. Заключённые испытывали сильный духовный голод. Когда я впервые прибыл в тюремную часовню «Аль-Худы», там присутствовало лишь 20–25 человек. Спустя почти пять месяцев служения посещало уже более 200 человек. На Рождество проповедовать в тюремной часовне было разрешено католическому священнику из Италии. Прежде чем начать проповедь на арабском языке, он сказал по-английски, что никогда не проповедовал такой большой аудитории, даже в Риме.

Первая фотография с семьёй, сделанная дома после освобождения из тюрьмы. Когда я вернулся на родину на самолёте чешских

ВВС вместе с министром иностранных дел, мне сообщили, что мне придётся провести две-три недели на карантине в Пражском центральном военном госпитале. Однако, по милости Божией, все мои медицинские анализы были хороши, и после двух дней в госпитализации меня отпустили домой.

Моя жена Ванда и я во время нашей первой прогулки по историческому центру Праги после моего освобождения.

Ванда и я в нашей церкви в чешском городе Кладно после моего освобождения. Члены нашей церковной семьи установили на мобильных телефонах напоминание молиться за меня ежедневно в 20:00, как раз в то время, когда, как оказалось, в тюрьме я ложился спать. Их пламенные и регулярные молитвы позволили мне спокойно спать каждую ночь.

Во время съёмок учебной программы для малых групп, основанной на книге о *Ричарде Вурмбранде*, в марте 2018 года я стоял в одиночной камере в румынской тюрьме «Джилава», где когда-то отбывал заключение за веру Ричард. Хотя на улице было относительно тепло, в тюрьме было очень холодно. Стоя там, я ещё яснее осознал, что лишь защита и помощь Господа помогли Ричарду пережить эти суровые условия содержания, недоедание, болезни, избиения и пытки.

11 мая 2017 года мои друзья, пастор Хасан (*справа*) и брат Моним (*слева*), вышли на свободу из суданской тюрьмы. Власти предупредили Хасана, что за его деятельностью будет вестись надзор. Зная, что это вызовет ещё больший стресс у членов его семьи и привлечёт нежелательное внимание к церкви, они с семьёй покинули Судан. За ними последовал и брат Моним. Теперь оба живут в небольшом городке в сельской местности на востоке Соединённых Штатов, где я имел честь встречаться с ними во время моих поездок в США.

Со времени моего освобождения из тюрьмы я путешествую по миру, свидетельствуя о Божьей милости ко мне и Его верности во время моего пребывания в тюрьме и благодаря всех тех, кто молился за меня и мою семью. На этом фото я свидетельствую на конференции «Голоса мучеников» в американском городе Талса, штат Оклахома, вместе с пастором Хасаном и ведущим программы «Радио «Голос мучеников» Тоддом Неттлтоном.

СОДЕРЖАНИЕ

Судан во времена насиельственной исламизации.	5
Предисловие	7
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	27
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	38
ГЛАВА 9	42
ГЛАВА 10	52
ГЛАВА 11	60
ГЛАВА 12	63
ГЛАВА 13	74
ГЛАВА 14	80
ГЛАВА 15	86

ГЛАВА 16	95
ГЛАВА 17	103
ГЛАВА 18	119
ГЛАВА 19	131
ГЛАВА 20	136
ГЛАВА 21	141
ГЛАВА 22	149
ГЛАВА 23	159
ГЛАВА 24	165
ГЛАВА 25	168
ГЛАВА 26	175
ГЛАВА 27	178
ГЛАВА 28	184
ГЛАВА 29	188
ГЛАВА 30	194
ГЛАВА 31	198
ГЛАВА 32	203
ГЛАВА 33	207
ГЛАВА 34	213
Эпилог	215
Послесловие	223
Об авторе	227
О «Голосе мучеников»	229

Присутствующие внезапно замерли, а затем разразились неистовыми криками «Аллаху Акбар!». Я был поражён и не мог сдержать глубокий вздох. Мои глаза расширились. В течение нескольких минут мои сокамерники праздновали успех террористической операции во Франции. Ранее по телевизору я видел подобные мусульманские торжества, однако пережить такое лично, стало для меня потрясением.

В те страшные моменты я осознал, что заключён в камеру с исламскими экстремистами. В ближайшие дни я узнал ещё больше: мои сокамерники являются членами ИГИЛ.

* * *

10 декабря 2015 года Петр Яшек прибыл в аэропорт столицы Судана города Хартум, чтобы вылететь домой, в Чешскую Республику. Там он был задержан суданской службой безопасности для допроса о истинной цели его пребывания в стране и о его деятельности. Если они это узнают, это поставит под угрозу преследуемых христиан, с которыми он встречался. После задержания, во время продолжительных допросов, Петр понял, что в ближайшее время ему не вернуться к своей семье...

Вместо этого Петру было предъявлено обвинение в многочисленных особо тяжких преступлениях, и он был заключён в тюрьму – только за то, что предоставил помощь христианам, преследуемым правительством Судана. Приговорённый к пожизненному заключению и вынужденный делить камеру с террористами ИГИЛ, Петр рассказывает своё свидетельство о том, как во время заключения Бог дал ему силы, мужество и новую цель.

Выросший в семье преследуемого коммунистическим правительством Чехословакии пастора, Петр Яшек был хорошо подготовлен к тому, чтобы в 2002 году присоединиться к служению организации <<Голос мучеников>>, от имени церкви в свободном мире предоставляющей помощь и поддержку преследуемым христианам, живущим во враждебных к Евангелию странах. Теперь Петр Яшек продолжает служить в качестве международного координатора и путешествует по разным странам, свидетельствуя о своём пребывании в суданской тюрьме и побуждая верующих молиться и служить нашим преследуемым братьям и сёстрам по вере.

petrjasek.com

ISBN: 978-1684510092

9 781684 510092